
КРЕПОСТЬ «РОССИЯ»

Михаил Леонтьев
Александр Невзоров

ПРОЕКТ «РОССИЯ»

Annotation

Наша страна° — неприступная крепость! Если только ее не сдаст без боя «внутренний враг».

У нас великое будущее! Если власть наконец распрощается с ненавистным народу «либерализмом».

Русское экономическое чудо не за горами! Если перестать оглядываться на Запад и вернуться к былому «красному проекту».

Новый проект знаменитого журналиста и телеведущего Михаила Леонтьева!

Новые статьи Александра Невзорова!

Бескомпромиссная критика прежнего курса и прокладка нового.

Подлинная свобода слова ° — без намордника «либеральной» цензуры.

Всем, для кого Россия° — наша Родина, а не «эта страна».

Патриоты, объединяйтесь!

Вы искали национальную идею? Вот она!

-
- [Михаил Леонтьев](#)
    - [Михаил Леонтьев](#)
    - [Михаил Юрьев](#)
    - [Михаил Хазин](#)
    - [Анатолий Уткин](#)
    - [Александр Горянин](#)
    - [Михаил Юрьев](#)
    - [Александр Дугин](#)
    - [Виталий Найшуль, Ольга Гурова](#)
    - [Михаил Юрьев](#)
    - [Михаил Леонтьев](#)
    - [Александр Дугин](#)
    - [Михаил Юрьев](#)
    - [Дмитрий Куликов](#)
    - [Владимир Рудаков](#)
    - [Дмитрий Миндич, Евгений Верлин](#)
    - [Александр Невзоров](#)

- [Александр Невзоров](#)
  - [Александр Невзоров](#)
  - [Александр Невзоров](#)
  - [Михаил Леонтьев](#)
  - [Михаил Леонтьев](#)
  - [Михаил Леонтьев](#)
  - [Выходные данные](#)
  - [Copyright](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
    - [9](#)
    - [10](#)
    - [11](#)
    - [12](#)
    - [13](#)
    - [14](#)
    - [15](#)
    - [16](#)
    - [17](#)
    - [18](#)
    - [19](#)
-

Михаил Леонтьев
Александр Невзоров
КРЕПОСТЬ «РОССИЯ»

Михаил Леонтьев

ПРОЩАНИЕ С «ЛИБЕРАЛИЗМОМ»

Констатация результатов пятнадцатилетнего реформирования создает почву для разговора по существу о содержании либеральной модели и шансах на ее дальнейшее применение в мирных целях. Тем более что автор данной заметки долгое время считал себя либералом и до сих пор сохраняет приверженность многим «либеральным ценностям». Однако со временем, как ни странно, выяснилось, что либерализм как таковой неразделим с совершенно определенной пространственно-политической ориентацией на Запад. И более того, полностью ему подчинен. А это совсем другой разговор.

ВСЕВЛАСТИЕ ЭЛИТ

Михаил Юрьев в статье в «Известиях» (27.04.2004^о — по сути это ответ на «тюремное письмо» Михаила Ходорковского) констатирует, что в центре либеральной политической модели стоит не столько приверженность демократическим процедурам, сколько самоценность слабого *государства*. «...Не тем плох для либералов Путин, что он что-то не так делает, а тем, что слишком силен. И Ельцин хорош был не тем, что все делал правильно, а тем, что постоянно находился на грани потери власти... Вот в этом и есть главная невысказанная претензия либералов к путинской России: что элита^о — не какая-то конкретная группа, а элита в целом^о — перестала быть всевластной...» Именно слабое государство есть предпосылка для всевластия элиты, которая таким образом закрепляет за собой положение посредника между властью и народом. В нашем, российском случае проблема усугубляется тем, что наша отечественная либеральная элита с неизбежностью оказывается не просто прозападной, но прямо компрадорской.

И кстати, тотальный контроль со стороны элиты за средствами массовой информации, особенно электронными, является главным инструментом обеспечения своего всевластия в условиях широкого

применения демократических по форме электоральных процедур. Опять же в нашем, российском случае, если вы имеете дело с элитами по существу компрадорскими, этот контроль превращается в инструмент навязывания стране соответствующих ценностей и соответствующей политики.

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА

Михаил Ходорковский в том же письме справедливо отметил, что для большинства представителей нашего крупного бизнеса Россия являлась не родной страной, а *«территорией свободной охоты»*. Остается только добавить, что в рамках следования либеральной экономической парадигме никаких других перспектив у нового российского бизнеса не просматривается.

Либеральную экономическую модель принято считать образцом экономической эффективности, всегда с неизбежностью обеспечивающую выигрыш в конкурентной борьбе с любыми другими моделями. Тот факт, что это обстоятельство в подавляющем большинстве случаев никак не подтверждается практикой, оправдывается обычно ссылками на то, что либеральная модель применялась непоследовательно, не в полной мере и т.д. При том, что примеров осуществления либеральной модели в корректно чистой форме история не знает.

Дело в том, что абстрактная либеральная модель имеет своим предметом некую гомогенную общность, очищенную от национальных, культурных и религиозных различий и таким образом от различий *интересов* политических, некое *«мировое хозяйство»*. Только так можно не придавать значения заведомому неравенству игроков.

Собственно механизм эффективности либеральной модели, главный и единственный, ° — это максимально свободная и таким образом максимально равная *конкуренция*. Если допустить кардинальное различие *интересов* игроков, то в этом случае решающее значение приобретают различия *весовых категорий*. А тогда свободную конкуренцию уже очень трудно считать равной. Во

всяком случае, общий интегральный выигрыш «мирового хозяйства», с точки зрения подавляющего большинства конкретных игроков, становится бессмысленным, а может быть, и убийственным. Особенно если допустить, что «хозяин» этого хозяйства один, и мы знаем кто.

Тогда либерализм ° — политика сильного в отношении слабого, лишаящая слабого всяких шансов стать сильным.

Либерализация мировой экономики в части, подразумевающей в первую очередь открытость рынков (прежде всего для американских компаний, американского капитала) и на которой выстроены все современные мировые экономические организации (ВТО, МФВ и т.д.), была навязана Соединенными Штатами миру после Второй мировой войны, когда Америка стала на порядки превосходить разбитую в кровь Европу. Именно эту цель обеспечивала так называемая американская помощь, «план Маршалла». Условия помощи ° — открытость, экономическое разоружение (о военном вопрос не стоял: единственные конкуренты были просто оккупированы Америкой). Почему послевоенный СССР смог противостоять Америке, находясь в состоянии, близком к поверженной Германии, и имея, несомненно, гораздо менее эффективную экономическую систему? Потому что не согласился на маршалловскую схему. Не открылся.

Именно эта политика обеспечила беспредельный рост американского национального богатства за счет эмиссии доллара, защищая *американскую монополию на эмиссию*, за счет того, что так называемые «монетаристские» принципы, универсально навязываемые международными финансовыми организациями всем своим клиентам, никогда не распространялись на Соединенные Штаты.

Нобелевский лауреат Джозеф Стиглиц заметил, что эта политика не имеет ничего общего с экономической теорией ° — это идеология. Добавим: идеология, либо продвигаемая долларом (помощью, подкупом...), либо вбиваемая сапогом (в буквальном смысле атомной бомбой в том числе): «Мы всех купим, а кого не купим, размажем по стене».

ГАРМОНИЗАЦИЯ ФАНТАЗИЙ С РЕАЛЬНОСТЬЮ

Попытки сохранить «либеральные ценности» на фоне признания очевидного краха гуманитарных иллюзий о торжестве общечеловеческих ценностей и благожелательной интеграции России в мировое сообщество порождают новые химеры уже следующего порядка. Если построения Михаила Ходорковского о радужных перспективах либерализма выглядят просто наивными даже в контексте его же вполне адекватного письма, то «либеральная империя» Чубайса (надо отдать должное Чубайсову государственничеству) ° — свидетельство, как бы сказать, сильной мотивации. Попытка гармонизировать в общем адекватное понимание суровой реальности с наивными фантазиями в отношении западных партнеров и безакцептными обязательствами перед ними: «... *российская либеральная империя должна замкнуть цепь великих демократий*». Империя (она же в силу вышеизложенного либеральная) может быть только одна. Подданным не позволено формировать никаких подимперий. Замыкать цепь эта империя будет сама. Где хочет и на чем (на ком) хочет.

Документ Пентагона, рассекреченный в 1992 году, таким образом формулирует американскую внешнеполитическую доктрину: «*Нашей главной целью является предотвращение возникновения нового соперника, будь то на территории бывшего Советского Союза или в другом месте, который представлял бы собой угрозу, сопоставимую с той, которую представлял собой Советский Союз... Нашей стратегией должно быть предотвращение возникновения любого потенциального будущего глобального соперника*».

Если принять это как вызов для России (если предположить, что Россия еще способна слышать вызовы), то ответ на него никак не может быть либеральным. Несомненно, рынок ° — это экономически эффективный инструмент. Рынок и конкуренция, несомненно, лежат в центре любой динамично растущей экономики. Однако кто сказал, что он должен быть открытым? Тем более открытым под диктовку не просто более сильного конкурента, а мирового гегемона. Если разумный изоляционизм обеспечивает на внутреннем рынке равную конкуренцию, а открытость ее уничтожает, то изоляционизм эффективен и потому необходим.

ВЫМИРАНИЕ НОСИТЕЛЕЙ ЛИБЕРАЛИЗМА В РОССИИ

Выразителем идей либерализма, рыночных реформ, слияния с Западом в широком смысле была советская и постсоветская интеллигенция. Дело даже не в разочаровании в результатах реформ, обидах на Запад. В условиях свободного, дикого рынка интеллигенция не только обнищала и пауперизировалась, но и лишилась роли «мозга нации», фактора национального обновления, коей она была в постсталинское время. Интеллигенция (или ее остатки) лишилась рычагов общенационального влияния. Российской интеллигенции не существует в том смысле, в котором эта категория понималась в советском контексте, ° — есть бюджетники. (К примеру, крах партии «Яблоко». Бюджетники голосуют не так, как интеллигенция, даже если это одни и те же физические лица.)

Наиболее явный результат ° — это физическое выбывание бывшей интеллигенции на Запад. Эмиграция, сравнимая с бегством после Гражданской войны. Идеологический мост на Запад теряет свое основание ° — прозападную интеллигенцию.

Как заметил известный американист профессор Анатолий Уткин, «единственной причиной новой мировой революции может стать отказ белой женщины рожать детей». Носителем либерализма как культуры, образа жизни и системы ценностей является западная белая христианская (в идеальном случае протестантская) цивилизация. В настоящее время *все* принадлежащие к ней этносы обнаруживают отрицательный естественный прирост, кстати, на фоне колоссального прироста представителей иной, нелиберальной, если не антилиберальной, культурной традиции. Отказ от воспроизводства ° — это верный, буквально биологический признак вымирания в данном случае не просто этносов, а определенной цивилизации, цивилизационной идеи. Тем более что есть основания полагать, что в основе этого отказа лежат именно специфические ценности либерализма: разрушение традиционных религиозных по сути институтов семьи, общины, крайний индивидуализм, идеология личного успеха, секуляризм и политкорректность, колоссальное стимулирование гедонистических ценностей. Таким образом, отказ от биологического воспроизводства и вымирание носителей либерализма являются прямым результатом торжества либеральных идей. Собственно, на этом можно было бы поставить точку.

О «ЕВРОПЕЙСКОМ ВЫБОРЕ» РОССИИ

Суть в том, что судьбы так называемого либерализма и тем более либералов прямо связаны с отношением к «западным ценностям», к Западу в целом. По вопросу о европеизации России Федор Иванович Тютчев высказался исчерпывающим образом еще полтора века назад в письме князю Вяземскому: *«...Мы принуждены называть Европой то, что никогда не должно было иметь другого имени, кроме своего собственного»*.

Цивилизация... *Вот что искажает наши понятия...*» Тютчев ясно видит разницу между понятиями, которые не могут различить либералы нынешние и прошлые. Есть разница между «унитазом» и «Европой», даже (вы будете смеяться) между «независимым судом» и «Европой». Это разница между добровольным заимствованием и подчинением.

«Впрочем, ° — пишет Тютчев, ° — я все более и более убеждаюсь, что все, что могло сделать и могло дать нам мирное подражание Европе ° — все это мы уже получили... Нужна была эта с каждым днем все более явная враждебность, чтобы заставить нас осознать себя. А для общества, так же как и для отдельной личности, первое условие всякого прогресса есть самопознание. Есть, я знаю, между нами люди, которые говорят, что в нас нет ничего, что стоило бы познавать. Но в таком случае единственное, что следовало бы предпринять, это перестать существовать, а между тем, я думаю, никто не придерживается такого мнения».

Единственное, что изменилось за прошедшие полтора века, что теперь люди, придерживающиеся «такого мнения», есть. У нас некоторые из них называют себя либералами.

Михаил Юрьев

КРЕПОСТЬ РОССИЯ

«...яко с нами Бог»

При всей разнице взглядов на судьбы России, существующих в нашем обществе, все они сходятся в одном: Россия должна быть активным членом мирового сообщества, должна быть глубоко интегрирована в мировую экономику и политику, и иначе быть не может и не должно, хотя считать так в России начали вовсе не испокон веку, а только со времен Петра I. Одни думают, что вот нам бы слиться в экстазе с Западом. Другие ° — что нет, надо встать с ним в жесткую конфронтацию и в туманном будущем победить, а поскольку сегодня боязно, то хотя бы постоянно его задирать на словах; третьи ° — что да, надо, но не жестко, а по возможностям, и никто не предполагает, что его можно вовсе игнорировать. Очень редко кто-либо из политиков или публицистов скажет как о само собой разумеющемся, что изоляция от мировой цивилизации (на самом деле имеется в виду цивилизация исключительно западная) для России подобна смерти, причем с таким же уровнем доказательности, как некогда тезис о вращении Солнца вокруг Земли: чего доказывать, и так видно. Если всерьез, то по умолчанию считается, что такой политики просто не может быть. На самом же *деле* очень даже может, и притом в отношении не только Запада, но и всех остальных ° — такая политика, собственно не политика даже, а сквозное мировоззрение, называется «изоляционизм». Далее я попытаюсь показать, почему оно не только возможно, но и жизненно необходимо сегодня для выживания России, а тем более для ее возвеличения.

По-хорошему начинать представление не общеизвестной концепции надо с определений ° — так мы и поступим. **Изоляционизм** есть такой уклад существования нации и созданного ею государства, при котором контакты с внешним миром относительно невелики и взаимодействие с ним во всех сферах общественной жизни ° — экономике, политике, культуре, идеологии, религии ° — малосущественно и несравнимо по

значимости с внутренними влияниями. При всей лапидарности этого определения из него следуют не вполне тривиальные вещи. Во-первых, в нем ничего не сказано об административных запретах, и не случайно: малочисленность контактов может проистекать как из запретов, так и из объективного существования тех или иных барьеров, делающих запреты ненужными. Представьте, например, уже укоренившуюся колонию-поселение на другом континенте лет 300 назад (или на другой планете через 300 лет). Надо ли ей вводить таможенные пошлины на ввозимые товары для защиты своего производителя, если каравелла (или звездолет) приходит раз в год и все привезенное на ней является золотым по сравнению с местным? Именно поэтому до начала XX века экономика США была вполне изоляционистской^о — внешняя торговля составляла менее 5% ВВП (в современной России до 50%), притом, что никаких особых таможенных барьеров не было. Что, кстати, не помешало ей выйти на первое место в мире по ВВП еще в конце XIX века, а вовсе не после Второй мировой войны и глобализации, как почему-то многие думают. Понятно, что такие объективные барьеры могут быть связаны не только с географической удаленностью страны, но и с языком, религией, обычаями, уровнем развития и т.д., и чем они сильнее, тем меньше нужды в каких-либо запретах (это важно, и мы к этому еще вернемся). Во-вторых, малочисленность контактов не означает их полного отсутствия. Опять-таки на примере экономики это значит, что в изоляционистском обществе никто не будет заставлять выращивать кофе под Сургутом, если он там не растет, или пить вместо кофе какой-нибудь суррогат. Но все будут знать, причем по умолчанию, что если кто-то, используя новые технологии и свой предпринимательский и организаторский талант, все-таки научится выращивать под Сургутом полноценный кофе, то ему не придется конкурировать с импортом, который незамедлительно будет закрыт, даже если сургутский кофе обойдется потребителю и дороже. В-третьих, изоляционизм означает игнорирование взаимодействия с окружающим миром, а не факта его, этого мира, существования^о — нормальное государство, даже вполне изоляционистское, держит сильную армию (а это значит, помимо прочего, все знать о противнике), даже если у него нет никаких интересов за рубежом, потому что зато такие интересы есть в нем у других. И так не только в военной сфере. Это не делает страну менее

изоляционистской. Так вполне сухопутный народ, боящийся моря, не становится менее сухопутным оттого, что строит дамбы, чтобы от этого моря защититься.

Итак, разобравшись с определениями, давайте посмотрим, что означает изоляционизм у нас и в наше время, так сказать, новый изоляционизм. У большинства людей первой реакцией будет: ну вот, опять как при СССР в очереди за колбасой по два двадцать стоять! (Предлагаю проверить на знакомых.) При полном согласии в нелюбви к очередям и к упомянутой так называемой колбасе должен отметить, что здесь кроется логическая ошибка: экономика СССР действительно была закрытой, но это не единственное и на самом деле не главное ее отличие от нынешней российской экономики или, к примеру, от немецкой. Главное° — в том, что она была не частнорыночной. А это понятия не очень связанные (о чем мы все как раз и забыли): кроме рыночно-открытых, с одной стороны, и государственно-закрытых° — с другой, бывают, хотя и реже, и экономики нерыночные, но открытые (например, экономики почти всех нефтяных стран Ближнего Востока), и экономики вполне частнорыночные, но закрытые. Последние и являются мечтой изоляциониста, и раньше, в период раннего капитализма, к ним относилось большинство стран, кроме разве торговых республик типа Голландии, а США и Германия° — так и вовсе до начала XX века. Можно сказать, что это было давно и к нынешним временам не относится, но, во-первых, старое и отставленное в сторону не значит плохое (до середины XX века, например, устаревшим и смешным казалось жить на природе вне города, а сейчас это символ богатства), а во-вторых, именно в тот период все капиталистические страны стали экономическими гигантами. Мне однажды попала на глаза книжка, изданная в России в начале XX века, «что-то такое о промышленно развитых державах». Я посмотрел ее ради самого начала введения, где автор обещает далее рассмотреть это что-то на примере 8 (sic!) стран. Так кто же тогда относился к 8 промышленно развитым державам мира? Смотрим: североамериканские Соединенные Штаты, Германская империя, Соединенное Королевство Англии и Шотландии, Французская республика, Российская империя, Япония, Австро-Венгерская империя и Итальянское королевство. Вдумайтесь: пролетел весь бешеный XX век со всеми его потрясениями, экономическая мода менялась от

социализма до монетаризма, а G8 изменилась лишь в том, что ушла из списка Австро-Венгрия (по уважительной причине исчезновения) и появилась весьма сомнительная Канада (по столь же уважительной причине соседства с США). Вот вам и немецкое, и японское экономическое чудо: оказывается, это была не более чем нормализация расстроенных войной финансов в странах, которые отродясь и были экономическими лидерами. Так кого же открытость вывела в лидеры, если все они уже были ими до открытия своих экономик? Может быть, Китай, который хоть и не входит формально в G8, но имеет четвертую в мире экономику по абсолютному размеру ВВП, пусть и за счет огромного населения,° — но открытость его весьма условна, и ответ на вопрос о том, что является главным фактором роста Китая, весьма неоднозначен. Зато можно точно сказать, кого открытость вывела из лидеров° — Россию, которая могла бы с полным основанием входить в эту восьмерку в 1990 году, но никак не в 2003-м (хотя формально входит); и я возьму на себя смелость утверждать, что **именно «открывание» экономики и всего остального и привело к этому плачевному результату, а не рыночные преобразования сами по себе.** И вот теперь, поняв, что открытость и рыночность суть разные вещи, хотя и встречающиеся часто вместе, мы можем четко ответить опасавшемуся возврата к советским очередям за колбасой: не открытость экономики определяет качество, ассортимент и доступность колбасы, а рыночность, благодаря мотивированности собственника, конкуренции и естественному отбору субъектов рынка. Никто не жаловался на очереди за колбасой в США в XIX веке, притом что импортной среди нее не наблюдалось (при тогдашней скорости пересечения Атлантики она бы просто не доехала). И если экономика России совершит поворот к изоляционизму, но сохранит имеющийся ныне рыночный принцип организации, то аскетичной она не будет, как не была аскетичной экономика рекордсмена XX века по экономическому росту° — германского Третьего рейха: несмотря на провозглашенный приоритет пушек над маслом, в нем производились не только «тигры» и «пантеры», но и революционные для своего времени (притом доступные народу по цене) «Фольксвагены», и считающиеся лучшими автомобилями всех времен «Майбахи».

Ну хорошо, скажут вам на это, убедили, будет колбаса при изоляционизме. Ну а смысл-то в чем? То, что в результате перемен не

станет хуже, еще не означает, что их надо осуществлять (если, конечно, нет реформаторского зуда). А давайте попробуем ответить на вопрос: какие темпы экономического роста необходимы России, чтобы догнать, например, США по ВВП на душу населения, допустим за 30 лет? За 30 лет° — потому, что это обычный горизонт стратегического планирования, столько заняло послевоенное так называемое экономическое чудо в Германии и Японии, современный Китай тоже наметил себе выход на лидирующие экономические позиции в мире к 2010–2011 году (те же 30 лет с начала реформ); планировать же на больший срок весьма затруднительно. А США° — потому, что задача сравняться с Португалией хороша своей реалистичностью в среднесрочной перспективе (она так и ставилась), но никак не в стратегической; на самом деле нам и догнать США недостаточно, но об этом ниже. Так вот, поскольку сейчас удельный ВВП России ниже американского в 10–12 раз (это с учетом недооцененности рубля, а формально в 16), то легко подсчитать, что годовой рост нашей экономики должен для выполнения поставленной задачи стабильно превосходить рост экономики американской примерно на 9% в течение 30 лет. Именно так: не просто равняться 9%, а при принятии средней цифры роста в США в 2% составлять уже 11%, а при более чем 2% так и еще больше. Конечно, это при предположении, что в США вообще будет рост, а не кризис, к примеру, но об этом я скажу отдельно. Реален ли рост в 11% в год на протяжении 30 лет? Я считаю, что очень сложен, но при мобилизации всей нации на решение этой задачи теоретически возможен (а без такой мобилизации все равно не происходило ни одно из «экономических чудес»). Но вот что точно нереально° — это иметь рост в 11% в стране с открытой экономикой, интегрированной в мировую, когда в остальной части мира имеет место рост 2-процентный. Потому что глобальная экономика в гораздо большей степени, чем мировая хозяйственная система прежних лет,° — это система сообщающихся сосудов, в которой ни один участник не может сильно выделяться, поскольку перетоки капитала и ресурсов, изменение валютного курса и т.д. быстро это выровняют. Это не значит, что глобальная экономика мешает развитию входящей в нее национальной° — она ее просто выравнивает под общую гребенку по темпам роста, и поэтому у страны, полностью интегрированной в глобальную экономику, темпы роста могут и вырасти, если они были

ниже, чем у других, ° — но только до общего уровня. Это выражение объективного закона: все части одной экономической системы, если между ними нет серьезных барьеров (а если есть, то это не одна система), стремятся к выравниванию базовых экономических показателей. Поэтому не будет у нас с открытой экономикой 11% роста в год при 2% у других стран. Если же у них будет не 2-процентный рост, а, дай бог, кризис и спад, то это означает, увы, не то, что нам хватит 9 или, может, даже 7%, а то, что у нас самих будет кризис и спад, скорее всего еще больший, поскольку американцы виртуозно научились перекладывать свои проблемы на союзников, не говоря уж о противниках. Даже в общей теории систем есть теорема: один элемент системы не может быть в состоянии качественно ином, чем вся система. Таков, собственно, вывод приведенного анализа: **при открытой экономике не светит нам сравняться по удельному ВВП с развитыми странами. Улучшится вдруг у них экономическая конъюнктура ° — возможно, улучшится и у нас, но значительно сократить с ними разрыв не получится никак.**

А может, и ничего страшного? Обидно, конечно, быть приговоренными жить хуже других, но, может, это и не трагично ° — переживем? А там, глядишь, лет за 100 помаленьку и сравняемся, а не за 100, так за 200. Дался он нам, этот удельный ВВП! Ведь удельный ВВП прямо влияет всего лишь на уровень жизни ° — военно-политическая мощь страны зависит исключительно (из экономических показателей) от ВВП общего. Это происходит потому, что уровень жизни людей зависит от того, сколько ресурсов приходится на одного жителя, а мощь государства ° — от того, сколько их приходится на власть, которая присутствует в единственном экземпляре. Именно поэтому так опасаются в США растущей мощи Китая: по удельному ВВП Китаю даже приблизиться к Америке в ближайшее столетие не грозит (Китай при всех его успехах планирует догнать Россию ° — не США ° — по удельному ВВП только к 2005 году), но при вчетверо с лишним большем населении его общий ВВП уже сейчас составляет треть американского, а доля, находящаяся в распоряжении правительства, существенно выше. Так вот, по общему ВВП у нас еще хуже, потому что население у нас не больше, а, увы, меньше: по сравнению с Америкой ° — в 2 раза, а со всем Западом (Америка плюс Европа, даже без Японии и иных) ° — в 5 раз. Общий наш ВВП сейчас

меньше американского не в 10–12 раз, как удельный, а в 20–25 (формально в 30). Вдумайтесь: соверши мы невозможное и догони США по ВВП на душу населения (для этого надо не удвоить ВВП, как приказывает президент Путин, а упятнадцатерить), наш общий ВВП, а следовательно, и военно-политическая мощь, будет в 5 (!) раз меньше, чем у западного блока. И консолидировать в руках власти существенно большую долю этого ВВП, как делал СССР, не получится ° — это приводит к вышеупомянутым казусам с колбасой и как следствие к недовольству населения и его отказу поддерживать власть, в том числе и в ее противостоянии с реальными врагами государства. Да и никого нам тогда не догнать ° — в рыночной экономике обязательным, хотя и недостаточным, залогом успеха является меньшее, а не большее суммарное изъятие из экономики на внеэкономические цели (обсуждение же возможностей нерыночной экономики не есть предмет этой статьи). Ну а что происходит со страной, чья военно-политическая мощь существенно меньше, чем у сильных мира сего, которая к тому же обладает самыми большими в мире территорией и ресурсами, являясь поэтому лакомым куском, и которую в довершение всего эти сильные ° — давайте называть вещи своими именами ° — исторически ненавидят даже на иррациональном уровне (на рациональном, впрочем, тоже), догадайтесь сами. И не надо уповать на ядерное оружие, кроме как в краткосрочном и, хотелось бы надеяться, среднесрочном плане. Вовсе не потому, что оно у нас устареет или развалится, а потому, что, как гласит известная поговорка, на каждую хитрую, скажем так, гайку найдется свой болт с винтом. И можете не сомневаться, болт этот достаточно скоро появится, не тот, так другой, скорее всего (хотя совсем необязательно) в виде высокоэффективной противоракетной обороны. Неважно даже, появится ли она только у американцев или нет: если она будет и у нас, это просто будет означать, что у нас обоих как бы нет ядерного оружия, как это и было до середины XX века, а что происходило всегда со страной, чья военно-политическая мощь существенно меньше, см. выше. Вот, собственно, что реально означает невозможность догнать и перегнать Запад по экономике. Если же кто-то считает, что Запад нам не враг и не представляет угрозы ни при каком соотношении военных потенциалов (хотя автор считает, что таковые убеждения, если они искренни, есть безусловное основание для срочной госпитализации), даже это

неважно: ибо пусть сегодня Запад есть средоточие всего высокого на Земле и по-христиански любит нас, а завтра, глядишь, не есть и не любит. Так мы и подошли к тому, что и хотели доказать — **открытая экономика, при ее принципиальной невозможности догнать Запад, надежно ведет Россию к исчезновению как государства.** И это, заметьте, при равных условиях, которых, конечно же, нет и не будет, ведь мы в своих рассуждениях, которые и привели к этому выводу, не делали никаких допущений про неравные условия хозяйствования. То есть если к импорту нашей стали в США будут относиться так же стоически, как во времена «холодной войны» к импорту японских видеомагнитофонов ° — типа, ну и пусть в Америке не останется сталелитейщиков, зато мы, американцы, делаем ракеты и перекрываем Миссисипи, ° — даже при этом нам особо ничего не светит. В реальности же какая там сталь или видеомагнитофоны ° — нам бы экспорт нефти не перекрыли под предлогом недостаточного соблюдения прав сексуальных меньшинств в Чечне или чего-нибудь в этом роде. И непременно перекроют, когда либо из-за Ирака и неминуемого развала ОПЕК, либо из-за чего-то еще она окажется на мировом рынке в избытке. Правда, справедливости ради надо сказать, что, относись к нам Америка совершенно нормально, вряд ли она стала бы долго терпеть положительное (для нас) торговое сальдо с ней, если бы таковое было. Просто потому, что в отсутствие политических соображений а-ля времена «холодной войны» совершенно непонятно, для чего его терпеть от кого бы то ни было. То, что и сейчас США имеют с рядом стран и с миром в целом колоссальный торговый дефицит, причем на пустом месте (не из-за отсутствующего у них сырья или технологий, а из-за ширпотреба, который они без всяких проблем могут производить сами, пусть и чуть дороже), есть именно реликт «холодной войны» с ее необходимостью подачками удерживать сателлиты. И ожидает его судьба других реликтов, таких, например, как ООН. Так что, если завтра выяснится, что свободная торговля США с Германией и Францией более невозможна из-за их предательства идеалов демократии в иракском вопросе, или с Китаем и Японией из-за опасности нетипичной пневмонии, не удивляйтесь: кроме как в лицемерии, Америку тут не в чем даже будет упрекнуть. Вот с Польшей или с Эстонией можно смело иметь свободную торговлю, причем по-честному ° — от них отрицательного сальдо

можно не опасаться. К какой из этих двух групп относимся мы, предлагаю отгадать с двух раз, а даже без теоретической возможности существенного превышения экспорта над импортом, которое вытянуло послевоенную Японию, соблазны открытой экономики становятся для нас совсем уж виртуальными. Так что по сравнению со схемой, которую мы разбирали, считая проценты роста, действительность для нас еще хуже.

Ну, а при закрытой-то экономике есть ли на что надеяться? Так ведь закрытая экономика, в отличие от открытой, есть сосуд изолированный, а не сообщающийся с другими; ну, а возможно ли накачать уровень воды в изолированном сосуде выше, чем в других, зависит только от усилий качающего. Конечно, это трудно, но вся история русского народа разве не свидетельствует о способности к сверхусилиям? Но вот стоит только открыть краник, соединяющий с другим сосудом, и вы можете качать хоть со скоростью звука° — все будет уходить в другие сосуды, что и происходит с нашей экономикой последние 15 лет. При этом те, кто призывает сделать у нас условия для капиталов лучше, а не хуже, чем у других, и тогда к нам вернутся не только наши, но и потекут чужие, сами не ведают, о чем говорят. В глобальной экономике они должны для этого стать не просто хорошими, а лучшими в мире: вы всерьез на это рассчитываете? Лучше, чем в Китае, где завидуют зарплате 100–200 долларов в месяц? Лучше, чем в Бразилии, где не знают, что такое отопление? Лучше, чем там, где законом запрещены профсоюзы и забастовки, и там, где капитализация того же предприятия, на которое затратили те же деньги, в 4–5 раз выше? Полноте, вернитесь на землю! Да и устремись к нам вдруг иностранные инвестиции в реально больших размерах° — их быстро перекроют неэкономическими способами центры силы современного мира, ибо зачем им усиливающаяся за их же счет Россия. Или полужкономическими, объявив об увеличении российских страховых рисков и о снижении российского суверенного кредитного рейтинга. А собственные уведенные капиталы в массе своей не вернутся ни при каких обстоятельствах, потому что настоящий вор (а других среди владельцев больших уведенных капиталов нет) никогда не поверит, что его реально простят, потому что это противоречит его же (и не только его!) здравому смыслу, и сам бы он так никогда не сделал. Так что надеяться на то, что при открытии краника с другим

сосудом потечет к нам, а не от нас, не стоит. Сверхусилий же не надо пугаться° — они не обязательно означают жертвы, а могут быть всего лишь безжалостным и болезненным избавлением от некоторых стереотипов. **Если экономика наша (и не только она) будет надежно изолирована, а в общественной жизни будут четко разделены и разведены сферы власти и капитала, так сказать Бога и мамоны, то в сфере мамоны можно допустить невиданный либерализм, который сделает русский капитализм самым эффективным в мире,** способным таки догнать и перегнать Запад. К тому же для закрытой экономики существуют рецепты форсированного роста, например эмиссионные, которые к экономике открытой в принципе неприменимы. Правы были наши демократы, когда боролись в 90-х годах с «эмиссионным менталитетом» ° — в тогдашней (как и нынешней) открытой экономике он смерти подобен. Его применение и в закрытой-то экономике балансирует на грани между лекарством и ядом, но это общее свойство всех сильнодействующих снадобий. Главный же расчет на то, что в западной (и как следствие в мировой) экономике наступит все-таки масштабный кризис. И хотя мне кажется, что позиция ряда наших публицистов и общественных деятелей, таких как Михаил Леонтьев, утверждающих, что он уже наступил и вскоре перейдет в катастрофическую фазу, чересчур оптимистична, рано или поздно это, наверное, все-таки произойдет. И вот тогда, если наша экономика будет закрытой и соответственно нечувствительной к этому, а, напротив, будет продолжать динамично развиваться и только выиграет от чужих проблем, придет наше мгновение. Как пелось в фильме, придет оно большое, как глоток. Так охотится царь зверей° — лев из засады. Так Америка стала сверхдержавой после Второй мировой войны° — не так она выросла за ее время, как другие просели. И для нас, если повернуть к изоляционизму сейчас, это более чем реально.

Экономический рост не более чем частный случай автаркии. Не стоит большого труда доказать, что любого мирового могущества нация добивается только после периода изоляционизма: Рим° — до Пунических войн, США° — до Первой мировой войны. Но это° — тема другого исследования.

Итак, нет в стратегическом плане более важной задачи для России в экономической политике, чем провозглашение автаркии как цели и,

соответственно, подготовка, поворот и собственно движение к ней. Подготовка должна включать разработку идеологии, обосновывающей необходимость этого, и убеждение в ней значительной части общества. Вряд ли это особенно сложно даже без ссылки на традиционный русский менталитет, поскольку основывается на универсально базовой ценности: независимость нации и государства превыше всего. Любое же взаимодействие с окружающим миром есть вступление в зависимость от него, и чем сильнее взаимодействие, тем сильнее зависимость; в какой-то момент она становится критической, и для нас он уже наступил. При этом важно, что знак взаимодействия не существенен: страна, которая очень много экспортирует, так же зависима от других, как и та, что много импортирует, потому что в некий момент отказ покупать у нее товары обрушит ее экономику (в этом, кстати, ахиллесова пята китайской экономики). Жизненная необходимость автаркии для того, чтобы догнать и перегнать Запад, что принципиально невозможно в открытой экономике, также проистекает из императива национальной независимости. Сам поворот к автаркии должен включать увязанное по времени дестимулирование экспорта и импорта, с одной стороны, и вывоза и ввоза капитала^о — с другой, то есть текущих и капитальных внешнеторговых операций. Наилучшим инструментом для всего этого, существенно более эффективным, чем таможня, является отмена конвертируемости рубля (внутренней), и вообще ужесточение валютного и в целом финансового регулирования, то есть упор на администрирование движения денег, а не товаров. Из ранее сказанного ясно, что таковое ужесточение предлагается только в части, касающейся бизнеса с внешним миром, и должно в обязательном порядке сопровождаться общей либерализацией и ослаблением контроля для бизнеса чисто внутреннего. Само ужесточение валютного регулирования должно включать обязательную 100-процентную продажу валютной выручки от экспорта (а еще лучше к переходу к экспорту исключительно за рубли) и разрешение приобретения валюты исключительно под импорт (то есть запрет ухода в открытую валютную позицию для извлечения курсовой прибыли) со строгим контролем этого. Само это приобретение должно делаться только у государства (собственно, если у экспортеров нет валюты, так больше и не у кого) и по курсу, заниженному по отношению к рублю. Лучше, если курс был бы

жестким (не плавающим), изменяемым не чаще, чем объявлено заранее, поскольку нерыночное его определение делает почти невозможным влияние на него, а следовательно на нашу экономику, внешних сил, что есть самоценность. Но это возможно, только если придумать внятный и объективный, причем не через взятки, механизм определения того, кто из желающих быть импортерами купит валюту, а если не удастся, то придется все-таки определять его на торгах, устраиваемых государством. Возможно возрождение множественных валютных курсов, прямое или косвенное (через введение акцизов на те или иные группы импортных товаров или услуг или на типы сделок). Не надо пугаться того, что множественность курсов была анафемой для либеральных экономистов начала 90-х^о — это всего лишь означает, что излагаемая здесь концепция противоположна воззрениям тех либеральных экономистов, не говоря уж о том, что жупелы вчерашнего дня редко актуальны для дня сегодняшнего. Принцип для определения приоритетности дестимулирования импорта должен быть таков: производится ли нечто в стране сейчас (имеется в виду сопоставимого качества), а если нет, то может ли такое производство начаться и в какие сроки.

Скажем, упомянутый в начале статьи кофе у нас не растет и при нынешнем развитии науки расти не может. Следовательно, валюта для его закупки будет продаваться всегда, и государство будет следить лишь за тем, чтобы количество реально неаффилированных импортеров кофе было достаточно большим для конкуренции. Курс (то есть, по сути, цена) будет определяться валютными возможностями страны. А вот есть некий товар, который у нас не производится, но, если предприниматели начнут инвестиционный цикл в этом году, начнет производиться через 2 года, а в количествах, покрывающих весь спрос, ° — через 4; тогда объявляется, что валюта под приобретение этого товара продается по низкому курсу еще 2 года, третий год ° — по существенно более высокому, а с четвертого перестает продаваться вовсе. Закон при этом должен гарантировать, что нарушение государством этого заранее объявленного графика есть безусловное основание для исков против правительства о компенсации убытков и недополученной прибыли, ° — тогда этот график станет путеводной звездой для инвесторов, желающих развить производство этого товара. Для тех видов импортозамещающих производств, где

объем капиталовложений делает малореальным спонтанное быстрое появление инвесторов, как, например, в автомобилестроении полного цикла, государство должно объявить о дополнительных стимулах, например о беспроцентном или низкопроцентном беззалоговом кредите в столько-то процентов от вложенного инвесторами, ° — очевидно, что даже при неликвидированной, а хотя бы отчасти обузданной коррупции это легко реализуемо. Но увлекаться участием государства в экономике нельзя: если уподобить страну складу, государство должно быть сторожем, а не кладовщиком; то есть следить, чтобы никто не зашел снаружи и чтобы ничего не вынесли наружу, а не определять, кому что отпустить внутри.

Таковы основные механизмы дестимулирования импорта. Тем, кто считает, что это коммунистический манифест покруче зюгановского, будет интересно узнать, что в послевоенной сверхкапиталистической Японии восстановление экономики шло именно так, только еще жестче: валюта не продавалась импортерам даже на ввоз антибиотиков в разгар эпидемии стрептококковой ангины, хотя в стране они не производились, а только на сырье и оборудование для производства. Механизм же дестимулирования экспорта, помимо перевода его на рубли, еще проще ° — это существующие экспортные пошлины, которые надо будет просто пересмотреть. Причем если конечной целью по импорту является полное его искоренение, во всяком случае по товарам, которые можно произвести у себя, то по экспорту таковой целью является именно дестимулирование, чтобы он не составлял значимой части ни в общем ВВП, ни в отдельных отраслях. Могут спросить, а экспорт-то чем мешает, особенно если он представляет глубоко переработанную продукцию и идет в страны, заведомо не являющиеся нашими противниками? Экономически в этом последнем случае, может, ничем и не мешает, но важно, чтобы все хозяйствующие субъекты (как, впрочем, и нехозяйствующие) постепенно привыкли, в том числе на подсознательном уровне, уровне общественных **архетипов**, что все для них ° — обогащение и разорение, возвышение и падение, счастье и несчастье ° — находится между западной и восточной границами России и нигде больше. И если уж вдруг в границах станет тесно, то не пересекать их надо, а расширять. Тогда и только тогда опять станет Россия державой, а не территорией, а мы все ° — нацией, а не

населением. **Что же касается иностранных инвестиций, то с ними все проще: они являются безусловным вредом,** и политика в отношении их должна быть соответствующей. То, что мы все считали их благом 10–15 лет назад, просто основывалось на ложной посылке, что вот решил-де человек из какой-то страны основать у нас компанию и зарабатывать здесь деньги, как Прохор Громов на Угрюм-реке, ° — что же тут плохого? Да ничего, кроме того, что, как выяснилось, так не бывает. Не основывают иностранцы у нас (как и в других местах) компании с такими целями, если только не хотят переехать к нам жить насовсем, но тогда это уже не иностранцы, а россияне иностранного происхождения, и их-то милости просим! А так вкладывают фирмы в создание своих филиалов, обычно чисто сборочных, смесевых или упаковочных, что, по сути, просто импорт. Заработанные деньги они всегда будут стараться вывезти из России, а аргумент про создаваемые ими рабочие места рассчитан на дилетантов, потому что потребление любого товара в рыночной экономике определяется спросом, а не предложением; и если на данный товар есть спрос, то, не построй иностранцы фабрику по его выпуску, ее построит русский инвестор, и рабочих мест на ней будет ровно столько же. Образно говоря, сколько построено заводов по выпуску кока-колы ° — столько недопостроено заводов по выпуску «Байкала». А еще любят иностранные инвесторы создать за границей производство того, что запрещено дома, или того, что дома никому не нужно, ° — как символ нового Китая, заводы «Фольксваген» и «Ауди», производящие прекрасные машины, только вот моделей 70-х годов. И совсем уж смешны разговоры о том, что иностранные инвесторы привезут с собой ультрасовременные технологии: во-первых, не привезут, а во-вторых, и это главное, а почему бы их просто не купить (что, собственно, и делают на своих предприятиях русские инвесторы). Нет, об иностранных инвестициях, в отличие от внешней торговли, надо забыть вообще как о понятии. Кстати, именно как понятие они возникли на Западе 200–300 лет назад вовсе не как инвестиция англичанина во Францию ° — такое не практиковалось, ° — а как инвестиция англичанина в английские же колонии, что отражено даже в их названии (по-английски собственные инвестиции за рубеж называются *overseas investments*, дословно «инвестиции за моря»), и ставка на них есть черта именно колониальной, в крайнем случае постколониальной экономики. Те же

принадлежащие иностранному капиталу предприятия, которые уже существуют, не надо национализировать, достаточно объявить, что заработанные ими рубли государство не будет обменивать на иностранную валюту, а покупка ее на рынке невозможна. Конечно, весь мир при этом совершенно справедливо скажет, что теперь уж точно никогда, ни через 100 лет, ни через 200, никто не будет вкладывать деньги в Россию°— и это особенно радует и греет душу.

Еще о макроэкономической политике при переходе к изоляционизму. Своя валюта, рубль, столь долго не была реальными деньгами, что запрет его обмена на другие валюты вызовет серьезные психологические трудности, которых не было бы (и не бывало в периоды ужесточения валютного регулирования) в других странах; грубо говоря, многие начнут опять называть рубль деревянным даже при забитых товаром магазинах. Поэтому в составе первого же пакета новых законов по переходу к изоляции должно быть введение золотого (или биметаллического золотоплатинового) стандарта рубля, причем в жестком его варианте. При этом объявляется содержание чистого золота в одном рубле со сроком его действия не менее чем на десяток лет (еще лучше включенного в Конституцию и вовсе не подлежащего изменению), параллельное хождение наличных банкнот и золотой монеты (номинированной по достоинству, а не по весу) и свободный неограниченный обмен бумажных рублей на золото. Естественно, что такой обмен будет возможным только внутри России для российских резидентов, а не для иностранных государств при предъявлении ими незаконно вывезенных в них рублей. Представляется, что в России золотой стандарт вполне возможен, потому что основным соображением, по которому его отменили в свое время на Западе, была нехватка золота, то есть недостаточность добычи в мире для обеспечения роста денежной массы в соответствии с ростом экономики. В России же запасы золота и особенно платины на душу населения существенно выше, чем в среднем по миру, и добыча легко может быть доведена до величин, потребных для такого роста. Первоначальное же количество золота можно докупить в других странах ° — это далеко не худшее использование наших гигантских валютных резервов. Не надо бояться, что все кинутся менять банкноты на золотые монеты, потому что хранить золото можно только в сейфе (поскольку при сдаче его в банк оно перестает быть золотом,

превращается просто в деньги и возвращается в оборот), то есть без процентов, что для рыночной экономики нехарактерно, для нее как раз характерно снижение наличного оборота, что мы и наблюдаем. **Золотой стандарт будет серьезным психологическим противовесом отмены обмена валюты**, а то, что его нет больше нигде в мире, очень хорошо для идеи изоляционизма в идеологическом плане, о чем речь пойдет ниже. Возникает еще вопрос о том, как обеспечить возможность людям выехать за границу в отпуск, ° — климатом Бог Россию, увы, не побаловал, да и отсутствие такой возможности будет создавать эффект запретного плода, как в советское время. Необходимо предоставить каждому гражданину возможность поменять в течение года по официальному (высокому для рубля) курсу определенный процент его налогооблагаемой базы, то есть попросту белого заработка, за этот год. Сам процент должен зависеть от валютных возможностей государства и от силы желания дестимулировать этот процесс, и может таким образом меняться в разные годы. А вот о бесчисленных деловых или творческих поездках за границу надо забыть ° — изоляционизм предполагает свертывание любых, а не только экспортно-импортных, контактов с внешним миром; командировки же за счет принимающей стороны полезно просто запретить. Можно, конечно, разрешить неограниченный сверхлимитный обмен валюты, но уже по существенно более низкому для рубля курсу, что сделает зарубежные поездки делом столь же легким, как теперь, но намного более дорогим. Но мне кажется, что это хуже, если мы хотим уйти от довлеющего над всей жизнью понятия «валютный курс», ныне объявляемого в новостях до погоды.

Микроэкономическая политика при переходе к изоляционизму также должна в своей части способствовать «закрытию» экономики и вообще страны. Для дестимулирования экспорта-импорта крайне эффективны различные нетарифные барьеры, которые надо вводить не покладая рук: другие стандарты в технике, другие санитарные и пищевые нормативы, более жесткие языковые требования (сейчас только для лекарств требуют этикетку на русском, причем она может быть наклеена поверх иностранной, а нужно установить, что в наклейке и упаковке любых товаров, в том числе экспортных и импортных, не может быть нерусских слов и даже букв). В идеале можно вернуться к старорусской неметрической системе мер ° — пуды,

версты и т.д. Все это не блокирует импорт, но усложняет его и удорожает. Так, кстати, защищает себя Америка, где все другое, чем в остальном мире, ° — не только меры, но даже частота и напряжение в электросетях. Надо запретить продажу компьютеров, мобильных телефонов и другой электронной техники, имеющих иную, кроме кириллицы, клавиатуру, даже двойную ° — пусть нуждающиеся в латинице пользуются «англофицирующими» (по аналогии с русифицирующими) программами ° — это опять-таки возможно, но требует дополнительных затрат и неудобств. А вот что является смерти подобным, так это бездумное принятие западных правил игры, даже с лучшими намерениями. Приведу один характерный пример. На Западе в сфере производства лекарств последние 15–20 лет возникло и набрало силу движение GMP (Джи-Эм-Пи, сокращение от «практика доброкачественного производства»). Это набор требований, на сегодня ставший очень жестким, которым должно удовлетворять фармацевтическое производство (это помимо контрольных требований к уже выпущенным лекарствам, которые всегда существовали и которые никто не отменял и не ужесточал). Вначале эти правила являлись добровольными, то есть просто декларировались крупными фармацевтическими корпорациями как свой стандарт производства, но теперь уже стали обязательными по закону, причем весьма жесткому. Экономический смысл этого понятен любому серьезному бизнесмену: поскольку сделать производство по этим правилам в разы дороже, чем без них, а переделать имеющееся вообще близко к нереальному, то это сильно повышает инвестиционный барьер входа в этот бизнес ° — таким образом клуб уже имеющихся крупных игроков в этой отрасли защищается от новичков. При этом с точки зрения безопасности потребителя (что как бы и есть главный смысл) все это никому не нужно, потому что никаких случаев массовых отравлений лекарствами из-за дефектов в их производстве не было и до введения этих правил, особенно на Западе. Так вот, против всякого здравого смысла Россия принимает эти правила для своего внутреннего рынка, хотя это многократно удорожит отечественные лекарства (затраты же надо окупать!), причем совершенно непонятно зачем ° — продавать наши лекарства на Западе все равно никто не сможет, даже при соблюдении Джи-Эм-Пи (а если кто-то из отечественных предпринимателей решит, что он сможет, так пусть и строит экспортно-ориентированное Джи-

Эм-Пи-производство в сугубо инициативном порядке). Очевидно, что это пример того, как не надо делать. Принципиально же микроэкономика при изоляционизме не должна отличаться от таковой в нынешней экономике, кроме разве гораздо большей ответственностью: при изоляции просчеты обернутся не меньшими цифрами роста или сборов в бюджет (это само собой), а нехваткой или отсутствием в стране целых товарных групп. В первую очередь это диктует иной подход к антимонопольной политике, которая становится одной из основных задач в отличие от нынешней ситуации, когда есть еще импорт. Это касается и ужесточения подходов, и изменения самих нормативов ° — 35% рынка как предельно допустимый уровень монополизации недопустимо высок для изолированной экономики и должен быть понижен процентов до 20. А ужесточение подхода должно исходить из необходимости иметь внутри страны более острую конкуренцию, чем в среднем в мире, поэтому захват более 20% рынка группой аффилированных структур должен быть просто запрещен, независимо от добросовестности поведения в ценообразовании и т.п. этой группы впоследствии (как это прописано в законе ныне). Но главное ° — необходима политика по стимулированию создания новых предприятий (или расширению старых), преодолевающих монополию другого производителя товаров или услуг и вообще усиливающих конкуренцию в отрасли. Вот по итогам 2003 года образовался сверхплановый профицит бюджета размером в несколько миллиардов долларов ° — отчего бы не потратить, например, половину этих денег на постройку двух современных автомобильных заводов? Построить, а после запуска продать? Не худшее, кстати, вложение денег налогоплательщиков ° — и средства вернуть с прибылью (построенное и запущенное предприятие всегда стоит дороже стоимости его постройки), и нового крупного налогоплательщика получить! И люди наши перестанут говорить, что у нас не могут произвести приличный автомобиль. Это помимо главной цели ° — усиления конкуренции в автопромышленности с одновременным импортозамещением. Вообще у нас недооценивают значимость конкуренции: она не только идет на пользу потребителям, но и дает возможность государству регулярно проводить масштабные эмиссии, как это происходит в США.

Плюс этого понятен всем ° — появляются деньги из воздуха, но всем теперь понятен и минус ° — большое количество денег в экономике при том же количестве товаров и услуг повышает цены и происходит инфляция. Но если конкуренция достаточно острая на большинстве рынков (это помимо прочего непременно означает сильную недогрузку производственных мощностей, то есть наличие резерва), то роста цен не происходит даже при эмиссии (разумеется, до определенного предела, который, впрочем, тоже зависит от остроты конкуренции). А это есть главный рецепт форсированного роста, возможного в закрытой экономике. Поэтому как самая первостепенная микроэкономическая задача государства, а не по остаточному принципу, должно рассматриваться **ограждение бизнеса от любых сдерживающих его рост факторов**, а это в первую очередь административное и криминальное давление. Бандит или чиновник мэрии, пришедшие к владельцу магазина с требованием дани, должны рассматриваться не как злоумышляющие на частную собственность (это в нашей стране никогда не будет считаться за беспредел), а как покушающиеся на жизненные интересы государства (в оконцовке ° — на оборонные), с соответствующими выводами. Губернатор, выстраивающий в области свой бизнес путем удушения любого иного, должен быть, как писали когда-то в царских указах, «закован в железы и привезен в Москву для розыска и казни» не в меньшей степени, чем если он будет пойман на сговоре с вражеской державой. Конечно, для всего этого необходимо сильное снижение уровня коррумпированности госструктур, особенно карательных, но мировой исторический опыт показывает, что эта задача всегда решается достаточно быстро и несложно, если есть реальное желание ее решить (в отличие от полного искоренения коррупции, что почти невозможно). Вообще запредельный уровень коррупции у нас связан не только и не столько с обычными факторами (человеческая жадность, мягкость режима, многочисленные и неотрегулированные возможности административного вмешательства) и уж конечно не с размерами зарплаты ° — зарплата в принципе не может быть размером с взятку, а с причинами сугубо идеологическими, скорее даже психологическими. **Полное презрение к своей стране** (к «этой стране», как любили говорить на НТВ), к своей нации и профессии, как и к любой профессии вообще, кроме финансового магната, существующее в

обществе и разделяемое госслужащими, ° — **вот истинная причина коррупции, особенно беспредельной.** Смею заверить, американскому, итальянскому или китайскому чиновнику есть за что брать взятки, и берут они их хоть и осторожнее, но столь же охотно, и масштабы этого, особенно в двух последних случаях, вполне сопоставимы с нами, но делать за взятку они будут вовсе не что угодно. Есть вещи, связанные с интересами государства, которые 999 из 1000 упомянутых чиновников, пусть даже коррумпированных, не будут делать ни при каких обстоятельствах. А наши будут, потому что наши в глубине души списали свое государство, а те свое не списали. Не хлебом единым жив человек, поэтому нация, где живы единым хлебом, всегда будет иметь уровень коррупции, как у нас сейчас. Но это же означает, что при провозглашении «крепости Россия» с естественным возвратом национальной идеи, с более-менее общей верой и надеждой в величие России (больше при изоляционизме надеяться не на что, и в этом его смысл) беспредел в коррупции отпадет если и не сам собой, то по крайней мере без особо кровавых мер. И останется коррупция в тех объемах и рамках, в которых она всегда и была в России и в которых она есть и во всех, включая западные, странах, когда все соответствующие чиновники берут взятки за определение того, кому достанется подряд на строительство кольцевой автодороги, но ни один не возьмет за закрывание глаз на развал оборонного предприятия. И как бы цинично ни звучало, это хотя вообще и плохо, но не трагично для страны. Вот и все про экономическую политику при изоляционизме, разумеется в самых общих чертах. Столько места ей посвящено потому, что в наше время уровень развития экономики является основным фактором в военном и соответственно геополитическом противостоянии. Так было не всегда, и по уровню развития экономики, и по общему количеству ресурсов победители часто сильно уступали побежденным: греко-македонцы ° — персам, гунны и готы ° — римлянам, арабы-мусульмане ° — византийцам, а монголы Чингисхана ° — китайцам. Возможно, в будущем, например, если люди разовьют в себе паранормальные способности и воевать снова станут не машинами, экономика опять перестанет быть определяющим военным фактором. Но сегодня она таким фактором является, и потому важно было понять, что именно для развития экономики автаркия вовсе не является сдерживающим

обстоятельством, а совсем наоборот, что для многих людей неожиданно. В иных сферах все более очевидно и в большей степени совпадает с уже и так наметившимися тенденциями. Государственное устройство может быть при автаркии любым: и президентской республикой, и парламентской, и диктатурой, и самодержавием, в том числе и точно таким, как сейчас. **Важно лишь при выборе полностью перестать оглядываться на мнение других стран, а их опыт использовать критически.** А то при написании Конституции заменили привычный для России круглый пятилетний цикл на четырехлетний не потому, что сочли его слишком длинным, а только чтобы было как у американцев. Такое и обезьянничаньем назвать большой комплимент. Из более серьезных примеров следует назвать концепцию разделения властей. В своем современном виде она сложилась на Западе при феодализме: выборная парламентская власть как противовес наследственной королевской. Так же и двухпалатные парламенты: наследственная верхняя палата из владетельных феодалов как противовес выборной нижней из народа. Сегодня эта система даже там является анахронизмом, потому что какой смысл уравнивать выборной парламентской властью выборного же президента или выборной верхней палатой выборную же нижнюю? Существует же она в рабочем режиме только в силу многовековой традиции, которой у нас нет, так что зачем нам иметь порознь избираемых главу государства и парламент, непонятно. Само по себе распределение власти на несколько центров никакого положительного эффекта не дает, иначе владельцы корпораций назначали бы не одного, а двух или трех президентов. То же и с нашим Советом Федерации: можно критиковать, причем справедливо, и предыдущий, и нынешний принцип его комплектования, но он в обоих случаях совершенно другой, чем у Думы, и есть хоть какая-то логика в одновременном наличии этих палат. Если же перейти, как сейчас многие предлагают (опять-таки потому, что так на Западе), к прямой выборности членов Совета Федерации, то становится вовсе непонятно, зачем ему существовать наряду с Думой. Впрочем, я здесь пытаюсь аргументировать не тезис, а методологию: не отказ от разделения властей, а лишь то, что при определении оптимального для нас государственного устройства не следует учитывать мнение Запада или кого-то еще или бездумно копировать их опыт. То же относится и к

административно-территориальному устройству, и к системе правосудия, и к иным вопросам внутренней политики. И если мы решим, что мы против смертной казни, или однопартийной системы, или унитарного устройства, или чего-либо еще, то это должно быть потому, что мы, пообсуждав и подумав, так решили, а не потому, что так нас учит просвещенный Запад.

Во внешней политике перемены должны быть существенно более разительными (естественно, в отношениях с Западом и иными нашими врагами; в отношениях с немногочисленными друзьями как раз все и так слава богу). Последние полвека российская внешняя политика знала две модальности: жесткая конфронтация с Западом «по всему полю», имевшая место при СССР, рассматривавшая вопросы любых отношений с любыми странами по «линии главного противника», и политика «общечеловеческих ценностей», то есть полной капитуляции и раболепствования перед Западом, начавшаяся с конца 80-х. Ранее, в XVIII–XIX веках, была и третья модальность ° — активного участия в европейской политике вроде как на равных. Нет нужды говорить, что в рамках изоляционизма не годится ни одна из них. То есть при уже установившейся автаркии, даже и неполной, вообще нет нужды в какой-либо внешней политике ° — она сводится к разведке и выстраиванию на ее основе оборонной политики. **Разумеется, сказанное относится не к границам РФ, а к границам «империи», то есть пространству бывшего СССР или к той его части, которая исторически и цивилизационно тяготеет к России. Или будет тяготеть, когда Россия за счет своего цивилизационного рывка, причем за счет изоляции достаточно самобытного, восстановит свою привлекательность для соседей. На примере Украины очевидно, что «Россия сосредотачивается» на всем русскоговорящем и «русскоживущем» пространстве.** Но даже в промежуточный период перехода к автаркии внешняя политика должна быть совсем иной. **Необходимо четко заявить** всему миру и далее последовательно выполнять, **что наша хата с краю.** Мы не будем поддерживать никакие страны в их противостоянии Западу или кому-то еще, и мы не будем поддерживать Запад в противостоянии с ними. Мы не будем поддерживать ни международный терроризм, ни борьбу с международным терроризмом. Мы не будем поддерживать нарушения прав человека где-либо и не будем поддерживать борьбу с

такими нарушениями. Мы не будем поддерживать все это ни материально, ни морально ° — ни дипломатическими усилиями, ни деньгами или ресурсами, ни военной силой. В равной степени мы не будем принимать участия и в обсуждении этих вопросов. Мы вообще уходим от любых многосторонних отношений, поскольку считаем, что мировое сообщество не доросло и не дорастет в ближайшем будущем до осознания себя таковым. Поэтому мы начинаем процесс выхода из всех многосторонних международных организаций, и европейских и мировых, который мы завершим выходом из ООН. Причем речь идет не только о сугубо политических организациях, но и экономических и иных ° — например, нам нечего делать в МВФ, а уж тем более в ВТО. А разве вам не будет обидно, если важнейшие вопросы будут обсуждаться без России, и ее мнение не будет услышано, спросят нас. Блажен муж, иже не ходил на совет нечестивых, ответим мы словами псалма. А разве вам не угрожает международный терроризм? Угрожает, ответим мы, но мы сами будем бороться с этими угрозами, потому что не верим в поход против своих врагов совместно с другими своими врагами. Мы уже один раз вели смертный бой с Германией, войдя в союз со своими врагами. ° — и они, внеся в победу лепту, близкую к нулю, отобрали у нас основную часть ее плодов и сразу же затем обратились против нас. Мы можем рассчитывать лишь на себя, и поэтому если у нас есть данные, что, например, Саудовская Аравия (или организации, находящиеся на ее территории) финансирует чеченских террористов, мы поговорим с руководством этой страны. Но не о взаимной приверженности борьбе с терроризмом, а о том, что если еще один раз мы узнаем такое, то без предупреждения начнем искать (и найдем!) желающих устроить небо в алмазах над Эр-Риядом (с нашей небольшой помощью). И если Великобритания или Испания очередной раз откажет нам в выдаче наших преступников, мы скажем: что же, это ваше право, вы нам ничего не должны. Но мы громко заявляем: если к нам приедет любой из разыскиваемых в ваших странах, милости просим! Ваши запросы на их выдачу рассматриваться не будут (или будут с прогнозируемо отрицательным результатом), и это относится в том числе и к ирландским и баскским террористам. Если Израиль скажет нам, что по их закону они просто не могут выдать нам преступника, если он еврей (что правда), мы ответим: уважаемые, не утруждайте себя объяснениями, это ваше

право, но не обессудьте за невыдачу палестинских террористов° — это наше право. Разве не написано в священном и для вас, и для нас Ветхом Завете: око за око, зуб за зуб, мера за меру? Только не надо думать, что стоит так сказать, и все упадут от страха. Это как достать в драке пистолет° — никто не убежит от его вида, придется пускать его в ход, но, после того как пустишь в ход несколько раз, начнут задумываться, прежде чем связываться с тобой.

Этот же **принцип эквивалентности** необходимо применять и в других вопросах двусторонних отношений. Американцы говорят, что им больше не нравится договор по ПРО и они не собираются более соблюдать его° — что ж, это действительно их право, так как любой договор, как говорил известный персонаж, есть продукт непротivления сторон. Ну, а наше право, точнее даже обязанность перед своей землей, ° — выйти из договора по запрету ракет средней дальности: они весьма дешевы и тем самым намного выгоднее нам как более бедной стороне. Наше право ° — выйти из договора по ограничению распространения ракетных технологий, а в перспективе и из договора по нераспространению ядерного оружия. Только это должны быть не угрозы для торга, которые вызывают только брезгливость, а твердое и не очень зависимое от поведения другой стороны намерение. Время договоров прошло, и хотя оно может и вернуться в будущем новом мировом порядке, но сейчас не их время, и в этом американцы правы. Вообще **надо прекращать непрерывную антизападную и особенно антиамериканскую риторику**, пусть и неофициальную: не потому, что боязно, а потому, что несправедливо. Они наши смертные враги, а ведут себя при этом достаточно цивилизованно (для врагов). Вот если бы они были друзьями, то на их поведение можно и нужно было бы обижаться, но считать их нашими друзьями в 2004 году может только душевнобольной с диагнозом «острый либерализм». Но, используя принцип: «вы делайте, что хотите, а мы ответим так, как сочтем нужным», необходимо избежать ошибки времен «холодной войны» и не дать навязать себе непосильные ответы, подsunутые врагом. СССР раз за разом давал втянуть себя в тяжелейшие гонки, чтобы было все как у них, вместо выбора дешевых и выгодных асимметричных вариантов. Причем сейчас понятно, что происходило это не из-за тупости (точнее, не только) наших руководителей, а благодаря неустанной и довольно-таки

результативной работе ЦРУ и смежных ведомств, причем не столько по старинке, через агентов влияния, сколько через создание в нашем тогдашнем истеблишменте и вообще обществе ложных идей.

Упрекать американцев в нечестности такой психологической войны глупо и несправедливо, потому что разве мы не добивались наибольших успехов теми же средствами? В третьих странах, где проходил основной фронт «холодной войны» и где мы успешно наступали до самой перестройки, разве не были идеи коммунизма более сильным нашим оружием, чем танки и деньги? Сегодня эта опасность еще больше, поскольку прозападное лобби пронизало все аспекты нашей жизни (даже если считать таким лобби только сознательно служащих американцам и не считать просто придерживающихся прозападных убеждений). Но в чем-то ситуация и проще, потому что американцы последнее время особо и не таятся (зачем?) и тем самым оказываются достаточно уязвимы при смене курса у нас. Для ликвидации этого необходимы помимо чисто контрразведывательных мероприятий и идеологические, о которых пойдет речь далее, и законодательные, смысл которых в том, что в экономике, господа иностранцы, пока участвуйте, но в остальном ° — увольте! Необходимо законодательно запретить регистрацию любых общественных организаций и некоммерческих партнерств, в учредителях которых есть иностранные юридические или физические лица, а уже зарегистрированным таковым предписать в течение нескольких месяцев распуститься или привести в соответствие с новым законом. Всем чисто иностранным общественным организациям запретить аккредитацию и предписать покинуть Россию, а въезжающим в Россию иностранцам ввести в анкету вопрос, состоит ли он членом общественной организации с международной активностью, и при положительном ответе требовать подписку о невовлеченности в дела этой организации во время пребывания в России (это не более жестко, чем стандартный вопрос американских пограничников, состоите ли вы в русской мафии). Всех иностранцев, чья основная работа как-либо связана с политикой (этот перечень может сужаться или расширяться), впускать в Россию только по дипломатическим визам (получаемым через обмен нотами МИДов). Запретить все виды грантов из-за границы: как безвозмездной оплаты тех или иных работ, так и заказов на работы, то есть экспорта

нематериальных активов. Запретить выдачу любых премий иностранцами в сфере науки, культуры, образования и т.д. на территории России (на своей территории пусть делают что хотят). Естественно, запретить всякие наймы и подряды, включая разовые, иностранных юридических и физических лиц органами государственной власти (кроме как для действий в других странах), а также любыми бюджетными организациями. Причем под иностранными юридическими лицами здесь имелись в виду и российские компании с более чем 25% иностранного капитала.

Сложнее всего с идеологией. Сложнее и потому, что в этой сфере не так уж много чего добьешься запретительными (самыми простыми!) мерами, и потому, что нет у нас сейчас объединяющей, причем естественно противостоящей Западу, идеи, какой был коммунизм. И еще потому, что низкопоклонство перед Западом с какого-то момента (наверное, с Петра I) настолько пропитало наше общество, включая истеблишмент, что даже при СССР с его официальной антизападной идеологией руководство страны больше всего заботилось тем, что о нем пишут в западных газетах, а детей своих отдавало учиться в МГИМО с целью последующей работы на Западе, а вовсе не в партшколы или военные академии. Тем не менее для успеха автаркического проекта идеологический компонент необходим, и следует внимательно присмотреться к историческим аналогиям. Весьма любопытен для нас опыт уже упоминавшихся древних римлян, которые были, как ни странным это может показаться, едва ли не самой автаркической цивилизацией в истории, по крайней мере в нашей части мира. Римляне с самого убогого начала и до великого конца своей тысячелетней истории знали только два подхода к сопредельным нациям ° — либо их полное игнорирование, либо завоевание. Любое иное вскоре на поверку оказывалось короткой «разводкой» перед завоеванием. При этом ° — в отличие от своих предшественников ° — эллинов, римляне практически никогда не переезжали жить и служить в другие страны, даже и до того, как других стран почти не осталось. Называть это патриотизмом можно лишь весьма условно, потому что службу наемниками у персов (в войнах, никак не связанных с Грецией), как это делали в массовом количестве греки до завоевания Персии, нельзя считать непатриотичной, а у римлян такого никогда не было. Скорее дело в

том, что римский мир уж очень сильно отличался от всех иных стран. Конечно, это относится к любой стране, но тут количество перешло в качество, и сумма отличий римской жизни от иной во всех аспектах — причем и в материальных, и в духовных — была столь велика, что жизнь вне римского мира казалась ненастоящей, независимо ни от чего. Поэтому римлянин воспринимал ее, как современный человек воспримет жизнь среди первобытного племени или, еще точнее, среди стаи волков, даже если они его и примут. Как отражение этого, у римлян в языке было слово «варвары» для собирательного обозначения любых неримлян; причем в отличие от греков, у которых это слово тоже было, оно не означало «менее цивилизованный», хотя и имело безусловно уничижительный характер (поэтому римляне называли варварами и эллинов, которых считали вполне цивилизованными и даже своими цивилизационными учителями). Все это имеет к нам непосредственное отношение, тем более что **Москва есть Третий Рим**, потому что дает нам подсказку и по идеологической технологии изоляционизма, и даже по элементам национальной идеи. Подсказка такова: необходимо не только и не столько ставить преграды влияниям извне, сколько так изменять свое общество, чтобы оно становилось малочувствительным к таким влияниям. Поясню на примере спорта: нет сомнений в том, что когда у нас по радио или ТВ раздел «Новости спорта» начинается с результатов хоккейных матчей в НХЛ (даже не международных!), то это возмутительно и это пора кончать. То, что международные (читай западные) политики от спорта, используя в качестве предлога борьбу с допингом (полный аналог борьбы с терроризмом в политике), решили выжить Россию из спорта высших достижений, есть безусловный факт, и без сомнений участие в международном спорте надо сворачивать в недалекой перспективе с полным отказом от любых, кроме внутренних российских и иногда двухсторонних с какой-либо дружественной страной, соревнований.

Вместе с тем при нынешней общедоступности любой информации это непросто, да и реакцию у людей вызовет острую (хотя до 50-х годов, когда мы не участвовали в международных соревнованиях по футболу, популярность внутренних чемпионатов по нему была, по нынешним меркам, невиданной). Поэтому «направление главного удара» должно быть иным: соответствующее подразделение идеологической службы должно собрать ряд рабочих групп и дать им

нетривиальное поручение ° — придумать новые виды спорта, сильно отличающиеся от известных в мире, которые будут достаточно зрелищными, и создать на них моду. Опять-таки ровно так само собой (или не само собой?) сложилось в Америке: в две самые популярные у них игры ° — американский футбол и бейсбол ° — не играют больше нигде, а в две следующие по популярности ° — баскетбол и хоккей с шайбой ° — не играли нигде больше до середины XX века. В самую же популярную в остальном мире игру ° — футбол ° — не играют в Америке. В тех же видах спорта, которые настолько популярны у нас, что останутся таковыми и после появления «придуманных», например в футболе, можно ввести изменения в правила, которые, сохранив суть игры, довольно сильно изменят ее (то, что при этом ФИФА и УЕФА исключат нас, это не плохо, а очень хорошо). Не надо думать, что придумать такое искусственно невозможно ° — это вариант стандартной маркетинговой задачи: придумать новый продукт с такими-то качествами, который придется по вкусу потребителям. При этом, когда корпорации дают задание маркетологам разработать новый продукт, они всегда напоминают: не забывайте о философии нашей корпорации (не специализации ° — это само собой, а именно философии). Так же при переходе к изоляционизму должна поступать корпорация Россия. Каковой же может быть эта философия ° — при том, что здесь идет речь о философии в потребительско-бытовом смысле, как у корпораций, а не в высоком? В советское время (во всяком случае, начиная с Хрущева) корпорация СССР имела следующую «бытовую» философию: у нас беднее, но безопаснее, надежнее и, главное, справедливее. Конкурирующая корпорация, Запад, имела такую: у нас богаче и свободнее, но, главное, у вас скучно и беспросветно. И это последнее и оказалось решающим ° — в острой конкурентной борьбе идей нас победил имидж Запада не как места, где есть разделение властей, суд присяжных или свобода инвестирования, а как места, где Голливуд, джинсы и рок-музыка. По правилам межкорпоративной конкурентной борьбы, проигравшей стороне следует на этом, как на индикаторе вкусов публики, строить стратегию реванша. Учитывая, естественно, те существенные разнородные изменения, которые произошли в западном обществе (а также в нашем массовом восприятии) за последние 15 лет и на которых можно сыграть. А они таковы: а) торжество политкорректности и

единомыслия, усиление контроля в целях безопасности; б) усиление пуританизма при обилии внешних элементов порнографии; в) уменьшение сексуального и психического здоровья, возрастание «заметности» гомосексуализма; г) виртуализация жизни в сочетании со снижением готовности к риску в жизни реальной ° — от дополнительных мер безопасности во всех видах спорта до отказа от потерь в войнах; д) увеличение доли добавок, генетически модифицированных продуктов и других ненатуральных компонентов в питании. На основе этого легко формулируется выигрышная маркетинговая философия корпорации Россия: **у вас занудное, суррогатное и импотентное, притом грязное, существование; а у нас хоть пока и победнее, но свободная и, главное, настоящая жизнь.** Понятно, как будут учитывать такую философию «маркетологи» идеологических служб при модификации старых или разработке новых видов спорта ° — они будут рискованнее, жестче и даже кровавее. Понятно, как будут учитывать и остальное вышесказанное ° — путем ограничения порнографии, ограничения гомосексуализма (не в смысле введения наказаний, а демонстрации общественного неприятия), ограничения «реалити шоу», сериалов и других элементов виртуализации жизни, большего возвеличивания военно-силовых атрибутов, жесткого ограничения ненатуральных компонентов в пище и пр. Интересно, что все это (кроме разве что ТВ-сериалов) точно соответствует отличию римлян (до начала упадка), причем самоосознаваемому, от предшествовавших им эллинов, о чем говорилось выше: и более кровавый спорт, и презрение к порнографии и гомосексуализму, и превозношение воинских доблестей над всеми остальными, и неприятие нетрадиционной пищи. С остальным из вышеизложенного ° — плюрализмом и отсутствием политкорректности, сексуальной свободой, презрительным отношением к психоанализу, жестокостью общества и готовностью к своим и чужим потерям ° — у нас все и так обстоит нормально. Поэтому, кстати, не надо нам бороться с некоторыми вещами, с которыми бороться хочется, например с крайними правыми и даже «демшизоидными» деятелями ° — их надо, наоборот, «охранять», поскольку их сохранение усиливает наш имидж истинно свободной страны по сравнению со все более шагающим в ногу Западом. Некоторые вещи, однако, на которые придется пойти, будут достаточно противоречивыми, например

легализация наркотиков либо большей их части, или радикальное сокращение ТВ-вещания независимо от содержания, или легализация полигамного брака, или что-либо иное; ну, как говорится, искусство требует жертв. Но надо все время помнить, что обсуждающаяся здесь задача ° — **идеологическое обеспечение изоляционизма путем создания непреодолимых цивилизационных различий**°— решается не столько ограничениями, сколько созданием нового, своего, как это излагалось для спорта. Так же надо поступать и в музыке, и вообще в культуре и искусстве, и в моде и т.д.

Эти подходы, как хорошо понятно, требуют совсем другой, чем мы привыкли, специфики идеологической работы, при том, что она становится центром государственной политики. При советской власти (как и в других светских идеократиях, например в Третьем рейхе) она состояла из функций, во-первых, воспитательных и, во-вторых, охранительно-запретительных. Я неслучайно даже не упоминаю здесь пропагандистские, потому что они сводились к тупым бесконечным повторениям, без всякого интереса власти к их действенности, ибо какая речь о действенности при отсутствии конкуренции идей (как выяснилось, кажущемся отсутствии)? При изоляционизме же идеологическая работа должна стать набором политтехнологий, инструментально делающих упор не на цензуру, а на пиар. Это хорошо, потому что по политтехнологиям мы обошли всех, и занимаются ими ныне не самые тупые, как при СССР идеологией, а самые сильные люди, и таким образом мы сделаем ставку на нашу сильную сторону. И будет это весьма сложно, потому что будет требовать не только популяризации и победы тех или иных духовных продуктов ° — политических идей, видов спорта, музыкальных направлений и т.д., но и их создания. Вот в советское время боролись с западной музыкой, причем, как стало понятно позднее, наблюдая за ее эволюциями, в том числе в сторону сатанизма и пр., и за тем, каким авангардом западной идеологии она стала, не совсем зря. Но боролись глупо, кося под одну гребенку и то, с чем можно было и побороться, и отечественный рок, и вообще все, выходящее за рамки наших тогдашних ВИА. А главное °— совершенно безрезультатно, точнее, с обратным результатом, на пустом месте создавая поклонников Запада. А вот в изоляционистском будущем идеологические политтехнологи подойдут к этому вопросу совершенно с другими установками: создать

и популяризовать новые музыкальные направления, по сравнению с которыми про современную западную музыку можно будет сказать: старье и дешевка! И эту позицию, в свою очередь, надо будет популяризовать среди широких масс молодежи. Да, это будет вызов для наших политтехнологов! И это еще не самое трудное. Для создания серьезных цивилизационных различий придется еще придумывать и популяризовать новые социальные структуры и институты (скорее всего, не совсем новые, а ° — для большей приживаемости ° — имеющие глубокие национальные корни, но это еще сложнее). Придется вводить общественную моду на те или иные вещи, причем противоположные общемировым тенденциям (например, на многодетность, распространить которую только социально-экономическими методами невозможно). Делая это люди будут уже даже не политтехнологами, а социальными инженерами и будут, видимо, составлять элиту из элит. Но потенциал для этого в современной России ясно виден.

Могут возникнуть вопросы: неужели цивилизационные различия и их борьба в умах людей сводятся только к бытовым и околобытовым вещам? Понятно, что этот аспект недооценили в СССР и, может, даже из-за этого и проиграли, но разве тот же Рим не имел в политическом устройстве еще больших отличий от окружающих, чем в быту? Тем более как быть с мессианской идеей, которая всегда была свойственна России и которая как раз вроде и может быть самым серьезным межцивилизационным барьером? Конечно, и в политической и экономической (в политэкономическом смысле) жизни необходимо культивировать и пропагандировать различия, так же сводя их к общепонятной философии. Вот у нас засилье олигархов, связанных с властью, причем по ненависти к ним в обществе достигнут почти консенсус. Но на момент написания этих строк (январь 2004 года) появилась серьезная надежда и даже уверенность в том, что в обозримом будущем с ними будет покончено как с классом. А на Западе-то олигархи, еще побогаче наших, никуда не денутся! При этом так же связанные с властью (может, и не настолько прямо коррупционным образом, но это, как говорится, замнем для ясности). Волна слияний и поглощений последних 15–20 лет приводит к укрупнению корпораций почти до уровня монополистического конца XIX века. Выше говорилось о необходимости введения у нас золотого

стандарта, а на Западе его нет, и доллар держится на честном слове, потому что отношение денежной массы к ВВП в США чудовищное. Огромная часть экономики приходится на рынок акций, весьма значимая часть которых по своей цене потеряла всякую связь с реальностью; а у нас истинно публичных (то есть без реального хозяина) акционерных обществ нет и не будет, как и значимого рынка акций. Вот вам и философия: **у нас настоящие деньги и свобода бизнеса, а у вас олигархия в союзе с плутократией, держащие вас на крючке суррогатных денег и смешных бумажек.** Правда, для того чтобы такая философия не казалась абсурдной, надо сначала разобраться с нашими олигархами и обуздать наше коррумпированное чиновничество, но политтехнология и социальная инженерия тем и отличаются от старой идеологической работы, что пытаются не доказать недоказуемое, а изменить его так, чтобы оно стало доказуемым, да и делать это все равно придется. Еще полезнее ввести радикальные нововведения в систему правосудия, например не просто легализовать, а предписать широко использовать в следствии и суде допрос с психотропными средствами. Я не могу и не хочу всерьез анализировать непосредственные последствия этого, потому что я здесь, как выше с разделением властей, пропагандирую не конкретную меру, но необходимость сильных отличий. Но, будучи введено, это (или что-то иное) позволит сказать: **у вас продажные суды, обогащающие только адвокатов, а у нас никто не скроет ничего и никто не может быть осужден невинно,** и это будет сильно. Что касается мессианской идеи, то ее, в отличие от корпоративной философии, придумывать не надо, ибо она есть: Москва есть Третий Рим и четвертому не бывать. Причем и Рим св. Петра и византийских патриархов, то есть центр христианства, и Рим консулов, императоров и базилисов, то есть цивилизационный центр земли. Многие из того бытового, политического и экономического, о чем говорилось выше, должно стать составной частью этой мессианской идеи, правда наименее значимой. Но мне представляется, что выносить ее на направление главного удара рано°— надо еще дожидаться мощнейшего ренессанса православия и обновления нашей Церкви (не путать с обновленческой ересью), которые у нас волею Бога вскоре начнутся, и чем раньше мы перейдем к пропагандируемой здесь активной изоляции, тем лучше. Тем не менее сразу надо начинать пиарение

простой и очевидной вещи: мы, **Россия, есть не оплот православия, но последний оплот христианства**; ибо в каком бы состоянии ни находилось у нас христианство и РПЦ как конкретная общественная организация, больше нигде в мире настоящего христианства и настоящей Церкви как тела Христова нет. Но пассионарность у нас сейчас мала для того, чтобы сказать: мы осенены мессианской идеей и потому мы другие (как ранние христиане). Реальнее для нас и вполне приемлемо обратное: мы — другие и потому мы осенены мессианской идеей.

Несколько слов о двух других аспектах общественной жизни — образовании и науке. Очевидным является ряд изменений, которые при переходе к изоляционизму надо внести в общеобразовательные программы — в первую очередь это касается полного сворачивания изучения иностранных (читай западных) языков. Упор на их изучение, тем более углубленное, делаемый ныне, есть самый четкий признак колониальной самоидентификации нации и упрощает выпускникам в основном одно — эмиграцию и ассимиляцию в западных странах. Ясно, что при автаркии это, мягко говоря, не очень актуально. Нам здесь надо брать пример с Америки, где иностранные языки почти не учат, справедливо полагая: пусть другие учат наш, а не будут, так это их проблемы. Не менее важно изменение отношения к отечественной истории, которую надо перестать поносить, в том числе — и особенно — советский период. Потому что **отношение к своей истории, в особенности как к предмету изучения в школе, в принципе не должно быть критическим**, что бы в ней ни было, а только героическим и аналитическим. Изучая периоды, в которые наша держава добивалась величия особо кровавым путем, не надо ни стыдиться этого и охаивать собственную нацию, ни радостно восклицать: и правильно! Вместо этого надо сказать себе: проанализировав, мы решили, что так мы больше не будем, и в следующий раз будем добиваться того же более христианскими способами; но все равно мы гордимся достигнутым величием, ибо оно показало нам, что эта цель по нам, и теперь мы можем думать, как прийти к ней другими путями. Эта формула, кстати, вообще есть формула национального примирения. Но о крови здесь речь только о своей — по поводу пролитой крови других народов комплексовать не надо вовсе, как не комплексует никто по поводу нашей крови.

Американцы нисколько не стыдятся геноцида индейцев, англичане ° — колонизации и лишения свободы трети мира, а французы ° — наполеоновских завоеваний, хотя, может быть, в другой раз они так не будут (а может быть, и будут). Есть, правда, немцы и японцы, которые как раз вроде остро стыдятся своих действий против других народов в недавнем прошлом, но это страны, проигравшие войну Америке и до сих пор ею оккупированные (хотя это теперь так не называется); и самоидентификация ныне у этих двух стран, невзирая на все их экономические успехи, как раз чисто колониальная. Но, возвращаясь к образованию, изменение общеобразовательных программ еще не все ° — сама система школьного образования может быть сильным цивилизационным отличием (разумеется, если таковое отличие есть), как это было в древней Спарте. Поэтому социальным инженерам придется внимательно посмотреть, а нельзя ли не в ущерб делу (а лучше на пользу) как-то изменить базовые принципы образования в школе. Выскажу одну крамольную мысль, впрочем, не настаивая на ней, на базе трех исходных посылок: а) мало осталось сомневающих в том, что за вещами, обобщенно называемыми паранормальными способностями, что-то есть, хотя официальная наука в основном это игнорирует (даже уже и не отрицает); б) интерес к этим вещам в России (и не только) огромен и растет; в) судя по всему, ° — точно никто не знает ° — Россия лидер по этим вещам, в том числе по количеству и качеству соответствующих школ, причем являющихся школами и в прямом смысле, то есть обучающих. Почему бы не исследовать возможность обучать этому в общеобразовательной школе, тем более что начальная часть этого ° — всякого рода ментальные тренинги ° — вполне признается официальной психологией и заведомо полезна?

Впрочем, это лишь один из множества примеров того, что можно сделать, если снять с глаз шоры в виде абсолютизации западного опыта. Что касается науки, то здесь изменения должны стать еще более радикальными. Раньше самыми важными научными направлениями, со всеми вытекающими последствиями, считались те, которые считаются самыми важными на Западе. На смену этому должен прийти прямо противоположный принцип: а зачем в век свободных потоков информации у нас вообще заниматься теми направлениями, которые считаются основными за границей? (Здесь

речь идет, естественно, о фундаментальной науке ° — организация прикладной науки есть часть либо бизнеса, либо оборонной политики, а организовывать последнее русские умеют очень хорошо.) Ведь фундаментальная наука добывает новые знания ° — так зачем нам добывать их там, где их вполне успешно добывают и без нас? Почему бы нам просто не читать их в открытой печати (или в закрытой ° — разведку у нас никто не отменял) и не использовать в своей научной работе, которую вести в тех областях, которые не считаются на Западе направлениями главного удара? Не надо бояться, что все перспективные области таковыми на Западе и считаются и что ничего интересного вне их не найдешь, ° — резкое замедление научно-технического прогресса в последние 20–30 лет, когда лидером его являлся Запад, не видно лишь слепому, несмотря на бесконечно повторяющиеся заклинания о технологической эре. Если же кто-то считает, что изложенное есть возврат к практике лысенковщины, то ведь здесь предлагается не объявлять результаты западной науки неправильными, а, напротив, использовать их как только возможно, но не вести свой научный поиск в их колее. Такой поворот в научных приоритетах весьма важен и для создания цивилизационных различий, и как оружие в экономическом развитии и военном противостоянии.

Вот, собственно, и можно переходить к общим выводам. Единственное, что осталось добавить, ° — это то, что **режим изоляции ни в коем случае не должен распространяться на заимствование передовых образцов из других стран.** Это может быть что угодно ° — от импорта передовых технологий (который может выражаться в приобретении и комплектных заводов, и специалистов, и управленческих алгоритмов) до заимствования определенных культурных новинок и политических идей. Но только тех, которые наше общество само захочет приобрести и внедрить, а не тех, которые нам навязывают под флагом свободного обмена информацией. Как раз при изоляции это все особенно актуально. И если понимать автаркию так, а не как полное отгораживание от остального мира, то всем цивилизационным рывкам великих народов в истории предшествовал период автаркии ° — от римлян и греков до американцев и СССР. Есть, конечно, и обратные примеры типа Бирмы или КНДР, но никто и не утверждает, что любая автаркия является панацеей. Она становится ею только тогда, когда экономическая, политическая и культурная жизнь в

изолированной стране устроена правильно. И, конечно, когда эта страна имеет достаточный размер для самодостаточности, как Россия.

1. Отставание России в экономике от Запада, а теперь и Китая благодаря политике 90-х годов столь велико, что преодолеть его даже за несколько десятилетий можно, только имея постоянные сверхвысокие темпы роста. А поскольку Запад и Китай в своем экономическом развитии в это время тоже не будут стоять на месте, то темпы роста должны быть не просто сверхвысокими, а все время очень сильно опережать их темпы роста.

2. В открытой экономике это принципиально невозможно.

3. Если мы не ликвидируем или хотя бы не сократим радикально это отставание, нас неминуемо в обозримом будущем ликвидируют как независимую страну и отдельную цивилизацию.

4. Следовательно, нам надо переходить к закрытой экономике. Это тем более актуально, что в сложившемся мировом порядке воспользоваться самыми сладкими плодами экономики открытой нам никто не даст.

5. Закрытая экономика может обеспечить необходимые темпы роста, причем никакого возврата от рынка к госпланированию для этого не требуется. Ресурсами, которые обеспечат это, являются:

а) огромный неудовлетворенный внутренний спрос, возникающий при политике импортозамещения;

б) более либеральная экономика с более острой, чем на Западе, конкуренцией;

в) более активное и эффективное администрирование, в том числе ограничение гигантских корпораций, как тормозящих компании средние, являющиеся источником самого динамичного роста, а также проведение регулируемых инвестиционных эмиссий.

6. Чтобы выстоять в противостоянии с Западом, избежать которого мы не можем, помимо смены экономической политики и для того, чтобы такая смена стала возможной и рабочей, нужна и существенная смена идеологии.

7. Основным инструментом такой смены является создание существенных отличий от Запада в разных сферах жизни, укладывающихся на определенный вектор и тогда становящихся

цивилизационными барьерами. Такие барьеры сильно изменяют весь менталитет нации.

8. Внешняя политика, кроме как в отношении небольшого количества дружественных стран, должна базироваться на значительной, хотя и неполной, изоляции от окружающего мира, в том числе на полном отказе от участия в многосторонних международных отношениях. Двусторонние отношения должны перейти на жестко прагматическую основу с полным отказом от общечеловеческих ценностей, как и вообще от всего, кроме своих интересов.

9. Все эти изменения в экономической, идеологической, внешней, а если понадобится, то и внутренней, политике взаимно усиливают друг друга. В совокупности они образуют концепцию «КРЕПОСТЬ РОССИЯ».

10. Эта концепция нужна на несколько десятилетий, чтобы выиграть очередную «холодную», а если придется, то и «горячую войну». После того как это произойдет и угрозы из пунктов 1–3 исчезнут, ее время, по крайней мере в изложенном здесь виде, пройдет.

Как же все это соотносится с реалиями сегодняшнего дня, а именно с основными направлениями российской политики и прогнозируемыми трендами ее изменения? А никак не соотносится, отличаясь по направлению на 180 градусов. Вот поставлена задача удвоить за 10 лет ВВП и, вопреки мнению скептиков, почти наверняка будет выполнена и даже слегка перевыполнена, причем без обмана. Только вот США (для примера) тоже уж процентов на 30 как минимум за это время подрастут, и станет наш ВВП составлять аж 1/16 от американского. Или, если так звучит благозвучнее, 1/8 от американского при расчете на душу населения. Но можно сказать и так: аж 1/40 от общезападного. И безвизового въезда в ЕС наши власти, наверное, добьются, и тоже без обмана, но это типичная ложная цель, на которую размениваются наши истинные интересы, зачастую даже не осознаваемые. Но, может быть, возможен паллиатив, некий поворот к вышеизложенной концепции в промежуточном, не столь жестком виде? Возможен, почему нет. Например, чему помешает провозглашение политики активного стимулирования импортозамещения? Вступлению в ВТО— ну и славно, вот Казахстан,

с которого последнее время модно (и вполне справедливо) брать пример, провозгласил отказ от такого вступления. Все те товары, которые мы экспортируем, у нас покупали и при СССР, может, лишь в несколько других количествах ° — зачем же нам ВТО? Боязно или вообще кажется неправильным вовсе отказаться от многосторонних международных отношений и выйти из всех международных организаций ° — давайте выйдем для начала из Совета Европы с ее ПАСЕ ° — организации, вызывающей только брезгливость и занимающей к тому же совершенно откровенно антироссийские, даже русофобские позиции. Это ведь даже не евросоюзовская организация! Ну что нам за это будет? Германия и Франция пойдут на нас войной, бросив на прорыв эстонские и польские танковые армады? Перестанут закупать наш газ, который нечем заменить и который к тому же проплачен на несколько лет вперед? Да нет, только больше считаться с нами и уважать будут ° — не любить, конечно, но нас и так не любят, да и зачем нам, если вдуматься, их любовь? Так, может, есть шансы, что российское руководство так и поступит? Бог весть, конечно, но я таких шансов не вижу. На что же тогда надеяться? Только на то, что подмечено еще до меня ° — что главной движущей силой и истинным символом многовековой российской истории является не двуглавый орел, а жареный петух, клюющий в одно место. И уже очень недолго осталось ждать ° — нет, не клевка, а запоздалого осознания российской властью, что он уже произошел. Может, конечно, оказаться и слишком поздно ° — что ж, и тогда автаркизация будет делаться, но методами не рыночно-либеральными, предложенными в этой статье, а гораздо более привычными для нашей страны, причем несоизмеримо более жесткими и кровавыми, чем даже при Сталине, поскольку хуже исходные позиции. Если же окажется поздно и для этого, и исчезновение нас как независимой страны и отдельной цивилизации станет реальностью ° — значит, на то Божья воля; грехов у нас, увы, достаточно.

...А все-таки приятно помечтать, как, скажем, лет через 10 спрашивает иностранный журналист у нашего какого-нибудь руководителя, какую реакцию на какое-то действие России он ожидает от госдепартамента США. И тот в ответ не начинает юлить, как сейчас, что мы, дескать, все делаем правильно, и даже не заявляет, что это не их дело. А недоуменно спрашивает: госдепартамента чего?

Михаил Хазин

ВОЗВРАЩЕНИЕ «КРАСНОГО» ПРОЕКТА?

То, что мир стоит на пороге кризиса, в общем, понятно уже всем. Однако, как это всегда и бывает на переломе исторических тенденций, определяющим здесь являются не материальные, экономические факторы, а, скорее, идеологические. И по этой причине для описания направлений, в которых будет развиваться мир, целесообразно посмотреть в ретроспективе картину идеологических битв последних столетий для того, чтобы было легче оторваться от текучки и посмотреть на ситуацию со стороны.

Для описания ситуации мы воспользуемся терминологией «проектного анализа», разработанного С. И. Гавриленковым и М. Л. Хазиным. Ключевым термином этого анализа является глобальный проект, а более подробно основы этого анализа можно посмотреть на сайте www.world-crisis.ru в статьях упомянутых авторов.

Вся вторая половина XX века прошла в рамках противодействия двух глобальных проектов (ГП) ° — «западного» и «красного». Это противостояние было таким долгим и сложным в связи с тем, что у них была «ничья» по трем основным направлениям противодействия ГП: в экономике, разумеется, преимущество было у денежного «западного» проекта, принципиально товарный, неденежный «красный» проект не мог с ним соперничать в этом направлении.

В идеологии на первых порах преимущество было на стороне проекта «красного», поскольку его явный упор на социальную справедливость в противовес наживе и протестантской этике «западного» проекта не мог не дать ему преимущества в глазах народов всего мира.

Что касается третьей сферы конфликта, демографической, то здесь явного преимущества ни у кого не было. Таким образом, в среднем ни одна сторона не могла взять верх. Ситуация изменилась, когда принцип «мирного сосуществования», «изобретенный» в 1956

году, стал при Л. И. Брежнев не просто абстрактным тезисом, а реальным руководством к действию. В результате его применения «красный» проект в лице своего лидера ° — СССР просто самостоятельно отказался от главного своего преимущества. После чего его поражение было предопределено.

Однако тотальная победа «западного» проекта привела к крайне интересному результату, для описания которого необходимо вернуться к истории этого глобального проекта. Начинать ее стоит с XVI века, когда в результате «золотого» кризиса, связанного с завозом колоссального количества золота из Нового Света Испанией и Португалией, была разрушена базовая система экономического хозяйствования того времени ° — натуральное феодальное хозяйство. Связано это было с тем, что золото, которое играло в то время роль Единой меры стоимости (ЕМС), оказалось не в состоянии в условиях своего резкого удешевления как товара гарантировать стабильный хозяйственный оборот. В результате жесточайшего кризиса, принципиально изменившего хозяйственный уклад, появился новый глобальный проект ° — «капиталистический». В идеологической форме он отличался тем, что впервые за полторы тысячи лет серьезно изменил библейские догматы, которые были обязательны для всех европейских проектов этого периода: что христианского, что византийского, что католического. А именно был отменен запрет на ростовщичество, основой «капиталистического» ГП стал ссудный процент. Такое принципиальное изменение не могло не сказаться и на основной цели проекта: вместо справедливости (разумеется, понимаемой существенно по-разному во всех библейских проектах, включая «исламский») «капиталистический» проект направлен на получение наживы (корысти).

В своем чистом виде «капиталистический» проект просуществовал до конца XVIII века, когда одновременно появились две идеи, во многом определившие пути развития человечества на следующие 250 лет. Первой из них стала идея «финансового капитализма». Суть ее состояла в реализации многовековой мечты алхимиков о создании золота (то есть тогдашней ЕМС) в реторте, а содержание сводилось к простой мысли, что если невозможно произвести в реторте золото как ЕМС, то нужно заменить золото на что-то другое, что в реторте получать можно, причем одновременно

создать механизм защиты этой «реторты» от несогласованных посягательств. Не вдаваясь в подробности, которые можно, например, прочитать в книге С. Егишянца «Тупики глобализации. Торжество прогресса или игры сатанистов», на сегодня мы имеем в качестве ЕМС доллар США, ретортой является ФРС США, частная контора, владельцами которой в значительной мере являются потомки тех самых людей, которые 250 лет назад и придумали всю идею. А весь механизм МВФ, Мирового банка, других международных финансовых организаций направлен в первую очередь на то, чтобы запретить государствам мира свободную денежную эмиссию национальных валют.

Отметим, что идея финкапитализма очень существенно изменила не только собственно экономику, но и психологию человечества. Связано это с тем, что если все существующие ранее ГП создавали новые активы либо за счет труда, либо за счет использования природной ренты, то у финкапа основные активы появляются действительно «на кончике пера» (точнее, печатного станка). Если доля финансовых активов в общем объеме активов в начале XIX века не доходила и до половины, то в конце XX века доля материальных активов составляла десятые, а то и сотые доли одного процента. Особенно хорошо это видно на примере нефти: объемы нефтяных фьючерсов превосходят объемы реально добываемой нефти в сотни и тысячи раз. Вторым глобальным проектом, появившимся в конце XVIII века, стал проект «красный». С базовой, догматической точки зрения он представляет собой возврат к старым, библейским ценностям, поскольку возвращает на место догмат на запрет ростовщичества (в форме обобществления средств производства). Но имеет от предыдущих библейских проектов одно отличие ° — он демонстративно антирелигиозен, то есть не несет мистической составляющей. В качестве компенсации он существенное внимание уделяет развитию социальных технологий. Но главное ° — другое. Успех «красного» проекта ° — а он исторически совершенно не обречен был проигрывать, он далеко не умер и, скорее всего, в очень скором времени активно возродится ° — показывает, что система внутренних догматов «капиталистического» и «западного» проектов неустойчива. Экономически для последнего это очень легко объяснить (см. ниже), но в данном случае важен другой аспект: эволюции не свойственен

возврат к старому. Устойчивость «красного» проекта показывает, что, скорее всего, в XVI веке, в период становления «капиталистического» проекта, развитие человечества пошло (временно, разумеется) по неправильному пути и требуется внести исправления. Беда «западного» проекта в том, что он по определению ограничен во времени. Надстройка финансовых активов не может увеличиваться бесконечно, в какой-то момент она должна рухнуть. В масштабах собственно США такое уже случилось — в 1929 году. Распад мировой социалистической системы увеличил зону доллара до масштаба всего земного шара, сверх которого она уже дальше расти не могла — а значит, конец экономики, построенной на безудержной эмиссии долларов, уже не за горами. А это означает мощнейший кризис, аналогом которого являются только события XVI века (после этого ЕМС в такой кризис не попадала), и распад «западного» проекта. И в каком направлении будет развиваться ситуация?

Прежде всего, что может быть на «проектной» территории «западного» проекта, то есть в первую очередь США и Западной Европы? Если внимательно посмотреть на политику президента Буша, то можно отчетливо увидеть попытки изменить экономическую модель. Грубо говоря, он (явно или неявно) рассматривает вопрос о возврате к «капиталистическому» проекту, о выходе из экономического кризиса за счет возврата к исходно христианским ценностям (в противовес либерализму и политкорректности), изоляционизме и сбросе с американского бюджета тяжести поддержки мировой финансовой системы. Иными словами, речь идет о выходе США из «западного» проекта. Ближайшей аналогией, по всей видимости, является выход РСФСР из состава СССР, организованный Ельциным в конце 80-х — начале 90-х годов прошлого века. Отметим, что жесточайшее идеологическое противостояние, которое сегодня имеет место в США, связано как раз с тем, что противоположная Бушу команда как раз играет роль защитника интересов «западного» глобального проекта и стремится сохранить доллар США как ЕМС и мировую расчетную единицу.

В Европе ситуация аналогичная, только строится не национальный, а наднациональный проект — Евросоюз. Отметим, что оба этих проекта не являются глобальными, они, по крайней мере в среднесрочной перспективе, не предполагают распространение за свои

естественные границы, которые, конечно, могут превышать административные границы соответствующих стран, но все-таки существенно ограничены (глобальный проект по определению рассматривает своей зоной влияния весь земной шар).

Разумеется, проектной элите «западного» проекта такая ситуация активно не нравится. Но сделать она мало что может, поскольку экономический кризис носит абсолютно объективный характер. Но один ресурс у него есть, это — страх. Именно по этой причине идет страшная эскалация террора. Это сигнал всем: посмотрите и остановитесь, доверьтесь нам, иначе у вас будет так же плохо, как в Беслане. Другое дело, что остановиться уже не получится, но специфика проектной элиты любого проекта как раз в том и состоит, что варианты, при которых ее не существует, вообще не рассматриваются. А как пойдет ситуация дальше? Новых пророков пока не видно, так что выбирать приходится из существующих проектов. Поскольку предстоящий экономический кризис резко опустит уровень жизни во всех западных странах (который сейчас существенно завышен за счет феномена сверхпотребления, связанного с эмиссией доллара), то концепции «наживы» во многом сменятся на «справедливость». И это означает ренессанс «красного» проекта и еще большее усиление проекта «исламского». Что произойдет в США, автор предсказывать не берется, а в Европе вопрос будет только один: сможет ли социалистическая идея ассимилировать исламское население или Европа вольется в исламский мир? Отметим, что до сих пор ассимилировать ислам удавалось только в рамках развития именно социалистических идей, в связи с чем я считаю, что именно в Европе «красный» проект ожидает мощная экспансия.

Отметим, что ренессанса чисто «христианских» проектов («византийского» в форме православия и «католического») в ближайшем будущем ждать не приходится. Дело в том, что такой мощный кризис, как распад мировой системы разделения труда, распад единого долларového пространства, будет требовать от всех участников активных, если не агрессивных действий. Политика же «христианских» проектов существенно определяется их догматикой, которая в качестве одного из главных достоинств называет смирение. Иными словами, возрождение этих проектов возможно, но не в

среднесрочной, а тем более не в краткосрочной перспективе, а на существенно большем временном интервале.

Есть и еще одна причина, по которой именно «красный» проект должен приобрести в ближайшем будущем особое значение. Дело в том, что ссудный процент, разрешенный в XVI веке, создал новый феномен в истории человечества ° — «технологическое общество». Ускоренный технический прогресс последних веков, который, в частности, резко уменьшил смертность и позволил существенно нарастить численность человечества, вызван именно этим явлением. Не исключено, что обязательным правилом для этого феномена является одновременное наличие ссудного процента и библейской системы ценностей, потому что даже Япония и Китай (в которых библейская система ценностей вообще не очень распространена), в общем, развивают свои технологии только за счет того, что существует западные страны, которые являются инвесторами и потребителями произведенной продукции. Про ислам и говорить нечего ° — все попытки создания технологической цивилизации на внутренней базе исламских народов оказались неудачными.

В то же время отказаться от технологических достижений человечество на сегодня не готово. И тем более важно то, что было одно исключение из этого, в общем, довольно жесткого правила. Технологическая цивилизация была построена в СССР ° — в стране, в которой ссудный процент был запрещен не менее, если не более жестко, чем в исламских странах. Этот уникальный опыт «красного» проекта не может не быть востребован, поскольку, скорее всего, предстоящий кризис ЕМС вызовет по крайней мере временный отказ от использования ссудного процента. Связано это с тем, что разрушение единого эмиссионного долларового пространства, скорее всего, будет происходить постепенно. На первом этапе, с большой вероятностью, мир разделится на несколько (от трех до пяти) эмиссионных валютных зон: доллара США, эмитировать который, видимо, рано или поздно станет не частная контора, а федеральное казначейство, евро и юаня. Не исключено, что возникнет еще две зоны: так называемого «золотого динара» и российского рубля. Собственно говоря, последнее абсолютно обязательно с точки зрения сохранения России как единого государства, но при нынешнем руководстве нашей экономики это достаточно маловероятно.

Но поскольку современная система разделения труда предполагает, что рынки являются глобальными, то такая система будет заведомо менее рентабельной и, скорее всего, будет продолжать свой распад. В результате отдельные государства с целью выполнения своих обязательств и защиты суверенитетов будут все жестче и жестче ограничивать права отдельных частных субъектов на присвоение прибыли, то есть в первую очередь на их возможность получать эмиссионный доход. Эта тенденция в конце концов почти неминуемо приведет к законодательному или даже идеологическому запрету на частное использование ссудного процента.

Возвращаясь к основной теме, можно отметить, что в Европе ближайших десятилетий мощная экспансия «исламского» проекта встретит три серьезных сопротивления. Первое ° — со стороны умирающего «западного» проекта. И здесь схватка будет безжалостной и бескомпромиссной. Второе ° — со стороны национальных государств, объединенных (более или менее сильно) в рамках Евросоюза. Здесь давление «исламского» ГП будет более слабым, поскольку национальные проекты по определению не могут долго сопротивляться против проекта глобального. А вот третий уровень сопротивления будет со стороны возрождающегося «красного» проекта, и здесь отношения будут очень сложными. С одной стороны, «красный» проект может ассимилировать исламское население Европы (как это было сделано в СССР), и в этом смысле он представляет для «исламского» проекта главную опасность. С другой ° — некоторые его черты необходимо максимально поддерживать, поскольку именно они должны будут обеспечить сохранение технологической цивилизации в Европе. В результате этих процессов, скорее всего, в Европе возникнет новый глобальный проект, некий симбиоз ислама и социализма, который можно условно назвать «исламский социализм».

Если посмотреть на ситуацию в России, то она от европейской отличается только одним: куда более развитыми принципами и механизмами «красного» проекта. И это несет огромную угрозу для «западного» проекта, поскольку все те конструкции, которые описаны в предыдущих абзацах для Европы, в России могут произойти существенно быстрее ° — и тем самым серьезно ускорить окончательный распад «западного» ГП. Как следствие значительные

свои силы «западный» проект бросил на срочное разрушение реликтов «красного» проекта в России: наемные менеджеры этого проекта (Греф, Кудрин, Зурабов, Шувалов и т.д.) начали агрессивно проталкивать немедленное вступление России в ВТО (кому оно будет нужно через 2–3 года?), разрушать государственную систему пенсионного обеспечения, здравоохранения, образования. Такое поведение «западного» проекта понятно. Россия на протяжении тысячелетия была исключительно проектной страной и просто не может существовать без этого. Но разрушение «красного» проекта впервые оставило ее в вакууме: никаких проектных ценностей для России пока не видно, вменить нашим народам ценности «западного» проекта, прямо скажем, не удалось. Но с учетом оставшегося у нас оборонно-технического и образовательного потенциала нельзя допустить, чтобы какой-либо другой глобальный проект захватил эту территорию ° — для чего надо превратить ее в пустыню, населенную агрессивными и неконструктивными племенами. До тех пор, пока «западный» проект был «единым и неделимым», с этим можно было бороться на технологическом уровне. Но победа Буша в США требует уже жестких и решительных мер. Что мы и наблюдаем на практике.

Отметим, что теоретически возможен и другой путь развития после распада «западного» проекта. Этот путь ° — отказ и от остальных библейских догматов. Однако проблема здесь в том, что в этом случае необходимо сформулировать новую догматику проектного масштаба. Пример Китая, который достаточно долго стоял на развилке, здесь очень показателен. Он мог самостоятельно поднять упавший флаг «красного» проекта, но, судя по всему, отказался от этого. Он мог бы попытаться сформулировать новый ГП (например, на модифицированной базе буддизма), однако это почти неминуемо вело бы к отказу от технологического общества, что оказалось для него неприемлемым. Не исключено, что именно по последней причине Китай категорически не желает отказываться от коммунистической риторики и соответствующих элементов управления страной.

Но сегодня фактически Китай пошел по пути создания национальной империи.

Это решает для него массу тактических проблем, но принципиально закрывает для него один путь ° — экспансию на весь

мир. Китай самостоятельно ограничил свои территориальные и идеологические притязания.

В заключение можно отметить следующее. Неизбежный распад «западного» проекта приведет к сложному процессу борьбы многих уже существующих глобальных проектов в их попытках усилить свое влияние или просто реанимироваться. Однако главными из них, по всей видимости, на первом этапе станут два: «исламский» и «красный». Первый ° — в силу своей очевидной на сегодня мощи, второй ° — как гарант сохранения «технологической цивилизации». И если Россия хочет играть в ближайшие десятилетия хоть какую-нибудь роль в мире, а то и просто сохраниться как государство, нам категорически необходимо максимально активно реанимировать оставшиеся от времен социализма механизмы и технологии и пытаться создавать, в том числе и на базе «красного» проекта, новую российскую проектную идеологию.

Анатолий Уткин

АРГУМЕНТЫ РОССИЙСКОГО ОПТИМИЗМА

КОГДА МОЖНО УСОМНИТЬСЯ

Для того чтобы усомниться в стране и ее будущем, нужны три условия: прошлое нанесло травму, не дало значимых, сопоставимых с другими цивилизационными достижениями результатов; нынешнее состояние духа народа исключает исторический бросок в направлении мировых лидеров; исторический горизонт сужается ввиду обгоняющего темпа цивилизационных соседей.

Отрадно отметить, что ни одно из этих трех условий не характеризует современную ойкумену России. Рассмотрим положение во всех трех сферах.

1. Травма последних полутора десятков лет не затронула психического здоровья народа. Не без гордости россияне воспринимают тот историко-цивилизационный факт, что Россия — единственная незападная страна в мире, которая *никогда* не была и не является колонией или подопечной территорией Запада. В том была заслуга наших предков, которые сумели отстоять национальную самостоятельность России, успешно модернизируя страну, не меняя при этом ее национального кода. В России, у русских *пока* нет комплекса психологического надлома. Более того, у них нет ощущения *чего-то невозможного для нас*. Ни в духовной, ни в материальной сфере наша национальная гордость не претерпела фатальных крушений. Страна Пушкина и Менделеева, Достоевского и Ломоносова, Туполева и Курчатова не нуждается в надуманной романтизации своего прошлого, чтобы продолжать верить в свое будущее... В мировом прогрессе имена наших гениев стоят в первом ряду. Народ помнит, что именно наша страна подорвала главную силу западных чемпионов, в частности объединенную силу западноевропейцев Наполеона и Гитлера. Стоически встреченные,

отхлынули хан Бату и Тохтамыш с Востока, ушли в историческое небытие короли Сигизмунд, Карл XII и кайзер Вильгельм II на Западе, а Россия стоит от Балтики до Тихого океана. И там, где просторы страны уменьшились, мы отошли сами, а не под чужим давлением.

Если нет надлома, то есть все основания верить в преодоление того, что уже преодолевали наши предки, ° — очередного смутного времени.

2. Состояние национального духа характеризуется определенным кризисом, смятением ° — но не крахом, не тем чувством, которое блокирует подъем с колен на обе ноги. Великая провинция словно в летаргическом сне, она выживает и растит новое поколение. В далеких городах и весях миллионы детей великой страны пытливно читают нашу великую литературу и нашу славную историю. Эти молодые умы посуровевшей страны не могут не исполниться гордости и за князя Донского, и за маршала Жукова, за своих отцов и дедов, чьи могилы и заветы рядом. Национальный код неистребим: как и наши предки, нам в тяжелые времена не следует опускать руки. Бывало и не такое. В прошедшем веке мы *впятеро* превзошли решившую нас погубить Германию в производстве и в качестве танков и самолетов. Не при царе Горохе, а вчера ворвался в космос Гагарин, была создана первая в мире АЭС, взвился в небо первый в мире сверхзвуковой «Ту-104». Неудачи и перерывы бывают, но нынешний кризис ° — не могильный камень нашей истории. Страна исчезала в 1240-м, 1552-м, 1611-м, 1918 годах, но оживал носитель цивилизационных основ ° — русский человек, сохранялся социально-генетический код, который не удовлетворялся простым выживанием. Русский народ не уходил на Северный Урал, а, напротив, шел к Дону, Дунаю, Ивангороду, Астрахани, Вилуйску, к Русской Америке. Нет никаких оснований думать, что этот наследственный генетический код нарушен.

3. Нам благоприятствует геополитическое окружение. Ни один народ-сосед не обошел Россию в основных элементах могущества. Более того, непреложным фактом современности является то, что *все* прежние республики экс-СССР опустились в пучину общего цивилизационного падения. С Эстонией это произошло в меньшей степени, а с Таджикистаном ° — в большей, но общее состояние *децивилизации* соседей объективно ослабляется (Запад стал открыто именовать блок нежданно независимых стран *Мусоростаном*). А это

значит, что Россия не только не «ушла в вечную мерзлоту», но выросла *относительно* своих непосредственных соседей. Она сохранила положение привлекательного цивилизационного ядра, носителя привлекательных цивилизационных ценностей. А потому нет оснований отбросить (как несерьезную и безосновательную) веру нынешнего поколения в то, что Россия° — это даже не великая страна, Россия ° — это великая цивилизация, которая самовосстанавливается естественным и почти привычным образом. Сохраненная культура, особенности национальной психики, богатства великой территории, доставшаяся от столетнего периода подъема (1892–1991) индустриальная инфраструктура, промышленность и наука позволяют надеяться на центроостремительный естественный им пульс *собирания*, общего преодоления потерянности, национального смятения, выхода большой России в авангард мира XXI века.

Если сохранен пульс и действует восстановительный код, обратимся к базовому строительному материалу истории. Ее творят: *воля, наличные ресурсы, научное использование оптимальных методов освоения природы (наука), наличие союзников.*

I. ВОЛЯ. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР

Не в каждом народе в неистребимом волевом компоненте есть подобное сочетание альтруизма и жертвенности. *Российский национальный характер* сложился в ходе тысячелетней невероятной истории и в суровых географических условиях. Произошел сплав варяжского Запада и степного Востока, осененный православием Византии и прозелитизмом ислама. При этом Россия постоянно двигалась от Балтики до Тихого океана, две трети ее населения все последние века были пограничем со всеми присущими границе стоическими чертами. Воля видеть родную землю от Мурманска до Владивостока ° — этнопсихическое явление, абсолютно необходимое для собственного формирования своего будущего. Остановить это явление, ликвидировать этику пограничья означает повернуть вспять стереотип нашей жизни. Это трудно себе представить.

Особый *русский характер* сформировался в условиях геополитической уязвимости и суровости природных условий. Речь

идет о сочетании стоицизма, таланта быстрого и точного восприятия, идеализма, необычайной твердости и жертвенности в достижении общих для социума целей. Характер широкий, восприимчивый, приветливый ° — и в то же время твердый, упорный, жертвенный, готовый к тяжелой работе, не ожидающий немедленного вознаграждения, сиюминутной компенсации. Без такого характера невозможно было бы пройти колоссальный путь от Тобола до Сан-Франциско ° — втрое больше, чем столь героизированный на Западе путь от Нью-Йорка до Сан-Франциско.

Среди черт русского характера главенствуют:

Стоицизм, безусловная готовность все претерпеть ° — при условии известности смысла жертв, за что следует платить потом и кровью, с какой целью русские люди должны принести жертвы. Стоицизм ° — это грандиозный взаимный запас общего доверия склонного *верить* в себя народа, готового на *осмысленную* жертву.

Незакрепощенность. Россия ° — страна бытовой свободы, не закрепощенной мещанскими нормами. В России малозначительно давление буржуазных условностей. Цитируем классика: «Когда сравниваешь русского человека с западным, то поражает его недетерминированность, нецелесообразность, отсутствие границ, раскрытость в бесконечность, мечтательность. Это можно видеть в каждом герое чеховского рассказа. Западный человек пригвожден к определенному месту и профессии, имеет затверделую формацию души». ^[1]

Терпение. Жизнь русских основывается на *страде*, то есть на периоде интенсивных физических усилий. Слово «страда» на все языки будет переведено как «страдание». Это означает, что основой своей жизни русские видят страдание. Когда русский умирает, о нем говорят *отстрадал*, то есть завершил страдания. Жизнь как удовольствие нехарактерна (если не сказать ° — неведома) для русских.

Терпение протопopa Аввакума и Семена Дежнева просто беспредельно. Россия может терпеть многое, но не унижение.

Дискретность усилий. Русский историк В. О. Ключевский определил это состояние таким образом: «Ни один народ в Европе не способен на такую крайнюю степень активности на протяжении короткого периода времени, как русские; но, возможно, никто другой в Европе не демонстрирует такой неспособности к постоянной,

размеренной, непрестанной работе». Итак, с одной стороны, почти сверхъестественный трудовой порыв, с другой стороны, великая, почти ничем не пробиваемая пассивность ° — в том случае, если русский не видит безусловной необходимости или великой поставленной цели.

Свобода. Народ, уходивший в казаки на юг и восток, избирал свободу более радикальным путем, чем борцы за конституции на Западе. Поэт О. Э. Мандельштам выразился так: России присуща «нравственная свобода, свобода выбора. Никогда на Западе она не осуществилась в таком величии, в такой чистоте и полноте. Нравственная свобода ° — дар Русской земли, лучший цветок, ею возвращенный... Она равноценна всему, что создал Запад в области материальной культуры».^[2]

Сострадание. Чтобы не впасть в необъективность, призовем иностранцев. Современный ведущий британский русолог Хоскинг: «Хотя русские ° — храбрые люди и замечательно мужественны на войне, они являются самой мирной и невоинственной нацией в мире... Общественный темперамент отличается одновременно и нечувствительностью, и добротой. Нечувствительностью к своим страданиям и сочувствием к страданиям других. Каждый, способный видеть, откроет в России черты теплоты и простоты. Отзывчивость ° — этот дар природы, это неистребимое богатство жизни ° — является лучшей привлекательной чертой России».^[3] Французский писатель А. Жид признавал, что «нигде отношения с людьми не завязываются с такой легкостью, непринужденностью, глубиной и искренностью, как в СССР. Иногда достаточно одного взгляда, чтобы возникла горячая взаимная симпатия. Да, я не думаю, что где-нибудь еще, кроме СССР, можно испытать чувство человеческой общности такой глубины и силы».^[4]

Отсутствие высокомерия. Лорд Керзон, проехав по огромной стране, заметил в начале XX века: «Русский братается в полном смысле слова. Он совершенно свободен от того преднамеренного вида превосходства и мрачного высокомерия, который в большей степени напоминает злобу, чем сама жестокость. Он не уклоняется от социального и семейного общения с чуждыми и низшими расами. Его непобедимая беззаботность делает для него легкой позицию невмешательства в чужие дела; и терпимость, с которой он смотрит на религиозные обряды, общественные обычаи и местные предрассудки

своих азиатских собратьев, в меньшей степени итог дипломатического расчета, нежели плод беспечности».^[5] Это то, что Достоевский лестно для россиян назвал в 1880 году «всемирной отзывчивостью», то, что помогает им достаточно легко вступать в контакт с другими° — в браке, дружбе, союзничестве: «Стать настоящим русским значит стать братом всех людей; всечеловеком... Для настоящего русского Европа и удел всего великого арийского племени так же дороги, как и сама Россия, как и удел родной земли, потому что наш удел и есть всемирность, и не мечом приобретенная, а силою братства».

Эгалитаризм. И богатые и бедные традиционно вызывают на Руси неприязнь. Русская пословица говорит: «Богатство° — грех перед Богом, а бедность ° — грех перед соседями». Никто в современной России (как и сотни лет назад) *не восхищается* преуспевающими людьми. В России принципиально невозможно восхищение доморощенными Вандербильтom, Рокфеллером или Биллом Гейтсом. Выставлять напоказ свое богатство постыдно. Вызывающее, кричащее богатство вызывало общественное отторжение и, что неизменно декларируется и в сегодняшней России, желание «пустить петуха», сжечь дотла выдающийся своими размерами и убранством дом. Можно кликушествовать ° — нельзя не учитывать этой национальной черты (свойственной, к слову, многим другим народам, японцам, к примеру). «Равнинный, степной характер нашей страны, ° — полагает географ и философ Е. Н. Трубецкой, ° — наложил свою печать на нашу историю. В природе нашей равнины есть какая-то ненависть ко всему, что слишком возвышается над окружающим».^[6]

Патриотизм, немыслимый по глубине. «Любовь к отечеству, или патриотизм, ° — писал гений нашей науки Д. И. Менделеев, ° — составляет одно из возвышеннейших отличий нашего общежитного состояния».^[7] И. Ильин призывал: «Тот, кто хочет быть «братом» других народов, должен сам сначала стать и быть ° — творчески, самобытно, самостоятельно растить свой дух, крепить и воспитывать инстинкт своего *национального самосохранения*, по-своему трудиться, строить, властвовать и молиться. Настоящий русский есть прежде всего русский, и лишь в меру своей содержательной, качественной, субстанциональной русскости он может оказаться и «наднационально», и «братски» настроенным «всечеловеком»... Национально безликий «всечеловек» и «всенарод» не может ничего

сказать другим людям и народам».^[8] Говоря о патриотизме, Пушкин возражал скептику Чаадаеву: «Война Олега и Святослава и даже удельные усобицы ° — разве это не та жизнь, полная кипучего брожения и пылкой и бесцельной деятельности, которой отличалась юность всех народов? Татарское нашествие ° — печальное и великое зрелище. Пробуждение России, развитие ее могущества, ее движение к единству... оба Ивана, величайшая драма, начавшаяся в Угличе и закончившаяся в Ипатьевском монастыре, ° — как, неужели это не история, а бледный полузабытый сон! А Петр Великий, который один есть целая всемирная история? А Екатерина Вторая, которая поставила Россию на пороге Европы? А Александр, который привел Вас в Париж? Клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, какой нам Бог ее дал».^[9]

Полагаясь на *такой* национальный характер, можно с полным основанием и твердостью уповать на то, что первый же национальный лидер, который с болью за отечество, пользуясь средствами массовой информации, укажет на рационально обозначенный путь национального спасения и возвышения, может смело рассчитывать на жертвенный отклик полутораста миллионов россиян, на десятки миллионов русских за пределами РФ, на людей русского этнопсихологического кода и культуры.

II. НАЛИЧНЫЕ РЕСУРСЫ

Воля бесплодна, если она не опирается на материальные ресурсы. В этом плане Россия и поныне вызывает всеобщую зависть, ведь обширность ее территории и богатство недр исключительны.

1. Обширность территории

И в своей усеченности Россия владеет первой по обширности территорией на планете. Столп немецкой науки А. Гумбольдт, чтобы дать представление о феноменальных просторах России, сравнивал ее с Луной, что не совсем корректно, так как территория России больше видимой поверхности Луны. В мире нет более обширной равнины, чем та, которая распростерлась от Валдая на западе и до Берингова пролива на востоке, от казахской степи на юге и до Северного

Ледовитого океана на севере ° — 17 тысяч квадратных километров, вдвое больше территории Соединенных Штатов. С юга на север ° — это преимущественно равнина: пустынная степь, обширные леса и жестокая своим зимним холодом тундра. С востока на запад ° — это долины великих рек: Лены, Оби, Енисея, Волги, Днепра. Старые горы (типа Уральских и Восточно-Сибирских) не являют собой подлинных препятствий при перемещении.

Особенностью огромной российской территории является отсутствие естественных и отчетливо определенных рубежей внутри. В России даже великие перечисленные реки начинаются едва заметно на небольших холмах и плоскогорьях. «Россия до того равнинная страна, ° — пишет философ В. В. Розанов, ° — что, всю жизнь живя и даже совершая большие поездки, можно все-таки не увидеть ни единой горы».^[10] «Даже Уральский хребет, ° — пишет русский политолог и геостратег Н. Я. Данилевский, ° — один из ничтожнейших, по проходимости ° — один из удобнейших; в средней его части, около Екатеринбурга, переваливают через него, спрашивая у ямщика: да где же, братец, горы? Далее честь служить границей двух миров падает на реку Урал, которая уже совершенно ничто».^[11] Эта плоская территория ° — громадная специфическая область в центре Евразийского континента, состоящая из соединенных между собой равнин, ° — доминирует над Евразией. Эта цельность территории ° — наше несравненное богатство. Она позволяет надеяться на быстро проложенные транспортные артерии, которые свяжут ее воедино и навечно.

Но чтобы воспринять колоссальный дар наших предков ° — нашу территорию до Тихого океана, ° — мы должны, мы просто обязаны научиться *иначе* смотреть на карту своей страны. До сих пор мы смотрим как на *свою* на территорию России до Урала, ° — обозревая другие две трети как некое приложение к великой Русской равнине. За Уралом на огромных освоенных нашими предками территориях живут всего 27 млн. человек, и при продолжении современных демографических процессов (рождаемость ° — 1,4 ребенка на семью) мы *потеряем* дар Ермака и Дежнева около 2030 года. Мы просто обязаны ° — как народ ° — повернуться к просторам Сибири и Дальнего Востока вплоть до Владивостока. (Напомним один из способов американского заселения прерий: в свое время каждый солдат

федеральной армии в войне американских Севера и Юга получил так называемый гомстед ° — определенный земельный участок на американском Западе. Почему не отдавать массивы этих территорий ветеранам афганской и чеченских войн, если уж все любые другие виды компенсации так затруднены?) Мы просто обязаны увидеть в Енисее, Оби, Лене *свои* реки, а не экзотические фантазмы путешественников. Особенно привлекательны верховья Лены ° — удивительные по красоте и климату места севернее Байкала. Экстренно необходимо создание министерства Сибири и национального агентства дорог. Мы должны, обязаны освоить массив полутысячей километров севернее Красноярска, Омска, Читы, Хабаровска, Владивостока. Именно здесь национальные территории могут продаваться участками ° — пока есть сибиряки и беженцы из бывших советских республик, которые ценят землю и способны противостоять континентальному климату.

Взгляд на Зауралье должен быть взглядом на корневую Россию как на истинно жилой край, а не как на холодную кладовую. Только так Россия сможет сохранить свою удивительную территорию, которая непременно удивит мир геологическими находками. А биотехнологическая революция создаст морозоустойчивые сорта злаков и плодов, превращая сибирские просторы в зону прекрасной жизненной силы. И столица может быть перенесена, конечно же, не в относительно маргинализированный Петербург, а гораздо восточнее: по линии Екатеринбург ° — Новосибирск. Законодатели должны работать, как их коллеги в Вашингтоне, Бразилии, Канберре, Астане: освобождаясь от пресса и соблазнов московского мегаполиса, двигаясь навстречу эпицентру своей страны, а не ее комфортной окраине.

Мы ° — обладатели самого большого в мире дома, может быть, неуютного и пустого, но и его у нас весьма скоро отберут, если мы не наладим свое хозяйство. Если нас ° — как нацию ° — не устрашает и не мобилизует эта угроза, это просто и грустно означает, что нас *уже ничто*, никакие обстоятельства и соображения не способны подвигнуть в сторону самовыживания. И нужно признать: если мы думаем, что Ермак ошибся, тогда мы достойны своей участи. То, что исторически всегда было нашим огромным тылом ° — Евразия, ° — становится нашим самым уязвимым местом. Это самая большая вероятная и близкая перемена в геополитическом положении России.

2. Ископаемые

Мы используем только 8% потенциально обрабатываемых земель. Неслыханное богатство ° — 45% территории нашей страны покрыто лесами. Это и легкие мира, и достаточно легко добываемые ресурсы. Мы ° — первые добытчики природного газа на Земле, более десятой доли нефти ° — в наших просторах. Феноменальное природное богатство России всегда останется с ней. Это положение кладеза природных ресурсов смягчит возможные политико-экономические катастрофы 2000-х годов. Мировая индустрия ° — и прежде всего индустрия Запада ° — сможет найти в российском газонефтяном богатстве (с выходами в Новороссийске, Приморске, Мурманске, на Сахалине) своего рода *единственную альтернативу* Персидскому заливу. Это богатство в критической степени важно для мировой экономики. Допуск или недопуск к этим богатствам может стать мощным оружием, равно как и средством раскола враждебных России коалиций.

Между 1990-м и 1998 годами страны СНГ снизили уровень добычи с почти 12 млн. баррелей нефти, добывавшихся в СССР, до 6 млн. баррелей в день. В России добыча нефти упала до 40% уровня 1990 года. Только после финансово-промышленного краха 1998 года Россия сумела воспользоваться **помощью государства** и благоприятной конъюнктурой и начать активное инвестирование в эту ключевую по значимости отрасль. В феврале 2002 года Россия вернула себе лидерство среди стран ° — производителей нефти ° — 7,28 млн. баррелей в день. Ныне РФ производит 348 млн. тонн. Этот показатель может вырасти благодаря нескольким обстоятельствам. В Каспийском бассейне, по минимальным оценкам, разведано примерно 70 млрд. баррелей нефти ° — богатейшее месторождение нефти за пределами Персидского залива. На севере Евразии забили фонтаны нефти, ослабляющие грозную мощь ОПЕК. Проарабский ОПЕК впервые получает достойного конкурента в деле снабжения главных мастерских мира энергией. Все это дало основания для положительной переоценки экономических возможностей России, где нефть дает 25% от всего экспорта. В октябре 2001 года завершилось создание трубопровода, по которому к Новороссийску пошла богатая казахстанская нефть. В 2002 году построен нефтепровод к Петербургу (Приморск), идет строительство нефтепровода к Мурманску, где порт

открыт круглый год и где огромные танкеры могут везти нефть на самый богатый американский рынок. По нефтепроводу в КНР в год 30 млн. тонн нефти будет поступать по гарантированным ценам на протяжении минимум 30 лет.

Воспользоваться щедростью природы в интересах *Российского государства*, а не узкой группы удачливых бизнесменов ° — наша задача.

3. Образованность населения

Главный по значимости ресурс ° — образованное население. Именно говоря об этом образованном авангарде, Г. П. Федотов славит тот «тип русского европейца, который не потерял связи с родиной, а иногда и веры отцов. Именно эти люди строили империю, воевали и законодательствовали, насаждали просвещение. Это подлинные птенцы гнезда Петрова, хотя справедливость требует признать, что родились они на свет еще до Петра. Их генеалогия начинается с боярина Матвеева, Ордина-Нащекина, быть может, даже с Курбского... В управлении и суде, во всех либеральных профессиях, в земстве и, конечно, прежде всего в университете, европейцы выносили главным образом всю тяжесть мучительной в России культурной работы. Почти все они уходили от политики, чтобы сохранить свои силы для единственно возможного дела. Отсюда их непопулярность в стране, живущей в течение поколений испарениями Гражданской войны. Но в каждом городе, в каждом уезде остались следы этих культурных подвижников ° — где школа или научное общество, где культурное хозяйство или просто память о бескорыстном враче, о гуманном судье, о благородном человеке. Это они не давали России застыть и замерзнуть, когда сверху старались превратить ее в холодильник, а снизу ° — в костер. Если москвич держал на своем хребте Россию, то русский европеец ее строил».^[12] Эти люди знали Запад и видели, в чем состоит его величайшее чудо, ° — в непрестанных трудовых усилиях, осмысленных и спланированных.

За 100 лет ° — между 1890-м и 1990 годами ° — абсолютное крестьянское большинство России превратилось в абсолютно городское население с навыками индустриальных рабочих, со знаниями в пределах средней школы, мотивированными на формирование мировоззрения. Авангард населения страны ° — российская интеллигенция достаточно отчетливо представляет себе,

что Россия ° — уникальная, единственная не западная страна, которая устояла перед Западом именно в силу создания национальной индустриальной базы. И устояла потому, что создала плеяду технических и гуманитарных специалистов собственного цивилизационного кода, а не некую «немецкую слободу» посреди Руси. Создана многомиллионная группа людей, способных соединить «сердце с разумом», западную трезвость и науку с эмоциональностью и коллективизмом восточного мировоззрения.

По тяге к знаниям (ставшей буквально национальной религией), по пытливости и выходу на мировой уровень, по таланту овладения передовым техническим уровнем в России создано нечто особенное: провинция постоянно посылает своих талантливых образованных людей в университетские города. Готовность этих прирожденно талантливых людей скромно и без лишнего пафоса *положить свою жизнь* ради цивилизационного подъема, повышения общего уровня своего мира является уникальным и *величайшим* ресурсом страны. Не за «первым миллионом» тянутся эти юноши и девушки в мир науки; природная любознательность и природное чувство служения выдвинувшему тебя миру делают этот (едва ли не бесплатный) труд выражением гражданского долга, продолжением традиции бестрепетного служения миру ° — от земских фельдшеров до создателей космических станций.

И пока этот ручей из деревень, поселков, малых городов огромной провинции будет продолжать соединяться с кафедрами наших мирового уровня вузов, похороны нашей цивилизации преждевременны. Дорогой Ломоносова идут новые Алферовы. В двух ведущих научных революциях современности ° — информатике и биотехнологии ° — этот не избалованный комфортом класс ученых готов к штурму любых высот. Из природной любознательности, из любви к многонациональному отечеству.

III. НАУЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

1. ВПК

Традиционно прикладная наука на Руси была связана прежде всего с военно-промышленным комплексом, с военными

разработками ° — так сложилась наша судьба. России приходилось отбиваться от Наполеона, кайзера, Гитлера, противостоять в «холодной войне», и лучшие умы традиционно шли в военную сферу научных изысканий. Такие научные учреждения, как долгопрудненский Физико-технический институт, Училище имени Баумана, Московский авиационный институт, традиционно были надежной кузницей технических талантов, обогащавших нашу науку. Многие из этих вузов, где работал цвет современной науки, были закрыты для иностранцев. И сегодня, хотя выпускники долгопрудненского физтеха склонны следовать в западные лаборатории, обогащая американскую научную и экономическую систему, остается исток, научная школа, способная при должном внимании государства удивить исследованиями мирового уровня.

Их хватит еще на 10 лет. После этого срока инстинкт выживания, равно как и малая продолжительность жизни, сделает свое бесславное дело. Но сейчас эти специалисты есть. Задача государства и общества, задача думающих людей России ° — сохранить свою золотую плеяду, не бросить ее на самовыживание гайдаровского безумия.

Стоит создать всего лишь нечто вроде «Банка Путина» ° — государственного учреждения финансового характера (минимально гарантированного от позорного финансового краха), как даже молодые таланты, отбывшие в чужие Палестины, начнут переводить свои заработанные на Западе деньги в *отечественную* «кровеносную» систему, связывая свое будущее с российской судьбой. Им неуютно в американской Силиконовой долине, многие работают там только потому, что на родине их труд попросту невостребован. Возрождение оазисов высокой технологии достаточно быстро способно приостановить губительный отток и даст шанс нашим техническим талантам. Трогательно видеть, как надеются на такое отрезвление общества бессребреники-таланты Дубны и Пущина. Они еще живы, наши прекрасные научные города. Нигде в мире нет такого сообщества научных энтузиастов. Видимо, есть сила, способная удержать этих притихших умельцев на краю выживания с малой надеждой на образумливание потерявшей рациональность родины.

А революция в науке дает шанс переступить через потерянное, воссоздать связь времен. Если маленькая Ирландия на голом месте (без особой научной традиции) сумела в сердцевине Европы сделать

свою страну Кремниевым островом, то почему наследники Курчатова и Капицы не могут повторить того же в Зеленограде и Долгопрудном? Патриоты создали Петроградский физтех в безумном 1920 году. Можем ли мы сегодня в кризисной России быть *менее* серьезными в отношении нашего, к счастью еще не потерянного, будущего?

Они продержатся еще несколько лет. Позднее, если не сохранить преемственность, научных специалистов не будет. У нас. До 200 тысяч уже мыкают горькую долю эмигрантов в более комфортабельных лабораториях. Не менее важно опереться на основанную Петром Российской академии наук. 15 лет назад она насчитывала в своих рядах миллион человек, ныне ее состав уменьшился в пять раз и она катастрофически стареет. Но на протяжении еще нескольких лет ее реанимация возможна, если не победит идея экономии на сером веществе нации.

В науке ° — сфере, во многом базирующейся на призвании, любопытстве, известном бескорыстии пытливых людей, ° — возврат к патриотическим ценностям важен как нигде. Без идеи эти люди чахнут, теряя смысл своей научной одержимости, своего научного подвига, своего желания работать не ради простого выживания. Но они есть, они в смятении, они теряют ориентацию в стремительной антинаучной эволюции общества. Но если Россия проснется хотя бы за пять минут до «невозвратного», мобилизация технической интеллигенции, бесценных специалистов на национальной ниве ° — золотой запас смутившейся страны.

2. Предпосылки создания чемпионов глобализации

Сегодня в мире, где фактически отсутствует Россия, идет отчаянная битва между государствами по созданию чемпионов экономического развития. Производительные силы современного мира принадлежат именно крупным компаниям-производителям. Пятьдесят самых крупных транснациональных корпораций владеют активами в 9 трлн. долларов и производят товаров и услуг на 2,7 трлн. долларов. В глобализованном мире американская компания «Дженерал электрик» является 23-м по экономической мощи «государством», а «Форд моторз» ° — 24-м. Со времен Адама Смита только государство могло создать компанию-чемпиона. Для чиновника финского правительства защита интересов фирмы «Нокия» более священна, чем битва за «линию Маннергейма» в 1939 году. В период становления

Силиконовой долины иностранцам было запрещено находиться на ее территории.

Увы, сегодня только 5% инвестиционных проектов в нашей стране выполняются с помощью привлеченных инвестиций, остальное ° — за счет собственных средств. При этом с начала 1990-х годов в России не проводилось технологического перевооружения *всех* отраслей промышленности. Только 14% всех станков можно сегодня отнести к прогрессивным, а станки с ЧПУ составляют 1,1% всего парка. Доля высокотехнологичной продукции в товарном экспорте РФ ныне ° — 3,1%. Это итог полного пренебрежения государства к потребностям своих потенциальных чемпионов.

В настоящее время в России оборонно-промышленный комплекс (ОПК) продолжает оставаться наиболее высокотехнологичным и значимым. От его состояния и развития зависит решение задач в области общего технического перевооружения основных отраслей экономики. Основой ОПК является Московский регион. Он так же успешно забыт государством, как и другие индустриальные зоны страны. Но они еще могут выжить, даже если начали ржаветь станки, а высококлассные специалисты подались на вещевые рынки, в челноки, в извоз. По доле высокотехнологичного экспорта Россия находится на уровне Индии, уступая более чем в 5 раз Китаю и в 4 раза Италии. 0,3% рынка наукоемкой промышленности ° — вот современное состояние. *Требуется включение в правительственную доктрину публичного признания высокотехнологичных амбиций России.* Главным достижением последнего века развития стало создание национальной инновационной системы. Ключевое звено ° — разработка (75% капиталовложений). И здесь Российское государство вышло из поля поддержки потенциальных национальных чемпионов, а сами потенциальные чемпионы не способны справиться на данном этапе.

Между тем интеллектуальные информационные технологии ° — золотой ключ к будущему России, имея в виду такие центры, как РосНИИ искусственного интеллекта, ЦНИТИ «Техномаш». Программные информационные технологии остаются самым выгодным приложением капитала. Только это может в ближайшие годы обеспечить России доход, намного превышающий поступления ее сырьевых ресурсов. Мы не должны упустить этот шанс, иначе успешные российские фирмы по дешевке скупит Запад, а

высокопрофессиональные кадры исчерпают свой ресурс, не успев помочь «встать на крыло» молодому поколению. Пока *информационная революция* не используется. А может быть создано нечто новое — новая элементная база на перспективных материалах. В частности, уже существует в опытном исполнении технология выращивания алмазных пленок химическими средствами. Требуется выдвижение МЕГАПРОЕКТОВ, нацеленных в будущее и осуществляемых *с помощью государства*. Выделим космические, информационные и нанотехнологии, доведение машиностроения как системообразующей интегрированной отрасли с 19,5% до 35–40% в объеме промышленного производства. Наши потенциальные чемпионы страдают из-за недостатка государственного внимания. Вот они: Космический центр имени М.В. Хруничева, РосНИИ искусственного интеллекта, ОАО «Национальный институт авиационных технологий», ГНЦ «Всероссийский институт авиационных материалов», ОАО «Российская электроника», ФГУП НПП «Квант», ФГУПТ «ЦНИРТИ», ФГУП «ВНИИРТ», ОАО «ЛЭМЗ», ФГУП «НПП «ВНИИЭМ», ОАО «Радиофизика», ГУЛ «Оборонтест», ГНЦ «Астрофизика».

Наиболее внушительная программа помощи им — Комплексный договор о взаимодействии № 58 от 14.12.2001, Московская программа поддержки оборонной промышленности. Требуется:

- освободить от уплаты налога на прирост прибыли, полученной от перевооружения на период 3–5 лет;
- ввести ускоренную амортизацию на срок 7–10 лет;
- оказать поддержку лизинговым компаниям, поставляющим новое технологическое оборудование;
- закон о технических регламентах — поэтапное повышение требований к качеству до западных стандартов;
- госгранты молодым ученым и стажерам для учебы за рубежом;
- система кредитования долгосрочных проектов;
- создание технополисов и технопарков как основного элемента государственной политики (опыт США, Японии, Швеции и др.).

Чиновничье преступное безразличие, конечно, способно убить и эту надежду России, но здесь важен голос самого общества.

IV. АБСОЛЮТНАЯ СТРАТЕГИЧЕСКАЯ МОЩЬ

Она была создана в ходе Великой Отечественной войны и в три последовавших десятилетия. Наши Вооруженные силы могут быть первой линией нашей обороны, абсолютно ясно, что там, на глубине, поддерживая все это, вместе взятое, давая всем силу, поддержку и мощь, живут дух и мораль свободного народа, *по собственной воле готового* претерпеть многие тяготы.

А до этого Россия отличалась исключительной уязвимостью. Великий русский историк С. М. Соловьев размышляет: «Враги со всех сторон, а границы открыты, нет гор, которые бы окружали страну и защищали ее, надобно жителям защищаться грудью; нападет неприятель нечаянно, осилит, одно убежище ° — в лесах; у других народов, у немцев, французов, англичан, итальянцев, испанцев, ° — горы, можно построить крепость на высоком неприступном месте, крепость каменную, камня много в горах; а у нас нет гор, камня мало, дома деревянные». [\[13\]](#)

(Разумеется, компенсировали самоотвержением. Царь Дарий вторгся в Скифию, чтобы потеряться в великой степи. Александр Македонский вынужден был ослабить порыв на самых дальних подходах. Римляне не рисковали подниматься по Днепру. Иудаистский прозелитизм остановился на Северном Кавказе. Воины ислама ° — невероятный арабский порыв был заслонен Византией при помощи славян. И только во второй половине первого тысячелетия новой эры натиск викингов достиг великой евразийской равнины.)

Два полка стратегических сил ежегодно, замена моноблоков на мирвированные боеголовки наряду с пополнением стратегического подводного флота ° — вот современный способ России сохранить свое стратегическое могущество. В послании президента В. В. Путина в 2003 году предусмотрено значительное увеличение военного бюджета. На рубеже 1980–1990-х годов мы «зарыли свои томагавки», но не зарыла свои «Томагавки» западная сторона, что так очевидно продемонстрировано между ноябрем 2001-го и апрелем 2003-го на Среднем Востоке. При оснащении российских МБР кассетными боеголовками никакая система ПРО еще несколько десятилетий *гарантированно* не обесценит труда создателей оборонительной системы страны 1940–1980-х годов. В пределах своих границ мы вправе реформировать свой мир без оглядки. Еще несколько десятилетий.

V. СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СТРАНЫ И НАЛИЧИЕ БЛАГОПРИЯТНОЙ РОССИЙСКОЙ ДИАСПОРЫ

У России открытые двери ко всем основным мировым регионам:
— к Америке через Аляску;
— к Китаю через Амур;
— к западноевропейскому миру через Балтику, Заполярье и Черное море;
— к мусульманскому миру через Казахстан, Среднюю Азию и Каспий;
— к индийскому миру через Алтай и Гиндукуш.

Русские реки Нева, Вытегра, Вычегда, Клязьма, Волга и Днепр, озера Ладога, Ильмень, Белоозеро стали отрезками пути «из варяг в греки» ° — от скандинавских поселений до византийских городов во главе с Константинополем. Важное геостратегическое обстоятельство: этот путь впервые в мировой истории связал Северную и Северо-Западную Европу с Китаем, Индией, Персией, арабскими халифатами. Новые торговые пути возымели большую значимость.

Русские мигрировали на европейский северо-запад, то есть от Чернигова и Киева к Владимиру и Суздалю, а позднее к Вятке, Поморью и далее ° — через Уральский хребет и великие сибирские реки ° — к Тихому океану.

Потребуется мобилизация всех духовных и душевных сил страны, чтобы не противопоставить устремления справедливости объективным потребностям общенационального строительства.

История учит по аналогии, позволяя извлекать полезный опыт из сопоставления последствий сходных исторических ситуаций. Но в каждой отдельной стране, в нашей в данном случае, обязанностью каждого поколения является определение того, что может быть сопоставлено и какие обстоятельства позволяют проводить исторические параллели. За 500 лет деятельных контактов России с Западом проявили себя схемы межеввропейского сближения, идеи ухода на восток ° — в евразийство, принципы общеатлантического объединения. И, хотя накоплен грандиозный опыт, все три дороги открыты для России. Ее выбор будет зависеть от типа избранной ею модернизации, от степени активности интеллигенции, от позиции

внешнего мира, но прежде всего ° — от национального самосознания, которое обязано сделать вывод из 500-летнего опыта.

Вековой слабостью России является то, что в ней так и не сложилось общенационального ощущения исторического хода развития своей страны, смысла этого развития. Философ Ф. Степун пишет с горечью: «Русское простонародье, также и радикально-интеллигентское правосознание, не было на высоте тех национально-державных задач, которые были возложены на него Богом и судьбою. Русский человек видел только ближайшее; политическое мышление его было узко и мелко; он думал, что личный и классовый интерес составляет главное в жизни; он не разумел своей величавой истории; он не был приучен к государственному самоуправлению; он был нетверд в вопросах веры и чести... И прежде всего он не чувствовал своим инстинктом национального самосохранения, что *Россия есть единый живой организм*. И с этого нам надо теперь начинать. Это нам надо уяснить себе и укрепить в наших детях».^[14]

VI. ПЛАН

Все, что было в России позитивного в сфере индустриальной мобилизации, в сфере нашего экономического развития, все было сделано *из кабинетов*. Я говорю это как историк. России везло на министров финансов ° — от петровского канцлера Шафирова до хрущевского Зверева. Блестящая плеяда ° — Бунге, Ройтерн, Вышнеградский, Витте, Коковцов, Берг ° — для всех них проблема модернизации России была главной и животрепещущей. Теперь мне хотелось бы посмотреть на нас чужими глазами. Самым престижным из еженедельников в США является английский «Экономист», который самые серьезные американцы воспринимают как энциклопедию, как последнее слово. Недавно «Экономист», рассуждая об однополярности руководимого Соединенными Штатами мира, сделал весьма примечательную оговорку: «Стоит только в России прийти к власти трезвым и разумным людям, как в мире появится второй полюс». Так думают не только в Лондоне. Если маленький Бирмингем смог начать первую мировую индустриальную революцию, то почему печалиться о

судьбе огромной, трудолюбивой и талантливой России? Но как найти верный путь? Не на неласковой же приполянной нефтяной корове?

Если кому-то не нравится стоявший чуть левее центра американский президент-демократ, то обратимся к стоящему правее политического центра итальянскому премьер-министру Берлускони. Как собирается выходить из кризиса *праволиберальное* правительство Берлускони в Италии? Созданием в рамках государственного планирования 125 крупных индустриальных проектов, наибольшую известность среди которых приобрели создание моста на Сицилию (5 млрд. долл.) и спасение автомобильного концерна «Фиат». Может, вожди глобализации и свободы рынка среди англосаксов видят иные экономические лекарства для России? Вовсе нет.

Президент США Билл Клинтон немало интересовался Россией, о чем говорят хотя бы его 27 встреч с российскими президентами. Относительно развития России у него было абсолютно четкое мнение (зафиксированное в мемуарах его большого друга Строуба Талбота). Как свидетельствует, скажем, Строуб Талбот, даже президент Клинтон, повинувшись здоровому чувству реализма, вскричал: «В чем Россия нуждается, так это в проектах огромных общественных работ... Они находятся в депрессии, и Ельцин должен стать их Франклином Рузвельтом». Заметим, что это говорит ультрарыночник, самый большой на государственном уровне поэт глобализации, который ни одной речи не произнес без гимна глобализационным процессам. В дальнейшем на роль инициатора российского «Нового курса» Запад прочил Е. М. Примакова, а затем — В. В. Путина.

Недавно автору этих строк пришлось встречаться с наиболее известным американским историком ° — А. Шлесинджером-мл. (некогда советником двух президентов США). Речь шла о том, чтобы четверо российских специалистов по Франклину Рузвельту встретились с равным числом американских специалистов по «Новому курсу» Рузвельта и постарались выработать программу выхода России из кризиса посредством повторения кризисного *государственного* планирования на манер известных инициатив ФДР в 1930-е годы. По собственной воле и будучи в здравой памяти никто из них не уведет самого мощного исправителя популярных и губительных идиосинкразии ° — *государство* ° — из критической сферы национального выживания.

Кто создал теперь уже многочисленные имитации Кремниевой долины от Франции до Южной Кореи и Малайзии? Государственные органы планирования. А разве в России было иначе в годы выхода из кризисов — в годы реформирования императора Александра Второго, подъема 1885–1914 годов, индустриализации XX века? И только в последние 12 лет невежды обнаружили, что роль государства *слишком* велика. Этого не может быть в природе. Не может быть *излишней* разумной планирующей человеческой силы, мобилизации на решение *проблем* вместо отпуска в дикий российский разгул и разор, от чего могут ликовать лишь анархисты и противники извлечения опыта из национальной и зарубежной истории. Поставим вопрос так: кто низвел на нет туберкулез полвека назад и кто его возвратил за последнее десятилетие? Отвечаем: эпидемии победила разумная сила государства; ослабление оно, дикая вера в «питательный бульон» анархии возвратили в Россию страшные призраки национального вымирания (1 млн. ежегодно).

В «позолоченный век», который гениально заклеил Марк Твен, явился Теодор Рузвельт с «Честным курсом» и набросил узду государства на частный капитал. Вслед за ним президент Вудро Вильсон создал финансовые рычаги в виде Федеральной резервной системы; и, как апофеоз, пришел ФДР и отверг ожидание, «когда сама заработает капиталистическая экономика». Когда же к России вернется здравый смысл, ясный Витте и Столыпину?

Если плановая экономика порождает застой, то кто создал лучший в мире танк и автомат, кто первым вышел в космос, создал судно на воздушной подушке, первый пассажирский реактивный лайнер, первую в мире атомную электростанцию? Мобилизовавшее общество государство. И нет другой силы (если уж даже Клинтон призывал найти российского Рузвельта и массовые общественные работы под эгидой государства). Без общегосударственного плана России (в условиях массовой безработицы, дисквалификации, краха национальной промышленности, эрзац-образования частных учебных заведений) из кризиса не выйти. Пора отказаться от иллюзий и в Охотном ряду, и в Кремле.

VII. МУЛЬТИЭТНИЧНОСТЬ

Россия продолжает оставаться тем, чем она была тысячу лет, ° — страной, не склонной к национальному чванству (скорее, к национальному самоунижению), страной, где с охотой женятся и выходят замуж за иностранцев, где иностранцам предоставлено лучшее.

Резонно напомнить, что русская история не дает примеров *этноориентированной*, некоей русской правящей элиты. Россией всегда управляли гетерогенные, весьма разнообразные силы. Обе великие династии ° — и Рюриковичи, и Романовы были в меньшей степени славянскими, чем неславянскими (скандинавский элемент в первом случае и германский во втором). В дальнейшем традиция сохранилась, о чем говорит кровное родство советских вождей России ° — Ленина, Сталина, Маленкова—Берии—Хрущева, Брежнева, Андропова. Окружение царя Николая Первого было в той же степени пестрым этнически, как и состав Политбюро Ленина. Мультиэтнический правящий класс не допускал националистической истерии и среди управляемых. И в настоящую эпоху представители собственно русского национализма находятся в России на политической обочине, они не имеют национально значимых политических партий, организаций, национально значимых средств массовой коммуникации, государственных деятелей общенационального значения.

VIII. СОЮЗНИКИ

Право *вето* в Совете Безопасности ООН дает России критическое по важности прежде, а ныне девальвированное влияние в наиболее значительной международной организации, способность противостоять Америке на уровне глобальной организованности. Никакая легитимность в проведении силовых мероприятий глобального масштаба невозможна без участия и согласия Москвы. Попытка заменить ООН Североатлантическим союзом способна ускорить конфронтацию по линии Запад ° — остальной мир.

Союзническая стратегия Америки, ее попытки (эффективность этих попыток) осуществить союзническое строительство будут в немалой степени зависеть от предрасположенности и согласия России.

Особенно это касается Западной Европы, которая так или иначе готова вывести Европейский союз на глобальный уровень могущества. Если Вашингтон не сможет вести достаточно умелую дипломатическую игру с Москвой, это геополитическое строительство может принять крайне нежелательное для Америки направление.

Обратим внимание на то, что Рим превратил всю захваченную ойкумену в одно государство. В их руках был *orbis terrarum*, вся известная цивилизованная земля ° — но не весь мир. Соединенные Штаты посягают на главенство над всей планетой. Для тотального контроля у них нет ни необходимых сил, ни надежных преданных союзников. Рим в свое время мог положиться на свои союзные территории. Но современная Франция ° — это не Галлия давних времен. Японию не сравнить с верным Родосом.

Россия не одинока в этом своем мироощущении. В маргинализации абсолютного большинства мирового населения заключается главный парадокс современного мира: обладающие оригинальными культурными чертами большие и малые государства теряют свою специфичность. Если попытаться проанализировать состояние гордых прежних участников мировой истории, то нетрудно убедиться в общности главного аспекта их мучительного развития: Россия, Китай и Индия чрезвычайно отличаются друг от друга, но эти различия в потоке исторического развития гасит общая черта ° — стремление сократить дистанцию, отделяющую их от *Запада*. В этом смысле они (как и большинство других стран Евразии, Латинской Америки, Африки) абсолютно «неспецифичны», а единообразны ° — потому что подчинены (как безусловной исторической необходимости) решению двух задач: сохранить внутреннее своеобразие (в противном случае ломка структур породит революционные катаклизмы) и сократить разрыв между собой и Западом, поскольку только это может превратить их из объектов мировой истории в ее реальных субъектов. Языки, религии, установления могут быть различными, но направленность усилий одна ° — 170 стран Земли прилагают отчаянные усилия, чтобы войти в круг 30 стран Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), в круг презируемого, составляющего предмет восхищения и зависти, раболепия и ненависти Запада.

Мы, имея всего лишь 2,4 тыс. долларов на душу населения в год, практически не имеем шансов войти в «золотой миллиард», пропускной билет в который по меньшей мере в 5–6 раз выше. Но мы — на вершине пятимиллиардного блока мирового большинства, которое через 100 лет своим демографическим бумом превратит Запад в невидимые 3–4% мирового населения.

Процесс выбора происходит в объяснимой сумятице, всегда сопровождающей смену социального строя и политического порядка. Грань между желаемым и возможным размыта сильнее, чем когда бы то ни было. Куда идти? Если существует для такой ситуации компас, то его роль играет анализ исторического прошлого. История не может учить буквально, и не следует ждать от нее готовых рецептов. Но она представляет собой единственный контекст, входя в который мы обретаем понимание того, что наше поколение в своих проблемах не одиноко. И главное, изучая его, мы можем определить объективные возможности развития, исходя из нашей специфики и неимитируемого социально-психологического кода нации. Нет абсолютной гарантии того, что история укажет правильный путь, но пренебрежение ею обрекает нас на повторение ошибок. Наши предки продемонстрировали Богом данный талант восприятия, понимания и творчества. На долгой и тяжелой тысячелетней исторической дороге они показали миру неослабевающий стоицизм, терпение, непоколебимую способность преодолевать трудности при самых неблагоприятных обстоятельствах.

Если Франция в 1892–1914 годах инвестировала в российские стратегические дороги, то трудно ли представить себе, что новая Россия взамен вооружения Северного альянса осенью 2001 года (против «Талибана») потребует-попросит создания магистрали Москва°— Ош (американские капиталы, азиатские рабочие)? А можно ли себе представить, что Запад игнорирует стратегическую значимость России в потенциальном противостоянии с Китаем?

А маршрут Западная Европа°— Восточная Азия, где затронуты коренные интересы развитого мира и России? Если Запад желает ослабить зависимость от Персидского залива, то почему бы его не заинтересовать транспортными магистралями, нефте- и газопроводами Тюмень°— Рур? Царские министры умели мыслить стратегически, а как с их потомками?

IX. ВЫВОДЫ

Наш самый главный ресурс ° — это невероятно оскорбленное национальное чувство, готовность претерпеть и создать нечто общественно значимое. То есть быть мобилизованным. Люди этого *хотят*. С идейно противоположной стороны нам говорят: «Вы что, хотите, чтобы опять по гудку к 7 часам утра, в стужу и темень наш современник, наш индустриальный рабочий бежал сломя голову на завод?.. Он же нас будет ненавидеть за очередную мобилизацию». Мне кажется, что в таких аргументах сказывается *непонимание* нашего соотечественника-современника. Он нас будет ненавидеть не за раннюю побудку, а за то, что добытые кровью медали его отца стали латунными побрякушками, за поруганное достоинство, за поблекшую в несправедливости жизнь.

Желание этого человека жить в *осмысленном* мире, это прекрасное патриотическое чувство и является главным ресурсом современной России. Мы должны сейчас *для себя* решить, нужно ли обращаться к этому патриотическому чувству. Это можно сделать лишь раз в поколение, легче всего это сделать президенту, если он разделяет боль страны, отодвигаемой историей и жесткими обстоятельствами на непривычную обочину истории.

Никогда не следует *исключать* неожиданно быстрого восстановления сил России. После фактического поражения в Первой мировой войне и после страшных опустошений Второй мировой войны Россия восстала подлинно как птица феникс. При определенном идейном повороте и трансформации правящих сил жертвенная черта национального характера может проявить себя с удивительной силой. Слабость может уступить место решимости, а что касается мобилизационного развития, то исторически в нем равных России нет.

Происходящие одновременно расширение НАТО и увеличение числа членов Европейского союза во всей остроте ставят вопрос о подлинном месте в Европе России. Где это место? Печальным фактом является стремление влиятельных западных сил (и проявивших себя восточноевропейских ненавистников России) оттеснить гигантскую страну подальше от мировых центров, поглубже к вечной мерзлоте северо-восточной Евразии. Сошлемся на мнение авторитетного и уравновешенного англичанина Дж. Хэзлема: «Простым фактом

является вытеснение России на задворки Европы, чего не может скрыть никакая казуистика».^[15]

На фоне глобального демографического взрыва Россия может возглавить теряющий свои позиции Юг, противостоящий «золотому миллиарду» благополучных стран индустриального Севера; заменить противостояние Восток ° — Запад не менее ожесточенным противодействием Север ° — Юг, воспользоваться ожесточением маргинализированных историей стран. Яркое проявившая себя к началу XXI века этническая ненависть проявляется на фоне постоянного увеличения значимости природных ресурсов, обладание которыми становится оружием обездоленных.

Но любое ощущающее изоляцию государство стремится найти выход. Великие державы не следует загонять в угол. В России после навязанного американцами в мае 2002 года слома прежней системы стратегической стабильности происходит *совершенствование и распространение оружия массового поражения*. Каждый год добавляются два полка стратегических мобильных ракет. Хотя «холодная война» считается оконченной и обычные вооружения России резко ослаблены, «Россия все же обладает, ° — напоминает глава библиотеки конгресса США Дж. Биллингтон, ° — способностью нанести удар по центрам населения и инфраструктуре Северной Америки; не подчиняющиеся международным законам государства могут получить часть ее арсенала».^[16]

Самая большая страна мира, населенная самым жертвенным народом, гордая победительница в величайшей из войн, вооруженная с 1949 года ядерным оружием, гарантирующим ее неприкосновенность, показавшая совсем недавно способности своей науки и индустрии в освоении космоса, в ядерной физике, в авиации и металлургии, способна преодолеть смутное время ° — плод ее растерявшейся элиты, не сумевшей совладать с деструктивным ураганом 1990-х годов, ° — Россия почти исчезала в 1237-м, в 1572-м, в 1612-м, в 1812-м, в 1918-м, в 1941–1942 годах и все же находила в себе силы подняться.

У бедных только одно оружие против безразличия богатых ° — они объединяются. В нашем столетии, возможно, самым убедительным случаем такого объединения был период военного поражения и практического распада России в 1917 году, когда большевики провозгласили Россию родиной всех униженных и оскорбленных,

создавая угрозу Западу, которая в конечном счете° — в своем ядерном варианте° — переросла все мыслимые прежние угрозы. Повторение социал-дарвинистского подхода, предоставляющего России собственной участи, сегодня возможно только при исторической амнезии Соединенных Штатов. Погребенная под собственными проблемами, основная масса которых° — плод незрелой модернизации, Россия опустится в окружение третьего мира с одним известным багажом° — своей сверхвооруженностью.

Не следует терять того самоуважения, о котором с таким чувством писал перед изгнанием один из ее бесчисленных отвергнутых сыновей, вспоминая лицо своей родины. Лицо России «в золотых колосьях ее нив, в печальной глубине ее лесов. Оно в звуках Глинки и Римского-Корсакова, в поэмах Пушкина, в эпопеях Толстого. В сияющей новгородской иконе, в синих угличских церквях. В «Слове о полку Игореве» и в «Житии протопопа Аввакума». Оно в природной языческой мудрости славянской песни, сказки и обряда. В пышном блеске Киева, в буйных подвигах дружинных витязей, «боронивших Русь от поганых». В труде и поте великоросса, поднимавшего лесную целину и вынесшего на своих плечах «тягло государево». В воле Великого Новгорода и художественном подвиге его. В одиноком трудовом послушании и «умной» молитве отшельника-пахаря, пролагавшего в глухой чаще пути для христианской цивилизации. В дикой воле казачества, раздвинувшего межи для крестьянской сохи до Тихого океана. В гении Петра и нечеловеческом труде его, со всей семьей орлов XVIII века, создавших из царства Московского державу Российскую. В молчаливом и смиренном героизме русского солдата-мученика, убелившего своими костями Европу и Азию ради прихоти своих владык, но и ради целостности и силы родной земли. Оно в бесчисленных мучениках, павших за свободу».^[17]

Решая главные задачи экономической модернизации и морального самосохранения, страна должна опереться на опыт предков, благодаря жертвенности которых у нас есть драгоценная свобода выбора.

Нам нужно найти то, что будоражит и возбуждает общественное восприятие и общественное воображение. Нам нужны мосты° — и на Сахалин, и к Керчи. Без мобилизации° — а это предполагает *ясную и правдивую* оценку приключившейся с нами трагедии° — нас не поймет омский рабочий, да мы и сами себя не поймем. Это единственное, на

что способно наше население. Мы не западные люди-кирпичики. Никакие частные монополии, никакой товарный бульон нас не спасет. Мы, теряя на глазах наш прежний евразийский огромный тыл, стоим у роковой черты. Ослабевает образованность населения, мы все меньше читаем. Мы теряем нашу великую науку и нашу прежнюю потрясающую культуру. От нас уже ничего не ждут, кроме газа и нефти. Будем ли мы на нашем «Титанике», в нашей созданной великими трудами и муками талантливых предков прекрасной и жертвенной стране ждать, пока волны исторического прибоя не плеснут в наши иллюминаторы?

Александр Горянин

САМАЯ БОЛЬШАЯ УГРОЗА

Нас все время отвлекают от главной угрозы. Уверяют, что страна вот-вот развалится, пугают приближением НАТО, русским фашизмом, китайской экспансией, новым дефолтом и прочими химерами. То ли искренне, то ли с целью отвлечь внимание. На закате советской власти точно так же никто не разглядел тогдашнюю главную угрозу. И хорошо, что так. Но упаси бог проморгать теперь.

МЫ ПРОСНУЛИСЬ — ЗДРАСЬТЕ: НЕТ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Мы не извлекли урока из феномена быстрого обрушения советской системы. Она рухнула не по экономическим, внешнеполитическим или конспирологическим причинам, как до сих пор иногда уверяют, а потому что стала непереносимым раздражителем для большинства активного населения СССР, и в решающий миг у нее почти не оказалось защитников. Она проморгала мощные подспудные процессы отторжения общества от власти. Недалекая, она была уверена, что ей ничуть не страшны интеллигентские разговоры на кухнях. Она не учла, что доля людей умственного труда (считая с семьями) достигла в СССР трети населения. Что разъедающий скепсис имеет свойство очень быстро проникать во все социальные и образовательные группы. Что национализм никуда не делся ° — более того, плотная крышка идеологии не дает ему улетучиваться естественным образом. И так далее.

К середине 80-х стало признаком умственной ограниченности отзываться без насмешки обо всем советском, даже о том положительном, что, без сомнения, имелось в СССР, в науке, производстве, социальной сфере, образовании: уж слишком тесно все это переплеталось с советскими несуразностями и фальшью. Народ никогда особенно не верил официозу, а к 80-м годам неверие стало тотальным. Даже вполне правдивые утверждения советской

пропаганды воспринимались как обычное вранье. Члены КПСС с удовольствием рассказывали «антисоветские» анекдоты, слушали зарубежное радио и беззаветно верили ему. На подобные настроения сложилась мода, а мода ° — это сила, противостоять которой почти невозможно.

На поверхность жизни фрондерские настроения почти не выплескивались, их продолжала сковывать инерция страха. 1 мая и 7 ноября «советские люди» участвовали в «демонстрации трудящихся». Обменявшись в курилке анекдотами про Брежнева, шли на партсобрание. В условиях цензуры латентные оппозиционеры не догадывались, что фактически стали большинством. Упиваясь своей принадлежностью к тонкому слою прозорливцев, они были уверены, что общество остается косным и коммунистическим, а значит, высовываться бессмысленно, лбом стену не прошибешь.

Устранение Горбачевым цензуры равнялось устранению фактора страха. Люди испытали незнакомое чувство: вот я сейчас во всеуслышание выскажу наболевшее, и никто меня за это не покарает. Получившие же свободу СМИ быстро помогли обществу осознать степень его единодушия в желании избавиться от всего советского.

Горбачев не учел, что советская пропагандистская машина никогда не работала в дискуссионном демократическом режиме. Свобода слова мигом выявила ее дряблость и нетренированность. Советский агитпроп, бессильный оспорить самые простые доводы, лишь обреченно и неуклюже отмахивался. Режиму, не способному защитить себя даже на вербальном уровне, рассчитывать не на что. Коммунистическая власть уже ничего не смогла противопоставить полумиллионным демократическим демонстрациям в Москве и многотысячным ° — в провинции. Дело доделали первые же свободные выборы на фоне пустеющих прилавков. СССР утратил легитимность в глазах собственного населения и как следствие рассыпался при почти полной его безучастности. Этот совершенно поразительный урок, похоже, остался неусвоенным.

КАК В ДУРНОЙ ПАРОДИИ

Ликвидация советской системы не повлекла за собой запрета ее идеологии, и вот уже скоро 14 лет коммунистическая пропаганда капля за каплей, исподволь долбит в темь обществу, не встречая отпора. Никто, кроме коммунистов, не занимается в современной России пропагандой в истинном смысле слова. Демократические СМИ коммунистические байки в лучшем случае игнорируют, но порой и подхватывают° — на всякий случай. Пожилые профессора, в прошлом преподававшие марксизм-ленинизм, стали обществоведами либо политологами и после краткого испуга вновь отравляют мозги молодежи.

Сегодня может показаться, что пропаганда коммунистов и других врагов «режима» уходит в песок, что их социальная и электоральная база не имеет шанса на расширение. Но даже самые дурацкие утверждения и словосочетания, повторяемые годами, имеют свойство въедаться в душу и память, как въелись «две большие разницы», «остров Свободы», «лицо кавказской национальности». Надо ли удивляться, когда внешне разумные люди начинают повторять, что в 1991 году произошла национальная катастрофа, что они (не имевшие ничего, а ставшие собственниками квартир, дач, земельных участков!) ограблены, что жизнь стала невыносимой, а все происходящее в стране° — чудовищно и аморально? Ведь именно это звучит в эфире, об этом говорят газеты.

Мало того, сегодня шофер такси убежденно расскажет седоку, как Тэтчер наняла Путина сократить население России до 15 миллионов. В воронежской глубинке молодая учительница поделится с вами секретом, что Чубайс продал все российские черноземы на метр в глубину на вывоз китайцам° — правда, это будет через 5 лет, пока готовят технику. В стране, где подобный вздор не отмечается со смехом еще до окончания фразы, что-то неладно с верой в свое государство.

Социологи говорят, что около половины населения не сомневается в существовании планов как минимум расчленения России и в причастности к этим планам высшего российского руководства. Люди долгие годы боялись верить своим ушам, но качественный скачок рано или поздно должен был произойти. В глубине души народ все еще надеется услышать авторитетные опровержения, но вместо этого его

потчуют рекламой прокладок и голливудскими боевиками, где очередной Джеймс Бонд мочит русских.

Явлинский уверяет, что 97% населения России живет в нищете°— и никто не скажет ему: «Что за окоlesiцу вы несете, дорогой товарищ?» Оспаривать обнищание России считается неpolitкорректным.

Зюганов не первый год твердит про 4 миллиона беспризорных. Цифра просто нелепа: повторяющиеся замеры по Москве, где их больше всего, выявляют по городу единовременно не более 800 беспризорных, в основном из СНГ°— значит, по стране их несколько тысяч. Ужасно, но все-таки не миллионы.

Кто-то где-то вбросил слух, будто массовый опрос в школах показал, что девочки мечтают стать валютными проститутками, а мальчики°— бандитами. Поиски материалов или хотя бы следов этого опроса ни к чему не привели, однако на эту выдумку уже который год торжествующе ссылаются обличители новой России, в нее уверовало огромное количество людей.

Большинство аудитории привычно не ставит подобные басни под сомнение. Люди убеждают себя: «Это **официально** напечатано в газете, это **официально** вынуждены были признать по телевидению».

Самый расхожий телевизионный образ россиян°— он уже стал стандартным и во внешнем мире°— нищие пенсионеры, жалующиеся на протекающую крышу. ТВ после сюжета о туберкулезе в российских тюрьмах нам покажет праздник цветов°— но в Риме. Даже самые ненаблюдательные зрители заметили, что уже много лет подряд про дивный Приморский край, прекрасный Владивосток принципиально сообщается только плохое. Мало хорошего, впрочем, услышишь и про другие регионы, как и про Россию в целом. Для того же, чтобы не дать нам опомниться, нас уверяют, будто СМИ°— всего лишь зеркало.

СМИ запугивают аудиторию обещаниями катастроф, нагнетая страх перед будущим. За последние 14 лет миллионы супружеских пар в России не родили еще одного ребенка не потому, что не могли себе это позволить или не хотели.

А потому, что все эти годы на них обрушивались бабьи истерики о грядущем голоде, экономическом коллапсе, коммунистическом реванше, неминуемом социальном взрыве, захвате власти

криминалитетом, распаде страны, новом противостоянии с Западом, новых Чернобылях, отъеме Сибири (то ли китайцами, то ли опять же Западом), нашествии баркашовцев ° — всего не упомнишь. Ни уверенности, ни достоинства, ни хладнокровия. За этот грех нашим СМИ не отмыться никогда.

Но и сегодня кто-то поддерживает и направляет весь тот «злостный стеб», который катится по стране, включая страницы школьных учебников и высшие политические и научные трибуны, с которых нас убеждают в гибели государства» (В. А. Тишков, академик РАН). Пренебрежительные и уничижительные оценки России давно стали общим местом в печати и эфире. Аудитория, особенно простая, почти перестала это замечать ° — привыкла, как привыкают к вони.

И самое главное: в интеллигентской среде становится дурным тоном находить в современном российском государстве что-то положительное. Тот, кто с этим не согласен, рискует услышать, что он либо дурак, либо провокатор. Таковы правила нового идейного конформизма нашей интеллигенции. Алгоритм подспудного разложения СССР начал, как в дурной пародии, воспроизводиться в демократической России, но теперь его не сдерживает то, что сдерживало в СССР: страх и цензура. Подспудным процессам присуще коварное свойство ° — они кажутся несущественными вплоть до момента, когда совладать с ними уже невозможно.

А МЕЖДУ ТЕМ. ЛИЦО НОВОЙ РОССИИ

Что общего между серединой 80-х и нашими днями? Пустые магазины тогда ° — и изобилие сегодня. Пыхтящие драндулеты ° — и пробки из иномарок. Зерно, покупаемое в Канаде, ° — и зерно, продаваемое в Канаду. Люди, досиживающие за «самиздат», ° — и разливанное море свободы. Граница на замке для своих ° — и 20 миллионов выезжающих только в дальнее зарубежье ежегодно.

В мире сегодня приняты несколько простых, но надежных показателей определения благосостояния страны. Один из них ° — количество пользователей сотовой связью. Так вот, этот показатель говорит, что Россия ° — благополучная страна. Особенно впечатляют темпы. Сегодня мобильными телефонами пользуются уже свыше

половины жителей страны — 79 миллионов человек, а к концу 2005 года число абонентов составит от 93 до 100 миллионов (65–70% населения России). И ведь процесс на этом не закончится.

Другой показатель — автомобилизация. Сегодня в России на 1 тысячу жителей (это 312 семей) приходится 170 легковых автомобилей — втрое больше, чем было в РСФСР в 1990 году. По этому показателю мы опережаем наших соседей — Украину, Белоруссию, Литву, Латвию и пока идем голова в голову с Польшей. Японию мы догоним не так скоро, поскольку отстаем от нее ровно в два раза, но, как говорится, еще не вечер. Зато мы бесконечно далеко впереди Китая, которым нам часто тыкают в нос.

От статистики совершенно ускользает бум частного жилого строительства. За последние годы в стране появились миллионы (!) неучтенных объектов недвижимости. В них давно живут, но они считаются незавершенными. Соответственно не платят налог и уходят от учета БТИ. Еще в 2001 году Министерство по налогам и сборам выявило свыше 20 миллионов незарегистрированных новых объектов недвижимости, причем тогдашний замминистра по налогам и сборам Дмитрий Черник пояснял: «20 миллионов неучтенных строений — только капля в море. Ведь мы проводили лишь выборочные проверки». Хороша капля! Каково же море?

Масштабы «моря» высвечивает такая подробность: Россия, будучи седьмой или даже восьмой страной в мире по численности населения, занимает второе место по производству строительного кирпича. А ведь в стране заведомо производят немало неучтенного кирпича и какое-то количество ввозится из-за границы.

В России пятый год наблюдается рост рождаемости. Этот рост составил 18% между 1999-м и 2002 годами. Следующий год дал прибавку еще на 6,1%. По 2004 году точной цифры пока нет, но уже известно, что она опять составит порядка 6%. Конечно, этот прирост недостаточен для восполнения убыли населения, но еще 5–6 лет такого прироста — и он сравняется с убылью, что будет огромным достижением.

Когда-нибудь будет по справедливости оценена роль в жизни российского общества тех 40 миллионов земельных участков в собственности граждан, большая часть которых получена и обустроена в последние 10–15 лет. Нет сомнений, что рост рождаемости

последних лет отчасти объясняется появлением большого количества частных домов: обзаведясь домом, люди хотят обзавестись наследниками. Думаю, рецепт преодоления демографического кризиса лежит именно на этом направлении.

Сегодня, даже согласно официальной статистике (учитывающей только то, что учтено БТИ), на одного российского жителя приходится 20 кв. м жилой площади. Совсем неплохое увеличение — на 25% — против 16 кв. м в 1990 году!

Стремительно растут объемы банковских кредитов. Хотя нас по инерции продолжают уверять, что реальный сектор гибнет без бюджетной кормушки, на деле за последние 3 года объем банковских кредитов реальному сектору увеличился в России почти в 4 раза, достигнув в 2004 году цифры, близкой к годовому бюджету России.

Объем депозитов и вкладов физических лиц увеличился к концу 2004 года по сравнению с январем 1999 года более чем в 7 раз, причем за истекший год — в полтора раза. На сегодняшний день эти вклады и депозиты близки к 2 триллионам рублей.

А вот совсем другая цифра, она отражает не экономику, а растущее правосознание и демократизацию нашего общества: сегодня 80% дел, рассматриваемых Конституционным судом, возбуждают рядовые граждане сплошь и рядом против государства. И довольно часто выигрывают.

В современной России студентов в 2 с лишним раза больше, чем их было в РСФСР в 1987 году (соответственно 416 и 200 на 10 тысяч человек населения).

Думаете, эти положительные факты как-то отражаются на массовом сознании? Ничуть. Во-первых, их никто не рекламирует, соответствующие цифры надо долго выуживать из океана информации, а во-вторых, «позитивные новости просто отвергаются населением, включается своеобразный фильтр» (поделиться в «Новых известиях» от 22 февраля гендиректор ВЦИОМ Валерий Федоров).

РОКОВЫЕ СОБЫТИЯ СЛУЧАЮТСЯ В НЕЛОГИЧНОЕ ВРЕМЯ

Социальные потрясения и революции случаются почему-то не в самое тяжкое время, а позже, когда жизнь становится легче, — вся

мировая история подтверждает, что общество реагирует с «лагом» в несколько лет. Не подошли ли мы к опасному порогу?

Роковые события всегда начинаются как бы на ровном месте. В феврале 1917-го все знали, что до победы над немцами рукой подать, политическая жизнь дремала. Но вдруг большие снегопады на несколько дней почти прервали подвоз продовольствия в Петроград. Это вызвало паузу (совсем маленькую) в снабжении хлебом° — может быть, искусственную. Сразу же прошли «голодные бунты» совсем не голодных людей и нападения хорошо управляемой толпы на винные склады. После чего выяснилось, что запасные полки в петербургских казармах развращены теплым тылом и готовы поддержать переворот, лишь бы избежать отправки на фронт. Вдобавок защита государства легла на людей антисистемы, всегда ставивших его под сомнение. И тысячелетнее государство пало.

Сегодня в России растут две вещи: уровень жизни и общественное недовольство, но гадать, кто кого обгонит, бессмысленно° — у них нет общей единицы измерения. 15 и 10 лет назад, несмотря на все тяготы, миллионы людей говорили себе: «Ничего, потерпим, зато выйдем из тупика». Сегодня миллионы говорят себе (и другим): «Терпеть больше нет сил!» Самовнушение это или нет, неважно. Представления о реальности и есть реальность.

Возможно, поверить в угрозу мешает высокий (хотя и снижающийся) уровень доверия к В. В. Путину. Однако оно не распространяется на прочие государственные институты. К российским властям всех уровней, наоборот, растет недоверие. Доверие к Путину каким-то образом уживается с теорией «непрерывного ухудшения». В нее верят и миллионы тех, кто явно повысил свой жизненный уровень. Постоянно слышишь: «У меня лично дела неплохи. Но что делается в стране!» В стране° — это значит на экране, а экран может вас в течение 5 минут (это очень долго!) вгонять в депрессию репортажем о неотопливаемом приюте для умственно отсталых стариков в Туве. **В стране происходит только то, о чем сообщает ТВ, а о чем не сообщает, того в стране нет.**

В телевизионных репортажах почти никогда не увидишь хорошо одетых людей. Говорят, показывать их операторы избегают сознательно. Отчасти потому, что приторговывают отснятым ° —

продают сюжеты западным телекомпаниям (и хорошо знают, что те купят, а что нет), а отчасти по привычке.

Рейтинги еще вчера обожаемых политиков обрушиваются в считанные месяцы и даже недели. Так было с Горбачевым, Ельциным, Валенсой в Польше, Фухимори в Перу. Возможность быстрого снижения рейтинга Путина не кажется невозможной. Массы склонны разочаровываться резко, без полутонов. Удача, когда это разочарование не охватывает силовые структуры. Но кто за это поручится в сегодняшней России? Люди в этих структурах ° — аудитория тех же СМИ, в их семьях ведутся те же разговоры, они, как и все прочие бюджетники, недовольны оплатой своего труда.

Социальный слой, представляющий в сегодняшней России наибольшую опасность для власти, ° — молодые люди от 17 до 30 лет, не видящие (справедливо или нет) для себя перспектив в жизни. Их аномально много в Москве, куда они стянулись в поисках удачи. По всей стране им не удастся найти работу, которую они готовы выполнять, ° — их устроит не всякая работа ° — или были бы готовы, но за другие деньги. Их претензии законны: часть из них не может создать семью, потому что цены на жилье с точки зрения их возможностей не просто запредельны, они оскорбительны. Им должен быть предложен выход.

Молодежное ожесточение порой очень ощутимо. Болельщики, готовые в любой момент учинить погром, скинхеды, нацболы с их большевистскими лозунгами ° — это все сублимация молодежного недовольства. В студенческой среде входит в моду «антикапитализм» ° — хоть и детского уровня, но крайне задиристый. В моде ГУЛАГ, Ленин, Троцкий, Сталин, Берия, большевики. В рядах коммунистических демонстрантов замелькали молодые лица.

Не стоит забывать: студенты ° — могучая сила; с детскими доводами спорить труднее, чем со взрослыми; от моды нет противоядий; толпа ° — это дефолт демократии; в негодующую толпу обязательно вливаются гастарбайтеры (пример: китайцы в Петрограде 1917 года) и люмпены; если в центре Москвы соберется всего 1% ее населения, это будет 100 тысяч человек.

Там же, где 5% населения считает, что терять ему нечего, может произойти абсолютно все. Вплоть до крушения государства. Это очень серьезно, это вам не продвижение НАТО на восток.

МЫ ОБЯЗАНЫ УПРЕДИТЬ

Как отвлечь маячащую опасность? Только с помощью множества положительных программ. Но есть один абсолютный императив, без которого все программы окажутся тщетными: необходимо переломить общественное сознание. Российская нация должна поверить в себя, в свои силы, в свое государство. Массовая психология людей управляема — конечно, не грубыми, а деликатными средствами. Поднять дух нации — не такая уж невыполнимая задача, давно созданы соответствующие психологические технологии. Это проще, чем поднять экономику, а с подъемом духа растет и экономика.

Задачу не решить без участия СМИ, более того, роль СМИ — ключевая. Однако именно они будут оказывать наибольшее сопротивление. Это не значит, что журналисты безнадёжны. Наоборот, 8 или даже 9 из 10 среди них — нормальные люди, то есть патриоты и государственники. Но в душе. А как члены журналистских коллективов они ведут себя иначе. Большинство органов печати и эфира продолжают считать недопустимыми любые проявления патриотизма, а само слово «патриот» у них ругательство или повод для иронии.

Нас уверяют, будто власть взяла государственное телевидение под полный контроль. Более того, ряд российских СМИ с тревогой (!) оповещают страну и мир, что в России на государственном уровне «насаждаются (!) патриотические ценности» и патриотическая риторика, какой ужас! Видимо, это какая-то невидимая и неслышимая риторика. Где она? Или ее насаждают люди, не очень понимающие, о чем речь?

Что действительно насаждается, так это ностальгия по хорошему и славному СССР. Советские фильмы (неловкие и убогие, за редким исключением) умильно напоминают миллионам о времени, когда у них были целы зубы и волосы и они еще не знали, что такое верхнее и нижнее давление. Кто-то лазал по водосточной трубе в женское общежитие, а теперь не может вспомнить зачем. Виноваты же в выпавших зубах и одышке банда Ельцина и «Единая Россия».

Этой ностальгией густо приправляют и многочисленные ток-шоу. Патриоты уже не существующей страны козыряют неприязнью, а то и ненавистью к стране живой, всем своим видом и тоном подразумевая:

кто же с нами поспорит? Хладнокровные ведущие (некоторые с двумя паспортами) нисколько и не спорят. Уж не это ли все проводится по графе «патриотические ценности»?

Дожили: патриотизм уже пора будить там, где предполагается его источник, ° — в народной гуще. Он в ней ослаблен или искажен. Народ, принявший низкую самооценку самого себя, на какое-то время перестал быть народом-патриотом. Задача крайне осложнена тем, что демократы имели безумие допустить приватизацию патриотизма партией тов. Зюганова. Каша в головах, которая этим порождена, не поддается описанию. Но надо работать с тем, что есть.

К счастью, низкая самооценка не мешает нашему народу (большой сюрприз, выявленный социологами) быть стихийно либеральнее и демократичнее «элиты». Этот факт поперек горла экспертному сообществу, которое давно уверило всех, что большинство населения России составляют косные люди коммунистического толка. Хотя такое представление опровергают каждые выборы, наше экспертное сообщество по инерции верит вздору, в него с готовностью верят во внешнем мире.

Воспроизводится ситуация предперестроечного времени: человек, условно и упрощенно говоря, европейского цивилизационного выбора (образовательный уровень неважен) живет с ощущением, что он и его круг ° — одиночки, а большинство мечтает вернуться в колхоз и коммуналку, жаждет ходить по струнке, спит и видит «железную руку». ^[18] Он верит рассказам, будто выборы подтасовываются элитой, которая тащит страну в будущее вопреки сопротивлению темного народа.

Возобладавшие сегодня представления российского общества о себе ° — суть искусно сконструированные и злонамеренно навязанные негативные матрицы, парализующие мужество и волю. Но для многих эти матрицы и есть реальность, другой они не знают. Это идет с 90-х, когда десятки миллионов людей пережили **кризис образа жизни и каждый сам должен был найти объяснение произошедшему**. Ведь власть ° — и в этом была одна из главных ее ошибок ° — практически никогда ничего народу не объясняла. И продолжает не объяснять. Объяснения с самого начала были отданы на откуп СМИ, недружелюбным и (или) безграмотным.

ГРОЗОВОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Так откуда же это недружелюбие и даже враждебность? Где заговор, толкающий нас к потрясениям? К ним нас толкает не заговор, а консенсус антисистемы. Конспирологического механизма, собственно говоря, и не требуется.

Во все времена и в любой стране были, есть и будут люди, формально принадлежащие к культуре данной страны, но враждебные ей ° — кто осознанно, кто нет. Л. Н. Гумилев называл совокупность таких людей антисистемой. К ней издавна принадлежала часть российского дворянства. Эта антисистема проложила путь другой ° — большевизму. Новая антисистема, захватив в 1917 году власть, разрушила историческую Россию и затем, ради самосохранения (опять-таки, по Гумилеву), сменила знак.

Уже в наше время фоновая антисистема образца 80-х резко усилилась, получив пополнение в виде производителей чернухи из журналистов советского разлива. Неустанно выдавая ее на-гора, они реабилитируют (как им кажется) свое усердие коммунистических времен и мстят новой России за то, что эти времена ушли. Не менее сильно приросла антисистема также политтехнологами и госчиновниками.

Она везде и нигде, но распознать ее можно. Если для публичного политика патриотизм ° — это такое немножко странное поветрие или причуда, он принадлежит к антисистеме. Людям печати и эфира скрыть свою суть и вовсе немислимо: отчуждение от Отечества выдают оговорочки, словечки, придаточные предложения.

Стоит напомнить, что с американской антисистемой в начале 50-х успешно сразился сенатор Маккарти и победил ее, хотя слово «маккартизм» и стало бранным. Успехи США начиная с конца 50-х во многом объясняются этой победой. К данному опыту явно стоит присмотреться.

На беду, в течение 90-х антисистема сумела стать в России частью системы, и наоборот. Это привело к столь сложным конфигурациям и ситуационным перетеканиям, что понять, кто есть кто, издали трудно. Только дух постмодернизма мог сделать возможным такое слияние мира с антимиром без аннигиляции.

Антисистема действует вольготно, почти не встречая препятствий. Как ни ненавистны ей патриотические чувства, использовать она способна даже их, ведь ее цинизм безграничен. Атака на государство может быть начата под патриотическими знаменами, а чтобы инспирировать такую атаку, достаточно распускать слухи о «национальном предательстве». К примеру, слух, что втихую готовится передача Южных Курил Японии. Или что-нибудь подобное.

Цель, к которой стремится любая антисистема, ° — заменить ненавистную ей культуру какой-то другой. Эта труднопостижимая цель редуцируется до более простых: еще больше уронить дух нации, добавить безнадежности, расшатать государство, облегчить смену власти. Сегодня антисистема увидела свою главную надежду в создании коалиции лево-правых с нацболами в виде тарана и все увереннее делает ставку на этот проект. А также на протестный электорат, обойденную интеллигенцию, демшизу и люмпенов.

Еще не все участники формирующейся коалиции ощупали друг друга антеннами, хоботками и сяжками, еще толкутся по-броуновски, но дело может пойти быстро.

Новая Россия, слава богу, не полая внутри, каким был СССР на своем излете. Ее мобилизационный ресурс состоит из людей, которым есть что терять, и он огромен. Но как объединить их? Что, кроме лозунга «Руки прочь от России!», могут истинные патриоты противопоставить силам разрушения уже сегодня?

Михаил Юрьев

ОТНОШЕНИЕ К СТАЛИНУ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОНСЕНСУС

Когда коллеги по журналу попросили меня написать полемические ответы на статьи Елены Чудиновой и Андрея Езерского (я решил объединить эти ответы не потому, что авторы — супруги, а потому, что проблематика их статей и позиции авторов весьма сходны), я столкнулся с определенной трудностью, которую сформулировал бы так: не хочу я с ними полемизировать. Не в смысле, что это ниже моего достоинства, а, наоборот, потому, что это верующие православные, как и я, то есть мои брат и сестра во Христе, и ни при каких разногласиях я не могу считать их врагами. А полемизировать с друзьями, когда вокруг более чем достаточно врагов, — дело сомнительное. Но полемизировать, видимо, все-таки придется: поднимаются вопросы не той или иной позиции, где можно и уступить, а самоидентификации себя как страны и народа — а это в большой степени является центральным нервом сегодняшнего и в еще большей степени завтрашнего момента. Попробую поэтому провести эту полемику, не останавливаясь на тех местах, где авторы допускают не вполне продуманные или совсем уж малопримлемые с позиций аудитории нашего журнала места. И даже явные несправедливости — хотя будь они мне не единоверцы, соблазн был бы велик: в целом ряде мест они «подставляются» достаточно сильно. Да, собственно, и не полемику даже — я вовсе не собираюсь защищать ни Иосифа Сталина, ни Ивана Грозного, ни даже тех, кто их сегодня превозносит. Я попробую проанализировать, в чем причина нарастающего ныне в обществе апологетического и даже переходящего в восторженное отношения к ним. И заодно — что именно я не могу принять в рассуждениях авторов. Тем более что авторы говорят о необходимости национального консенсуса для преодоления раскола.

Итак, в чем истинная подоплека на глазах активизировавшихся в последние год-два ожесточенных дискуссий об историческом месте Сталина (лежащих в центре статей Елены и Андрея)? Дискуссий,

казалось бы, полностью лишенных актуальности, поскольку ни один из элементов государственного устройства или управления, составлявших сталинизм, никто не обсуждает и не собирается обсуждать в плане практической политики... Главная причина ° — в попытках осознать, в какой **стране (в исторической перспективе) мы живем и хотим жить**. В нашей стране было две империи: первая ° — от Ивана Великого до 1917 года, и вторая ° — примерно с 1927-го до 1991 года. Тезис Езерского о том, что само слово «империя» ° — римское и применяться может только к христианским государствам ° — наследникам Рима, вполне может использоваться Андреем, если он ему близок, но никак не соответствует современному словоупотреблению: слово-то римское, но ныне означает просто определенный тип государственного устройства (например, Оттоманская империя, Китайская империя и пр., или, скажем, выражение «империя зла»), и СССР от Сталина и до своего конца был, вне всякого сомнения, типичной империей. В этом смысле слово «империя», как и слово «император», не несет никакого заведомо положительного или отрицательного оттенка. Ну, а утверждение автора о том, что христианские молитвы возносились и за римских императоров доконстантиновского периода, причем не по принципу «ибо не ведают, что творят», а как за хранителей божественно установленного порядка (что, по-видимому, должно включать таких правителей, как Нерон, Декий, Диоклетиан и другие), я приписываю просто полемическому задору. Итак, было две империи ° — но эти две империи были выстроены на совершенно разных фундаментах, и вторая родилась, разрушив первую ° — причем не просто как политическую организацию, а физически уничтожив целые сословия и искоренив (до конца или нет ° — большой вопрос) самые основы народной жизни. Хотя при этом различие не надо и преувеличивать ° — город Норильск строился примерно так же, как город Санкт-Петербург. И та и другая есть наше прошлое, то есть наша часть ° — спорить с этим смешно, ° — а прошлое, как известно, нельзя ни изменить, ни уничтожить ° — даже если его замалчивать. И будущее всегда вытекает из прошлого, но делать это может по-разному, в зависимости от его осмысления. И вот сейчас, в 2005 году, когда проблемы физического выживания для большинства населения перестали быть актуальными, главным для всех (для одних осознанно, для других нет) стал вопрос о

том, кем мы хотим быть в будущем (сейчас мы не являемся никем), исходя из нашего прошлого. Две антиномии, содержащиеся в этом вопросе, определяют два главных конфликта современной России: первый° — должны ли мы быть империей или нет° — между, условно говоря, **державниками и либералами**; и второй° — должны ли мы быть наследниками первой или второй империи, если уж будем империей° — между, условно говоря, белыми и красными; именно он и составляет суть полемики Чудиновой с Лавровским. И если с первой дискуссией все более или менее ясно ° — противники империи исчерпываются либеральным электоратом, то есть полным и к тому же довольно маргинальным меньшинством, ну и еще руководством страны (это если оно искренно° — хотелось бы надеяться, что нет), то со второй все сложнее: есть много людей, к которым принадлежу и я, являющихся однозначно сторонниками имперского устройства, которые гордятся многими из достижений второй империи, никоим образом не желая, чтобы Россия стала новым СССР, но также ни в малейшей степени не хотят видеть ее наследницей империи Рюриковичей и Романовых, хотя очень многим гордятся и многое хотели бы видеть возрожденным и из того периода (персонально я° — в первую очередь единство Церкви и империи, но, конечно, в досинодальном варианте). Мне лично кажется, хотя я и не могу это доказать, что таких абсолютное большинство (даже если это ничего и не значит). Предлагаю Елене и Андрею, а также всем желающим проделать на эту тему мысленный или натурный эксперимент. Спросите 100 человек на улице, считают ли они революцию и Гражданскую войну 1917–1921 годов трагедией,° — «да» ответят около 90%; спросите, можно ли сказать, что большевики узурпировали власть,° — «да» ответят около 80%. Спросите, можно ли тогда сказать, что совершенные большевиками действия принесли неисчислимые беды и лучше было бы, если бы этого не было,° — «да» ответят 70%; спросите, означает ли это, что белые делали героическое дело, защищая страну от красных,° — «да» ответят 20%; наконец, спросите, должна ли нынешняя и будущая Россия стать идейной наследницей белого движения,° — «да» ответят менее 10%, и то часть из эпатажа (данные скомпилированы из разных опросов). Как же так, неужели опять загадочная русская душа? Нет, просто осознание того факта, который почему-то игнорирует Андрей Езерский,° — что революции,

во всяком случае успешные, просто так не происходят, как бы ни хотели этого собственные деструктивные элементы или спецслужбы других стран: **Российская империя к 1917 году прогнила так же глубоко и основательно, как и СССР к 1991-му** (или, например, Украина к 2004-му). При этом вся тогдашняя элита во главе с царем (который был правителем столь сильным, что таких бы на престол нашим нынешним врагам сажать для быстрого и полного их самораспада) продолжала твердить про святую Русь, и сегодняшние «белые» за ними это повторяют. Вот факт: в марте 1917 года Временное правительство в порядке отделения Церкви от государства отменило обязательное еженедельное причастие на военно-морском флоте ° — и в ближайшее же воскресенье причастились всего 14% личного состава вместо 100% неделю назад (а дальше еще меньше), да и из тех часть явно просто по привычке. И это, заметьте, во время войны, в двух шагах от смерти.

Вот вам и святая Русь. Да и вообще понятно, что было именно так ° — иначе как же десятки миллионов людей спокойно смотрели бы на то, как разрушают десятки тысяч церквей и убивают сотни тысяч священнослужителей? У красных была сила. Ну и что, почему не боялись римской силы ранние христиане? Вступились и в крайнем случае приняли бы мученическую смерть ° — что может быть достойнее, в святой-то Руси, среди народа-богоносца? Кто-то так и делал, но многие ли? Когда враг пришел в 1941 году, в безбожной красной империи в военкоматы стояли очереди из добровольцев, в основном чтобы такую мученическую смерть и принять, так же, как к князю Пожарскому в 1613-м, а Добровольческая армия аж 8 тысяч добровольцев набрала в 1918-м со всего Юга России. Нет, не хотели защищать эту страну люди в 1918–1921 годах, как не хотели защищать вторую империю в 1991-м, и лично мне психологически это вполне понятно: когда слышишь известную песню про поручика Голицына: «за нашим бокалом сидят комиссары / и девушек наших ведут в кабинет», то думаешь, что, наверное, очень немного праведной злости должно было вызывать это у тех, кто и до смуты не имел ни бокалов, ни кабинетов. «С молоком кормилицы рязанской...» ° — цитирует Андрей, по-видимому, про лирического героя-дворянина, своего обобщенного единомышленника, и даже не задумывается о том, что подавляющее большинство людей тогдашней России (практически

все, кроме высших классов) вовсе не имели кормилиц; а если кто не помнит, как называется тип государственного устройства, при котором режим поддерживается только высшими классами, я напомним: Платон называл его **олигархией**.

Не могу закончить разговор про святую Русь, якобы преданную и растоптанную врагами, а на самом деле уничтоженную из самых лучших побуждений своими же государями при Расколе и дальнейшем огосударствлении Церкви и к 1917 году в основном уже почившую (что-то еще теплилось, но что-то теплится и сейчас ° — придя к нам, Сын Человеческий всегда найдет веру), без обсуждения фигуры Николая II. Николай II вызывает у вас и ваших единомышленников умилительное отношение, а у меня ° — наоборот. Я считаю его человеком, который своими бездарностью и безволием тщательно подготовил Россию, как садовник почву, для страшной трагедии и миллионов отдельных людских трагедий, а в нужный момент, когда все было готово к взрыву, сам поджег фитиль своим дальнейшим безволием, переросшим в трусость, разорвав свой личный завет с Богом, нарушив Промысел Божий о себе как православном царе. Кого благодарить за Распутина ° — а ведь истинная святая, преподобномученица великая княгиня Елизавета писала про его убийство Юсупову: «Бог благословит Вас за это святое дело». Кого благодарить за 2 миллиона убитых и погибших от ран в Первой мировой войне ° — войне, которая была нужна России как корове седло? И если мы проклинаям руководство СССР за 55 тысяч человек, погибших на ненужной войне в Афганистане, то что мы должны сказать о Николае, при том, что в Афгане все-таки воевали с исламистами, а на германской войне ° — с христианскими народами? Кого, наконец, благодарить за саму революцию со всеми ее жертвами ° — большевиков, что ли? Если волк задрал стадо, сход винит не волка ° — с него какой спрос! ° — а пастуха, который не смог (а был обязан) защитить стадо от волка. Могут сказать, что он все это не со зла, но простота, как говорит наш народ, хуже воровства. О человеке, который в 1915 году ответил премьер-министру (который сказал, что Распутин доведет Россию до катастрофы), что ему спокойствие своей жены важнее этой катастрофы, ° — что можно сказать? Если Николай II предстанет лучше и безошибочнее, чем в жизни, особенно в произведениях для юношества, пишет Чудинова, то вреда точно не

будет° — ведь он был высоконравственный человек. Будет вред, Елена, да еще какой ° — когда этот выросший юноша проголосует на президентских выборах за доброго, высоконравственного, только вот совершенно безвольного человека (а безвольные всегда добрее и симпатичнее), который приведет Россию вместе с этим юношей (и православную веру, между прочим) к неисчислимым бедам. Есть такое слово° — ответственность, и с того, кто ею облечен, другой спрос, чем с обычного человека; а с облеченного ответственностью за всю страну° — спрос особый. Нет греха для христианина в том, что он немошен физически. А если он стоит в дозоре и из-за его немоши погибнут все безмятежно спящие, уверенные в том, что он их предупредит? Мне понравилось ваше выражение, Елена: «Зачем же исключать таких, как я, из созидательного процесса». Так вот, заверяю вас, что ни в каком созидательном процессе, в котором образцом для юношества выставляется Николай Романов (именно так, на момент убийства давно уже не царь Николай II), лично я участвовать не буду; я не имею права оспаривать решение Церкви, к которой я принадлежу, о его канонизации, но я скорее пойду на почти что угодно (про смерть не знаю, хватит ли у меня смелости), чем переkreщусь на его икону.

Теперь о второй, красной империи. Чтобы не было ложного представления о том, почему я пишу то, что пишу, скажу сразу: мой дед расстрелян в 1938 году, бабушка просидела более 15 лет в лагерях, мать вынуждена была скрывать, что она ЧСИР (член семьи изменников Родины), а отец, еврей по национальности, прошедший войну с 1942 года, не мог с начала борьбы с космополитизмом устроиться на работу простым учителем в школе. Никого сильно преуспевшего при Сталине (да и потом) у меня в роду нет. Сам я родился уже после его смерти, в 1959 году, и во времена СССР в партии не состоял, из комсомола уже при перестройке был исключен и, вообще, никаких особых успехов не добился. Тем не менее справедливость требует признать, что государство истинно сатанинское, построенное в 1917–1918 годах, создавал не Сталин° — его роль в революции и Гражданской войне не большая, чем у кавалера ордена Победы полковника Брежнева в Великой Отечественной. И то, что создал уже Сталин° — собственно вторая российская империя° — предстает в совсем ином свете, если сравнивать это с тем, что он принял. Но в любом случае это была языческая тирания, с

многочисленными ритуалами служения культу красного бога, и, конечно, прав Андрей Езерский в том, что сам Сталин был, и вполне целенаправленно, типичным идолом, ° — как иначе можно интерпретировать то, что разбить в те времена его портрет или бюст квалифицировалось не как оскорбление величества, а как террористический акт? И конечно, никакие достижения и победы, даже если бы они были стократ большими, не могут ни на йоту отдалить народ от Христовой веры, ° — потому что зачем тогда все эти победы человеку, чья жизнь коротка, как вздох. Но вот что удивительно: режим тогда был богомерзкий, а ныне вполне приличный, но люди и отношения между ними почему-то были гораздо лучше и чище, чем ныне. Церковь была в загоне, но противного Богу и установлениям Церкви блуда было относительно немного. А ныне Церковь почитаема, но разврат в любых его проявлениях, в том числе публичное его освещение, достиг уровня Содома и Гоморры (включая собственно содомский грех). Были проститутки и тогда (хотя в несравнимых с нашими днями количествах), но это считалось низко и этого стеснялись и скрывали, а ныне гордятся, и девочки в школах прямо заявляют, что хотели бы сделать именно такую карьеру. И тогда воровали, обманывали и взяточничали, но в сравнении с нынешними масштабами все это блекнет; и главное опять-таки в том, что этим гордятся, ° — и ворам (и в прямом, и в переносном смысле) не приходит в голову в незнакомом обществе скрывать, кто они такие, и чиновники-миллионеры, получающие формально небольшой оклад, вовсе не стараются жить, как Корейко. Убивали и тогда, были бандиты (с кем-то же боролись Жегловы и Шараповы), но можно ли это сравнить с тем, что сейчас? Я не буду продолжать перечисление грехов из десятисловия, скажу лишь, что то же самое и в обычных житейских делах: все, что тогда считалось нормальным делать друг для друга просто так, в порядке взаимопомощи, сейчас делают только за деньги, и иначе и не мыслят. И попробуй скажи сейчас, что нечто надо сделать ради страны, ° — не поймут. Естественным мотивом любых поступков считаются только свои интересы, в основном материальные, а единственным достойным в жизни занятием ° — заколачивать деньги. Конечно, все это в среднем ° — были и плохие люди тогда и хорошие есть теперь, и я вовсе не говорю за всех, ° — но общий сдвиг очевиден и печален. Для меня нет

загадки в том, почему это так,° — страна просто сменила одного идола на другого, Власть на Деньги; и получается, что служение Деньгам делает людей еще хуже, чем служение Власти. Я остановлюсь на этом, потому что здесь один из двух краеугольных камней сталиномании, и прошу простить меня, если это покажется отвлечением.

В традиционном феодальном обществе богатство и власть неразобщены ° — купцы есть, но средоточием и властью, и богатства является феодал (в нашем случае князь), и поэтому богатство в основном с ним и ассоциируется. При этом апология власти сильна (во-первых, она от Бога и защищает веру, а во-вторых, она зримым образом защищает остальных от многочисленных врагов и злодеев), а у богатства в православной культуре никакой апологии нет. Но в силу этой неразделенности к богатству нет никакого особого отношения. При капитализме с его возможностью сколотить состояние появляется большое количество очень богатых людей, которые никакого отношения к защите веры или людей никогда не имели ° — ни они сами, ни их предки, сплошь и рядом они вообще иноверцы (разговоры о том, что любой капиталист, создав состояние, принес обществу много пользы, все-таки явная американская лапша на уши). Это вызывает неприятие, но терпимых масштабов ° — в конце концов, не так оно и заметно, чужое богатство; но вот ранний капитализм превращается в развитой, и объектами покупки становятся уже не только каменные палаты и горлатная шапка, но множество новых интересных вещей, весьма заметных для окружающих: древние поместья и роскошные дворцы, земли и заводы, газеты и спортивные команды, депутаты и губернаторы, политические партии и фракции в парламенте (все это, как вы понимаете, родилось не в 1992 году, и даже не на 100 лет раньше). И вот это становится нетерпимо для народа, нравится вам это или нет, таков у нас народ и такова культура. У лютеранских народов, в частности у американцев, это не так, там богатство считается признаком богоизбранности (лично мне такие взгляды кажутся омерзительными, ну да Бог им судья), но мы не лютеране, опять же, нравится это или нет.

Я недавно сидел в холле гостиницы, листал лежащий на столике какой-то глянцево-журнал и прочел там, как в некоем московском автосалоне молодой человек явно школьного возраста расспрашивал продавца про стоящий «Бентли». Тот с неохотой отвечал, понимая, что

школьник спрашивает просто так. После этого молодой человек позвонил маме и сказал, что он наконец нашел себе машину к окончанию школы: не новая, но зато большая и удобная, и стоит недорого°— всего 150 тысяч долларов. Мама приехала через полчаса, осмотрела машину и отправила сына в банк. Так вот, сидящий рядом со мной и читающий тот же журнал незнакомый человек, по виду явно обеспеченный, сказал мне (наверное, заметив, что я читаю ту же статью): да, все теперь лучше, чем при совке, живи°— не хочу, но я бы многое отдал из сегодняшней жизни, чтобы такого не было. И я присоединяюсь к этому не знакомому мне человеку: и я бы отдал. За то, чтобы не было частных владельцев футбольных клубов и телевизионных каналов, школьников, едущих на «Бентли», и девушек, томно заявляющих, что они не понимают, как можно летать на рейсовых самолетах. Я совсем не против того, чтобы человек сколотил себе состояние и в 20, и в 50, и в 100 миллионов долларов, но всему есть предел, количество переходит в качество, и мне от вида всего вышеупомянутого делается противно и горько, при том, что я сам мультимиллионер и никакой зависти к этому испытывать не могу. Ну да Бог со мной, но таких, как я, в этом аспекте°— большинство (или по крайней мере очень много), и не видеть этого и того, к чему это неизбежно приведет, °— значит проявлять такую же слепоту, какую проявляли и власти, и мыслители в начале XX века, с известным результатом (особенно персонально для проявлявших слепоту). Можно, конечно, сказать, что вот, дескать, наш народ всегда так°— не своя корова важна, а чтобы у соседа сдохла. Но для тех, кому не нравится наш народ, у меня ответ один: билеты из России на все направления свободно продаются в кассах и турагентствах. По мне, так то, что для нашего народа соответствие окружающей жизни своим представлениям о правильности и справедливости важнее, чем удои собственной коровы, означает лишь то, что наш народ по духу не торгашеский (хотя вполне умеющий зарабатывать), за что я его и люблю.

При чем тут Сталин и красная империя? А при том самом: много плохого было при Сталине, куда больше, чем хорошего, °— только вот школьников на «Бентли» не было; а кто скажет, что, мол, даже если и признать, что это плюс, он явно не так важен, чтобы перевесить остальное, те совсем не понимают своего народа. Были, правда, «слуги

народа», которые (как и их отпрыски) жили хоть и не во дворцах, но совсем иначе, чем все остальные; но это как раз и соответствует нашим представлениям, это древний архетип: князю можно, он за нас себя не щадит. По-научному это называется меритократия (от латинского «заслуга»)° — когда общественный статус человека, в том числе выражающийся и в материальном положении, определяется в основном по его вкладу в общее дело (что по-латыни, как известно, будет «республика»). И при всей субъективности такого подхода он, по моему мнению, куда ближе народу и, как я излагал выше, дает в среднем более хороших людей с гораздо более чистым отношением к этому самому общему делу (к тому же слуги народа° — сегодня князь, а завтра в грязь; чего им завидовать: вот на «ЗИСе» рассекает, а завтра, глядишь, тачку будет катить). Как ни жестко это звучит, но это **примирило и примиряет по сию пору народ и тогдашнюю элиту, а с нынешней нет примирения, потому что нет апологии**: не только они все имеют,° — причем вовсе не в награду за вклад в общее дело, но и бояться им нечего (кроме разве что взрывного устройства от конкурентов). И к Ивану Грозному имеем сейчас то отношение, которое имеем, причем все нарастающее, которое совершенно справедливо разоблачает Елена Чудинова (помимо всего прочего, и правитель-то он был трусливый и бездарный), потому же: да, зверь был, но страх вселил в элиту, даже ужас° — а это единственное, что нас может примирить с самим фактом ее существования. (На самом деле это глупость, тогдашняя элита была служилой и ни в какой дополнительной апологии в глазах народа не нуждалась, но я говорю об отношении к Ивану Грозному не его современников, а наших.) И Хрущева ненавидят именно за это° — начальство осталось, жить оно стало еще лучше, а страх у него исчез; где справедливость? И вот все это и есть **первая и главная причина нынешней волны апологетики Сталина** (а отчасти и предыдущих волн), хотя на осознанном уровне, как правило, четко не артикулированная: не было кричащего богатства, неравенство было не слишком большим и почти исключительно меритократическим, а к тому же психологически компенсировалось наличием у всей элиты обоснованного страха за свою жизнь и будущее. Да, и Деньги, и Власть° — суть идолы, но и идолы не равны между собой по омерзительности: есть Дагон, а есть Молох, в котором сжигали первенцев. И Деньги, получается, для

нашего народа идол худший, чем Власть. А ведь стали Деньги идиолом не в 1992-м° — они уже были им и в 1910-м, и в 1900-м. И чем сильнее в нашем обществе будет становиться либеральный идол Денег, чем отвязнее будет публичное ему поклонение во всех сферах жизни, тем сильнее будет тяга к альтернативному идолу Власти, тем менее страшным и более справедливым он будет казаться и тем сильнее и шире будут искренние попытки представить Сталина (несравненного адепта этого идола) величайшим из российских правителей всех времен и народов.

Другая причина связана с положением России в мире, среди других стран. Наша страна является отдельной и самобытной православной цивилизацией; из иных цивилизаций ей ближе всего другая христианская цивилизация, католическо-протестантская, иначе называемая европейской, и она же именно в силу этого объективно была, есть и будет самым большим из наших врагов. Здесь нет никакого парадокса, этот принцип сформулирован еще Дарвином: борьба между биологическими видами тем острее, чем они ближе друг к другу. Не надо упрекать меня в безбожном социал-дарвинизме: я говорю здесь вовсе не о примитивной борьбе за существование (территорию, ресурсы, и т. п.), а о цивилизационной борьбе идей° — религий, укладов и представлений. Сам факт существования исламского мира, например, или дальневосточного, радикально отличающихся от мира европейско-американского, никогда не был для последнего раздражающим фактором: не всем же быть одинаковыми (нынешние потуги на глобализацию не в счет, они скоро пройдут)° — мы христиане, а они язычники. А вот мы всегда были для них бельмом на глазу (как до этого Византия): как это, не мы, а христиане; как же тогда с нашим божественным правом? И к XIX веку, когда религия ушла из европейской политики, а на первое место вышел вопрос о социально-управленческих укладах, а особенно в XX веке, Россия в этом новом смысле все равно оставалась альтернативной ветвью «западной», то есть христианской, цивилизации, и именно этот факт, а не какая-то мистика определяет достойное лучшего применения упорство и последовательность западного мира в повторяющемся выборе антироссийской идеологии и политики. И поэтому близоруки те, кто говорит, что главный наш враг° — агрессивный исламский мир (или экспансионистский китайский), а не христианские, пусть и

несколько другие, чем мы, народы: в военном смысле в данный момент° — возможно, а в цивилизационном° — нет! Всегда останется западный мир нашим смертным врагом, если только один из нас не исчезнет Божьей волей с лица Земли (тоже в цивилизационном смысле, конечно, а не в физическом), потому что нет здесь достойного места для нас обоих (не по нашему, а по их выбору). Но это не повод ни для паники, ни для немедленной мобилизации. Это факт, и относиться к нему мы должны без лишних эмоций, просто как к внешнему обстоятельству жизни, вроде зимнего холода° — абстрактно, может быть, оно и неприятно, но изменить нельзя, а приспособиться можно (в первую очередь по формуле Александра III: единственные друзья России° — русская армия и русский флот).

Но отступление от этой золотой середины в два противоположных направления оценочно воспринимается народом совершенно по-разному: уклон в сторону излишнего противостояния ° — это как максимум ошибка (а может быть, и нет); а уклон в сторону объединительства и экуменизма° — это предательство своих корней и самой своей сути. Вот ровно поэтому никто не предлагает канонизировать Петра I (а совсем не за упразднение Патриаршества и создание Святейшего Синода), хотя он явно был великим правителем и завоевал много земель, в том числе у Европы. Потому что он заставлял одеваться и бриться на западный манер, говорить на их языках, перенимать их обычаи; в общем, он пытался сделать из России европейскую страну, которой мы не являемся, ° — пусть даже и ради того, чтобы стать сильными и побеждать ту же Европу. А Иван Грозный, хотя Ливонскую войну благополучно прогадил и вообще никого в Европе не победил, зато не пытался (тоже якобы) слиться с ней в экстазе; его позиция, выраженная в ответе Курбскому: «Россия не Европа, б... сын, Россия ° — новый Израиль», и есть причина того (кроме вышеназванной), что его, убившего чудотворца святителя Филиппа, искренно предлагают ° — многие! ° — самого причислить к лику святых. (Я разделяю мнение Елены Чудиновой, что он был не просто не христианин, но прямой слуга дьявола, но я, как и анонсировал, пишу здесь не столько о своем мнении, сколько пытаюсь проанализировать существующие в стране массовые мнения других.) Здесь уже не нужно задавать риторический вопрос, при чем тут Сталин: он искренне ненавидел западный мир, причем, в отличие от

Ленина с Троцким, считал его не ареной приложения своих абсолютно космополитических идей, а источником всего вредоносного конкретно для России и ее национальных интересов. Он даже не всегда был полностью последовательным в реализации этого (лично я не могу простить ему как правителю того, что он остановился в 1945 году на Эльбе вместо того, чтобы идти до Ла-Манша и дальше), но сама позиция его была однозначной (как говорится, «вы не правы, но мне нравится ход ваших мыслей»). И сегодня, когда Запад давит нас по всем фронтам, причем совершенно не спровоцировано (в основном по причине нашего же безволия, но это в данном случае несущественно), именно эта часть мировоззрения и практической политики Сталина и привлекает к нему симпатии многих тех, кого от остального в нем тошнит ° — как же, при нем и Англия, и Америка дрожали от ужаса перед нами. Не следует смешивать это с патриотизмом как таковым ° — искренне любят свою страну и хотят для нее всяческого процветания и даже величия и некоторые из либералов. Я пишу именно **об ощущении своей страны и цивилизации как антипода цивилизации западной** (как теперь стало ясно, в первую очередь это означает англосаксонской). Это вторая причина, по которой нет у нас в обществе (это, мягко говоря) культа белогвардейцев ° — англичан и французов пригласили в союзники и оккупанты против родной страны, пусть и взбесившейся! (Они, правда, ничем и не помогли и тут же белую гвардию и предали, но помощь Запада всегда столь виртуальной и бывает.) И именно поэтому множество блестящих российских генералов пришли на службу к красным и в большой степени и выиграли реальные сражения (в противовес карательным рейдам) Гражданской войны. И по той же причине к диссидентам 60–80-х годов XX века (это и к Сахарову относится) также нет особенно дружелюбного отношения даже у тех, кто окончанию правления КПСС рад безоговорочно: как же вы, господа, к врагам своей страны обращались за помощью? Думали, что боретесь против режима, а боролись-то против России. (Про предателей типа Краснова и Власова я и говорить не буду ° — обещал не «поддавливать» Андрея Езерского.) Нет, так нельзя ° — чтобы победить Сатану, не приглашают Вельзевула. И кстати, потому же не особо жалуют у нас эмигрантов, особенно тех, кто из-за границы поучает нас, как жить, ° — а вы-то тут при чем? Ну, вынуждены были

уехать или вообще были высланы° — понятно; ну а теперь-то что не возвращаетесь? Там больше понравилось (неважно, с материальной или духовной точки зрения)° — пожалуйста, но тогда не называйте себя русскими; живите, где вам нравится, уважаемый господин Ростропович, но не называйте себя (и пусть наши журналисты не называют вас) русским музыкантом. И вы, господин Аксенов, являетесь ярким (на мой вкус, так просто очень хорошим) русскоязычным писателем, но никак не русским: русские° — это те, кто живет в России, во всяком случае, если может. Причем жили бы вы все в Китае или Перу° — нет, живете вы среди наших врагов, и, судя по всему, вас это не особо трогает. Что ж, ваше право. А наше право соответственно к вам относиться (это, естественно, вовсе не означает ненавидеть). Вот Солженицын° — это великий русский: когда в России сменилась власть, он не колебался ни секунды, где ему дальше жить. Так что я разделяю с Андреем Езерским уважение к г-ну Шмеману, отказавшемуся от французского гражданства и продолжавшему считать себя эмигрантом, и полностью солидаризуюсь с нашим президентом, лично вручившим ему русский паспорт. Но я хотел бы знать, где г-н Шмеман собирается теперь жить: если в России, я почту за честь пожать ему руку.

Вот это и есть **вторая основная причина (а их всего две и есть) нынешней сталиномании**: он твердо стоял на враждебных позициях к западному, особенно англо-американскому миру, ни в малейшей степени не видел Россию частью европейской цивилизации и не стремился с ней сблизиться; более того, позиции именно этого мира в многовековом противостоянии с Россией при нем были самыми слабыми за всю историю° — как же, все американские посольства в Европе имели планы эвакуации на случай русского танкового прорыва. Именно поэтому мы видим всплеск апологии Ивана Грозного и Сталина, а не трех государей, заслуженно получивших прозвище Великих° — Ивана III, Петра I и Екатерины II, хотя все они были не меньшими имперостроителями, чем Сталин, и точно большими, чем Грозный. И войну, жизненно важную для России, Сталин выиграл не первый в русской истории, и даже войну с противником, который до этого считался непобедимым, тоже не первый (хотя все разговоры, что Великую Отечественную выиграл на самом деле не Сталин, есть продукт недоразумения° — все победы, произошедшие во времена

какого-либо правителя, есть его заслуга, так же как все поражения°— его вина). Но непримиримость к западному миру (не враждебность или воинственность, а именно непримиримость), реальная или кажущаяся, отличает именно Грозного и Сталина. **И апология Сталина будет тем сильнее, чем сильнее будет пресмыкание нашего общества перед Западом°**— и в политике, и в культуре, и в попытках представить всю историю как торжество великой и благой западной цивилизации. Это тоже идол°— идол русской Этнократии; но идол Европы все же еще хуже.

И вот теперь мы можем вернуться к предложениям Елены Чудиновой и Андрея Езерского о национальном примирении и преодолении раскола в умах. С либералами это невозможно, потому что у нас разные цели, а между красными и белыми возможно и необходимо, поскольку цели у них на самом деле не различаются. Но как предлагают примиряться авторы? «Сталин ° — красная собака» (Чудинова), «такой фигуры, как Сталин, более не существует» (Езерский). Может, вы и правы, друзья, но ни компромиссом, ни консенсусом, ни примирением такой подход по правилам русского языка не называется. Это, иначе говоря, так: что мое° — мое, а что твое° — тоже мое. Тоже мне консенсус!

Давайте лучше посмотрим, на какой базе возможно реальное примирение между идейными белыми, от имени которых говорят Чудинова и Езерский, и тех не красных даже, но просто не принимающих их взгляды, от имени которых пытался выступать я в этой статье. Мне кажется, из изложенного это довольно очевидно: я бы отталкивался от слов Езерского о том, что без Христа даже самая сильная власть падет. Это, конечно, так. Ровно поэтому пала, причем довольно легко, первая российская империя, невзирая на помощь Англии, Франции и Америки. И вторая, красная империя пала потому же° — совершенно не собираюсь спорить в этом с Андреем. Не было Христа в советской власти, но его давно уже не было и в царской власти к моменту революции, иначе она бы не пала; а ведь когда-то была в России власть, построенная на Христе, ° — имперостроительство Ивана Великого не лучший ли тому пример? Так что первое° — пусть белые и красные вместе строят новую власть и новую, третью империю на Христовой вере, а не пытаются воссоздать ту прогнившую, хотя и со славной историей, державу, что

существовала перед 1917 годом°— туда я и мне подобные не хотим. А если хотим иметь перед глазами исторический пример, обратимся к дораскольным временам. Второе°— пусть белые признают, что власть и особенно всевластие денег есть мерзкий идол и к 1917 году он уже правил бал в России, как правит и сейчас, а красные в ответ должны признать, что и Власть ради власти есть идол столь же мерзкий, и вся история СССР прошла под его знаком. Давайте пробовать вместе строить общество, свободное от обоих этих идолов, а не от любого одного из них°— если общество будет Христово, Дух Святой нам в этом поможет. Третье°— красные должны признать, что этнократия и национальное самовозвеличивание тоже есть идолопоклонство (кстати, именно то, которое помешало иудеям принять Христа), но и белые должны признать идолопоклонством возвеличивание Запада, и°— главное! °— признать, что делать нам, православным, в Европе нечего (кроме как обращаться тамошних заблудших). И уж менее всего надо нам брать пример с Запада°— с места, где идол Денег возник и всемогущ, как нигде. **И вот если мы это признаем, то, наверное, все остальное можно решить в духе братской любви и, в частности, перестать превозносить Сталина (или по крайней мере вместе с этим бороться), но в этом случае это, скорее всего, и не понадобится: само пройдет.**

P.S. Я искренне благодарен Елене Чудиновой за то, что ее статья впервые обратила мое внимание на следующий факт: а почему мы, действительно, называем работников спецслужб чекистами, причем явно с позитивным оттенком? Уж если и есть чем гордиться в истории СССР, то уж никак не внутренними спецслужбами того времени. Независимо от исхода нашей дискуссии я лично этот термин употреблять больше не буду.

Александр Дугин **ПОРАЖЕНЧЕСКАЯ ЭЛИТА** **ПОГУБИТ РОССИЮ**

АНАТОМИЯ ТРЕВОГИ

Политическая ситуация в современной России вполне обманчива. Она обманчиво спокойна, обманчиво стабильна, обманчиво успешна. Многие говорят о «новом застое», о «возвращении брежневизма», о «закате политики». И действительно, внешние наблюдения могут подтвердить эти оценки. Критики президента говорят по этому поводу о «диктатуре», сторонники — о том, что «Россия сосредотачивается». Но внимательным аналитикам трудно отделаться от впечатления, что в воздухе повисла какая-то неприятная тревога. Попробуем исследовать то, что угрожает сегодня России, ее президенту, ее народу.

ФЕДЕРАЛЬНАЯ ЭЛИТА В АПОГЕЕ ВЛАСТИ

Политическая линия Путина с самого начала первого срока была четко направлена на усиление позиций федерального центра перед лицом самоуправления выборной региональной власти — «губернаторской фронды». После событий в Беслане Путин поставил в этом вопросе точку: назначение губернаторов законодательно закрепляет окончательную победу центра. Роль региональных элит настолько снижена, что в общем контексте российской политики она может быть приравнена к бесконечно малой величине.

По сути, главным (и единственным) административным субъектом в такой ситуации оказывается элита федерального центра. Какими бы полномочиями ни обладал президент, единолично править он не может, и, следовательно, федеральная элита в настоящее время становится главной опорой и инструментом в проведении путинской линии в общероссийском масштабе.

ПОСТСОВЕТСКОЕ ЧИНОВНИЧЕСТВО

Эта элита в самом грубом приближении состоит из двух основных сегментов: постсоветское чиновничество и либерал-реформаторы. И те, и другие отчасти занимали свои посты и до Путина, отчасти были завезены из города на Неве. Причем не так уж важно, из Москвы они или из Питера. Эти два сегмента — все, что есть у Путина в наличии. И на них сейчас держится судьба нашей страны.

Постсоветское чиновничество сформировано в условиях последней фазы упадка советского общества. И это накладывает на них соответствующий отпечаток. Психология этих людей по типу консервативна и гиперконформна. Они не интересуются никакими идеями, готовы поддержать любую власть. Их интеллектуальный и культурный уровень ниже среднего. При этом они отличаются пассионарностью и изобретательностью только в одном — в реализации личного материального благополучия, в поддержании социального и административного статуса. Кабинеты и должности — это их «джунгли», где они мастера выживания, интриг, подсидок и толкания локтями.

И самое главное: они являются носителями единственного опыта, сформировавшего их как тип, — опыта стагнации. Оптимальное существование для них — это неопределенность, спокойствие, заторможенность. Даже если они оказываются в критической ситуации, они не способны реагировать остро и активно.

Как правило, постсоветский чиновник смутно патриотичен, не склонен к переменам. Его социальная функция сводится к зажиму инициативы, идущей снизу, и саботажу инициативы, идущей сверху. Всячески ограничивая творческую активность подчиненных, они присваивают ее результаты в том случае, когда не замечать их невозможно, но в усредненной, смягченной манере. Приказания начальства они выполнять не спешат, с одной стороны, потому что не могут и не хотят, а с другой — потому что привыкли к постоянному изменению курса наверху. Много десятилетий в качестве наказания за провалы в работе их либо повышают, либо переводят на другое место. Эти чиновники несут на себе дух разложения государства, что было сущностью социально-политического и административного процесса в последние десятилетия СССР. Эта категория федеральной элиты,

составляющая процентов 80 от всего чиновничества, способна только к стагнационным стратегиям, и требовать от них исполнения иной, мобилизационной задачи бессмысленно. Их каменные лица невозмутимы даже тогда, когда их кидают за воротник в пропасть.

ЛИБЕРАЛ-РЕФОРМАТОРСКАЯ ЭЛИТА

Вторая категория федерального чиновничества (значительно меньшая)° — либерал-реформаторы ельцинского призыва и их санкт-петербургские аналоги. Это совсем иной социальный и психологический тип. Это крайне активные, деятельные люди, обладающие интеллектуальным и культурным уровнем выше среднего, но сознательно инвестировавшие свою энергию в политику, бизнес, власть. Они стремятся во всем отличаться от постсоветских чиновников, даже в том случае, если являются их родственниками или протеже. Их тип ° — усиленная имитация западного человека. Они копируют Запад, в первую очередь США, с их динамизмом, подвижностью, прагматизмом, целеустремленностью и т.д. В их случае эгоизм возводится в теорию, социал-дарвинизм служит эрзац-идеологией, они видят общество в духе Фридриха фон Хайека° — как «социальные джунгли», в которых нет друзей и врагов, есть только конкуренты, оптимизация и прибыль. Россию они не любят и презирают, но считают, что и из нее можно и нужно извлекать «быстрые деньги».

Либерал-реформаторы тоже имеют уже немалый чиновничий и властный опыт ° — опыт активного разрушения государства с параллельным коммерческим использованием продуктов распада. Показательно, что, будучи апологетами свободного рынка и частной собственности, эти чиновники сделали карьеры и состояния не столько на свободной конкуренции и духе частного предпринимательства, поднимаясь по логическим ступеням капитализма, сколько на ловкой эксплуатации развала государства, на умелой коррупции, находчивости в юридическом оформлении, политическом прикрытии и административном протектировании процесса приватизации. Все, что они имеют, они получили от государства, фактически приватизировав его.

Либерал-реформаторы сращены с олигархатом, неотделимы от него. Они носители духа энергичного присвоения и не способны по определению решать никакую иную задачу.

В отличие от постсоветских чиновников, которые инстинктивно тяготеют к коррупции под конформистско-патриотическим прикрытием, либералы по своей инициативе идут навстречу Западу, стремятся интегрироваться в западный экономический и политический истеблишмент. По сути, их повестка дня в отношении России есть подраздел западной, точнее, американской повестки дня. Они выполняют американскую миссию не как оплаченные агенты, но как естественное проамериканское лобби, так как Запад (США) для них — «идеальная» Родина, сознательно и волевым образом принятый архетип, который они хотят воплотить в самих себе.

Очень важно, что такая социальная и психологическая позиция была на самом деле гарантом коммерческого и политического успеха в ельцинский период при существенной поддержке со стороны Запада, что придало либералам уверенность в действенности этой формулы: жизнь в глобалистском, прозападном режиме (в России или вне ее) — есть ключ к успеху, процветанию, личному обогащению. Видя под собой растерянный народ и смутившуюся бессильную интеллигенцию, перед собой — постсоветских чиновников с нечленораздельной повесткой дня, а над собой — нерешительную и колеблющуюся власть, либерал-реформаторы только укреплялись в своих установках.

Следует заметить, что этот тип, составляющий вторую половину российского чиновничества, столь же непригоден к созидательной деятельности на укрепление государства, как и первый. Они — носители опыта активного разрушения, слома. И имеют только эти навыки — разобрать на части и продать на стороне то, что им не принадлежит (поделившись со сторожами).

Если сложить обе составляющие, мы получим формулу: «патриотизм + либерализм», устойчивость которой гарантируется признанием интересов всего постсоветского чиновничества, официальная легитимация которого и принесла привкус «нового застоя».

Этим людям сегодня досталась вся полнота власти в стране. На фоне снижения роли партий и парламента, при назначаемых губернаторах страна вверена именно такой федеральной элите.

И самое тревожное, что в таком ее состоянии, в самом ее происхождении она наследует совершенно негативный управленческий опыт: опыт поражения, разложения и демонтажа. Эта элита не выиграла ни одной исторической баталии, не решила ни одной серьезной государственной проблемы, не создала никакого позитивного нового направления в общественном или национальном развитии. Она, конечно, хищная и цепкая, жадная и злая, этого не отнимешь. Но эти активные социал-дарвинистские качества применяются ее представителями только для индивидуального обогащения или личной карьеры. По сути дела, нынешняя федеральная элита совершенно безразлична к судьбам государства, народа и общества. Она антинародна, антигосударственна и антиобщественна.

Она являет собой в обеих ипостасях перевернутый образ самого Путина, это его «темный двойник». Путин ° — активный, волевой, созидательный государственный, а нынешняя федеральная элита никак ему не соответствует. С такой элитой Путин может только топтаться на месте, сохраняя статус-кво. Да и то при условии, что внешняя среда, в первую очередь Запад, предоставит России для этого благоприятную возможность.

НА ПОВЕСТКЕ ДНЯ УДАР ПО РОССИИ

Но кажется, что и на Западе отношение к путинской России начинает меняться. Показательно, что после Беслана попытка Кремля воззвать к солидарности США и Европы, которые также стали жертвами терроризма, дала обратный результат. Запад остался верен своему двойному стандарту: когда поддержка со стороны России нужна Штатам, Путина принимают в антитеррористическую коалицию. Когда же Россия апеллирует к тому же самому в момент своей беды, ей читают нравоучения. А политические шаги Путина после бесланской трагедии вызвали настоящий шквал негодования. Снова вернулся арсенал терминов времен «холодной войны» ° — «тоталитаризм», «реваншизм», «империализм» и т.д. Можно припомнить слова одного из главных идеологов американских неоконсерваторов Ричарда Перла, сказавшего: «С Россией возможен

только один разговор: We win, you lose. Sign here («Мы выигрываем, вы проигрываете. Распишитесь здесь»)).

В американской геополитике у России вообще нет места, для нее не отводится позитивной роли (даже в проамериканском ключе). Рано или поздно даже самую послушную и проамериканскую Россию ждет участь Югославии или Ирака, и американские стратеги, такие как З. Бжезинский, открыто пишут об этом. Это дело времени. И, кажется, это тревожное время приходит.

Первым аккордом этого процесса можно считать открытое и угрожающее выступление США на стороне тех сил в странах СНГ, которые ориентируются на ухудшение, а то и разрыв отношений с Москвой. Общеизвестен факт поддержки США «революции роз» Саакашвили. Не скрываясь, американцы поддержали Ющенко на Украине, продавив его кандидатуру против всяких юридических норм. Они же без стеснения поддерживают политическую оппозицию в Беларуси и Армении. Чеченские сепаратисты опираются на Американский комитет за мир в Чечне. Поразительно, что в состав этого комитета, призванного помогать чеченцам против русских, входят Ричард Перл и Майкл Лидин, интеллектуальные лидеры неоконсерваторов, стоящие на радикально антиисламских позициях и проповедующие «крестовый поход» против ислама! Этот вопиющий парадокс логичен в геополитической перспективе: атлантисты борются с Евразией во всех возможных конфигурациях. Силы НАТО летом 2004-го перебрасываются из Германии к границам России.

Те же неоконсерваторы всерьез принялись за проект создания Великого Ближнего Востока (проект озвучил сам Буш на саммите стран НАТО в Стамбуле), а это предполагает военные действия против Ирана и Сирии. Для атаки на Иран США нужны надежные базы на Кавказе. Активизация действий на Южном Кавказе и взрыв активности террористов на Северном Кавказе прекрасно укладываются в этот проект. России фактически предлагается уйти из Закавказья, а также принять близкую перспективу северокавказского сепаратизма. Горбачев и Ельцин соглашались на нечто подобное, и не раз. По логике «We win, you lose. Sign here» только так и нужно вести дела с поверженным соперником. Но вся легитимность Путина покоится на том, что он не сдает национальных интересов.

Складывается впечатление, что передышка для Путина заканчивается. Сигналом была августовская и сентябрьская атаки террористов на Россию.

Катастрофа на Украине. Победа Буша на выборах вопреки неуверенной «радости» Кремля означает лишь, что передел влияния на Ближнем Востоке, в Центральной Азии, на постсоветском пространстве и особенно на Кавказе начнется в самом ближайшем времени. Уже начался...

И как отвечать на это президенту Путину? Какой политической и геополитической линии придерживаться? На кого опираться? Какие инструменты задействовать?

Страна явно не готова к войне, которая неслышно подходит к нам все ближе и ближе.

ПУТИНУ НУЖНА РЕВОЛЮЦИЯ

Две проблемы — пассивно-деструктивный настрой федеральных элит и все более жесткий геополитический вызов Америки, — накладываясь друг на друга, порождают ситуацию, ничего общего не имеющую с застоєм или стабильностью. Путин и Россия стоят на пороге фундаментального кризиса, который может быть отложен только в одном случае — в случае какой-то непредсказуемой катастрофы, которая могла бы случиться с единственной оставшейся гипердержавой. Если же все останется в том же состоянии, как сегодня, то Америка будет продолжать экспортировать собственные кризисы и проблемы повсюду — на Ближний Восток, на Кавказ, в Центральную Азию. Это испытанная стратегия империалистических держав. И она, увы, оказывается действенной.

Утихомирив внутреннюю политику, Путин победил явное сопротивление своих прямых политических антагонистов. Но методы и инструменты этой победы были несколько сомнительны. Все это было бы оправдано только настоящей и радикальной ротацией элит и мобилизацией геополитического сознания. Этого не произошло и не происходит. Сохраняется баланс, продлевается статус-кво. Это опасный путь. Особенно перед лицом нависшей над страной угрозы.

Легкой жизни и уютной «советской» дремы, оживляющейся волнами нового передела собственности, не предвидится. При первом серьезном ударе вся недееспособная конструкция федеральной власти рухнет°— эти люди принципиально и по своему типу не в состоянии принимать и осуществлять исторические решения. А в условиях новой волны геополитической конфронтации инерциальная пассивность и тем более сознательный проамериканизм будут открытым саботажем.

Путину ничего не остается, как готовиться к войне. Путину ничего не остается, как осуществить революцию. Революцию сверху. Только готовность к войне гарантирует нам мир. Только революция сверху предотвратит саботаж элит и отчужденную пассивность масс в критический момент. Который, увы, все ближе и ближе.

Виталий Найшуль, Ольга Гурова
**СТРОЕНИЕ ЭЛИТЫ: РУССКИЕ
ТРАДИЦИИ**

Все настоящее опасно!

Сергей Чебанов

ДОЛГИ ЭЛИТЫ

Слова «элита», «элитный» в последнее время стали очень употребляемыми. Однако хотелось бы обратить внимание, в каком контексте эти слова употребляются. «Элитное жилье», «дом пониженной элитности», «элитный отдых»... Не вдаваясь в этимологию, можно отметить некое недоразумение, поскольку элита — это не показной образ жизни. Это правильное положение в обществе. Это вписанность в социальное устройство на определенном уровне. Имеется в виду, что человек занимает определенное общественное положение — высокое, но предполагается, что он занимает это положение за что-то. Либо за заслуги в прошлом, либо за деяния в настоящем. Вот о такой элите, собственно, имеет смысл говорить. Это первое.

Второе. Проблема нашего общества в том, что оно не является плотным. Этически плотным. Профессионально плотным. Есть некая разреженность. Когда в городе есть один магазин, ему не с кем конкурировать, там может продаваться все, что угодно. И как угодно. Другого нет. Нормальная ситуация — это когда есть плотность, в том числе в этих самых элитах. И этическая плотность, и профессиональная плотность. Когда поведение каждого очень жестко оценивается и контролируется средой. Вот пример. Американский роман Синклера Льюиса «Мистер Бэббит» о бизнесмене из среднего американского города. У него в 40 лет начинаются душевные метания, и он совершает три «антиобщественных» поступка. Заводит

любовницу, ужинает с университетским товарищем, который стал коммунистом, и рассеянно отказывает в пожертвовании на местную церковь. Ему никто не говорит ни слова, но в силу плотности американской среды он начал получать «звоночки». Контракт, который он получал от железной дороги много лет подряд, почему-то достался его конкуренту. Местный банкир, крайне почтенный человек, долго не принимал его и холодно поздоровался. И Бэббит все понял. А потом, когда его жена попала в больницу, и банкир, и другие представители местного общества нанесли ей визит. То есть ему показали, что можно вернуться. Льюис описывает все это очень иронично, но это показывает высокую плотность американского общества. Все действовали не сговариваясь, не было никакой программы действий и коалиции по перевоспитанию мистера Бэббита.

Напротив, если мы посмотрим на нашу нынешнюю элиту, то можно сказать, что она ведет себя **отвязно**. «Отвязно» не в смысле — плохо, а в смысле — независимо. Ее стиль состоит в том, что «мы никому ничего не должны». Это правило поведения. На это есть объективная причина: в том, что они делали, чтобы стать элитой, им общество не помогало, а мешало. Но...

В связи с этим следует напомнить два обстоятельства. Первое — важное экономически: у нас было приватизировано имущество, но не были приватизированы долги. То есть у государства были долги и было имущество, за счет которого можно было обслуживать эти долги. Имущество ушло, долги остались. Теперь государство является таким мальчиком для битья, которому, с одной стороны, говорят: «Вы обязаны платить пенсии, содержать медицину, школу». А когда оно обращается к источнику доходов, там говорят: «Да вы что, при таких налогах мы умрем!» И те и другие недовольны. И второе обстоятельство, важное этически. Это касается уже не государственного долга и не вопросов собственности. Это касается нарушения русской этики. В «Православном катехизисе» сказано, что заповедь почитания родителей распространяется и на учителей. А дети нашей системы образования (кстати, совсем не самой худшей в мире) на своих учителей наплевали. Те самые люди, которых она образовала, благодаря которой они отличаются от дикарей, теперь командуют бизнесом, от мелкого до крупного. Но желания отдать должное родителям, которые находятся в трудном положении, у них не

возникает. Если опять сравнивать с Соединенными Штатами, то там пожертвования выпускников ° — один из главных источников пополнения бюджетов университетов, особенно элитных. Многие слышали о том, какие огромные суммы собирают «звездные» выпуски Гарварда. У нас есть несколько вузов, которые можно считать кузницей современного российского бизнеса, однако никто не слышал, чтобы там от этого что-то «зазеленело».

В странах, где есть здоровая, рефлекслирующая элита, она быстро и без напоминаний со стороны соображает, что надо взять на себя дополнительные обязанности. Соединенные Штаты, Чикаго, вторая половина XIX века, город возник просто из ничего, в силу очень удачного географического положения, и туда устремилось огромное количество рабочей силы (лимиты, по-нашему). То есть лимита и предприниматели первого поколения ° — «новые американские». И можно представить себе, что там происходило. Богатые жилые дома походили на крепости, они предназначались для артиллерийской осады. И празднички соответствующие ° — 1 Мая откуда пошло? И это все стало несовместимо с жизнью. Но не уезжать же с золотого дна? И в определенный момент силами местной элиты все начало меняться. Причем не с помощью подачек населению или применения полиции, а с помощью культурной интервенции. В течение десятилетия возникли Чикагский университет, Чикагский филармонический оркестр, Чикагская галерея и так далее. И все это высшего качества!

БОЯРЕ И ДВОРЯНЕ

В нашей культуре есть слово для обозначения лиц, принадлежащих к высшему слою элиты, ° — это «бояре». Вне зависимости от того, что это слово обозначало исторически, оно несет еще и значение «сильные люди», то есть люди, обладающие властью и влиянием. «Сильными людьми», или «боярами», можно называть и самих Бояр, и главных представителей высшего слоя элиты: Царя, Государя и Князей. Подробнее о них мы поговорим ниже.

Но элита состоит не только из высшего слоя сильных людей, но и из более многочисленного круга, выполняющего государственные и общественные функции. В истории России такими рядовыми членами

элиты были дворяне. Их историческая заслуга связана как с доблестной царской службой, так и с созданием высокой русской культуры. Их современная интерпретация остается за рамками нашей беседы.

ОТНОШЕНИЕ К ЭЛИТЕ

В России сложилось двойственное отношение к государственной элите. С одной стороны, весьма подозрительное. Конечно, недоверие к высшему слою в той или иной степени есть везде, во всех странах, но у нас оно качественно глубже и основывается на реальных, причем повторяемых исторических обстоятельствах.

В нашей истории были случаи, когда элита предавала страну. Самый яркий пример ° — Смутное время. Можно напомнить и поведение значительной части, элиты во время революций 1905-го и 1917 годов и другие, может быть, менее яркие, но довольно серьезные эпизоды.

Предательства элиты ° — это не какие-то разборки внутри правящего слоя, когда можно обсуждать, «кто больше виноват» и «кто первый начал», и оценивать поведение очередного беглого боярина, а когда она массово предавала не очередного Царя или «преступный режим», а народ, страну. И это травмировало отношение народа и элиты. Создало своего рода традиционное недоверие к элите.

Отмеченная нами особая подозрительность к действиям элиты со стороны остального населения крайне осложняет действия элиты. Получается, что она не обладает своим собственным авторитетом, отличным от авторитета Государя и им не подкрепленным. Она авторитетна только до тех пор, пока действует от имени Государя. Как только она начинает выступать от себя, она оказывается нелегитимна и противна народу.

Но такое отношение ° — только половина правды. Элиту ценят, причем очень глубоко понимают ее значимость. Для того чтобы реально ощутить народные традиции в отношении элиты, возьмем «Пословицы и поговорки» Даля. Ключевое высказывание о государственной роли Бояр: **«Без правды боярской Царь Бога прогневит»**. Эта пословица достойна того, чтобы ее подробно

разобрать. Не без Бояр, а без правды боярской. То есть Бояре имеют некую правду, отличную от царской и от народной, и должны, не кривя, сообщать ее Царю. И это° — самое ценное, что Царь должен от них получить. А если Царь попытается править в одиночку, без этой правды, то он не ошибку совершит, тактическую и стратегическую, а «Бога прогневит»!

Так вот, чтобы Бога не гневить, нам предстоит регулировать отношения с Боярами. Нужна и правда боярская, но нужна и опала, как инструмент царской политики, когда личное или групповое влияние Бояр становится больше царского и нарушается устойчивость государственного устройства. Тогда **«Царь строг и казнит Бояр опалой»**. В чем она, опала, должна состоять, ° — это отдельный разговор, но важно подчеркнуть, что это должен быть гуманный инструмент. Потому что здесь наказание не связано с виной. В опалу отправляют не потому, что человек совершил преступление, а потому, что он стал дисфункционален в государственном устройстве. Опала сродни древнегреческому ostracism или американскому антитрестовскому законодательству. И опять же опала° — это все-таки опаливание, а не зажаривание до углей. И из опалы можно вернуть, что обычно и делают.

Между двумя крайностями: «Без правды боярской царь Бога прогневит» и «Царь строг и казнит Бояр опалой» лежит все многообразие отношений между Царем и высшей государственной элитой.

ЦАРЬ-ГОСУДАРЬ

Царь и Государь по определению являются сильными людьми.

Поговорим о том, почему эти слова иногда выступают как синонимы и почему на самом деле продуктивно разводить их смысловые значения.

Исторически долгое время Царь и Государь были одним лицом. Эти слова часто употребляются как синонимы, что на самом деле неправильно/Например, есть такое употребление «Государь Великий Новгород». То есть Государь ° — это суверен. Соответственно если государство монархическое, то Государем является первое лицо, а если

демократическое, то сувереном может быть весь народ. Каким и являлся Государь Великий Новгород. У нас в России в нынешней ситуации Государь° — это народ России. Хозяином является не Царь, а Государь. **Государь владеет, а Царь правит.** Вот их глаголы. С некоторым приближением можно сказать, что Государь° — это хозяин предприятия, а Царь° — это управляющий, гендиректор. Гендиректору могут быть делегированы очень большие полномочия, но не все. И это очень важно, что не все. В современных условиях Царь не может распорядиться государством. То есть он может распоряжаться тем, чем он управляет,° — слугами, системой управления, кадрами. А страной распорядиться не может. Есть вопросы, которые относятся исключительно к полномочиям Государя° — те, которые раньше решал Земский собор.

И вот здесь у нас очень чувствуется дефицит консенсуальных решений. Например, узаконить результаты приватизации не может ни один президент вместе с Государственной думой, вместе с Верховным судом и т.д. Если бы Путин решил узаконить результаты приватизации, кроме сомнений, почему он решил это сделать, это не принесло бы ничего реального. А вот если бы 80% и более взрослого населения на референдуме проголосовало (не 50, а именно консенсуально° — 80 и более), то это бы означало, что этот рубеж перейден окончательно. На самом деле у нас в истории демократической России консенсуальных решений вообще не было. К того же рода решениям относится установление налогообложения. Не уровень в сколько-то там процентов, а само установление налоговых обязательств. То есть мы берем на себя обязательства платить налоги, потому что это наша страна и те расходы, которые мы оплачиваем, делаются для нас. Такого акта не было. Налоги собираются, потому что «иначе хуже будет». А репрессивный механизм не должен заменять социальный договор, он только добавка к нему.

Кстати, это имеет прямое отношение к «наведению порядка», борьбе с коррупцией и т.п. На самом деле, репрессивный механизм может действовать только как экстремальное добавление к социальному порядку. Нельзя сделать так, чтобы не воровали только из страха. Вот если 90% не воруют потому, что воровать нельзя, то остальных отморозков, которые это не понимают, можно «добивать» другим образом. Еще один пример° — монетизация льгот. Это тот же

вопрос Государя, то есть суверена. Технически против самой идеи нет возражений. Но власть выходит здесь за рамки своей компетенции. Один пожилой человек, узнав об этих планах, сказал: «Что с нами делают?» У народа не должно быть ощущения, что с ним кто-то что-то делает.

Здесь, кстати, очевидна путаница понятий. Разговоры в демократических кругах о том, что Путин является диктатором, затушевывают тот факт, что Путин никаким диктатором не является. Скажем, Пиночет был диктатором, реальным. Не ему говорили, что он является диктатором, а он им был. Но когда внедрялась новая пенсионная система, которую создал Хосе Пиньера, переход в нее был добровольным. И благодаря пропаганде, которую Пиньера больше года еженедельно вел по телевизору, в течение одного месяца более 85% перешли в новую систему. Но 15% оставались в старой системе очень долго, и кто-то остался даже сейчас. И это при том, что власть находилась в «рабочем состоянии»: танки были быстры и стадионы — свободны.

Возвращаясь к монетизации льгот. Возможно, она окажется опасной для президентства Путина. Она может расстроить его отношения со страной. Он пришел к власти, как человек, про которого говорили: «Он такой, как мы». Это на самом деле очень важное чувство. Наполеона ветераны его гвардии называли «наш маленький капрал». Не зашибись какой генерал, а «наш капрал». Это идентификация себя с первым лицом. Он — свой.

В этом разделении — Царь и Государь — есть еще более тонкие вещи, которые тем не менее существенны. Вспомним, как, например, Ельцин скрылся «за носовой перегородкой», когда начались боевые действия в Чечне. Он не имел права этого делать. В том случае, когда нет прямой немедленной опасности для страны, военные действия — это уже дело суверена, Государя. Если страна подверглась внезапному нападению, необходимо немедленно ответить, тогда вопросов нет, это дело царское. Он выполняет функцию оперативного управляющего. Но если нет — это прерогатива суверена. Это не значит, что все надо ставить на плебисцит. Но обратиться к народу, как к своему хозяину-суверену, и объяснить с ним необходимо.

Здесь надо отметить: выступить перед народом — это достаточно тонкая вещь. И это тоже есть форма согласования. Ельцин, например,

не смог выступить перед народом. Потому что это только кажется, что это форма односторонняя. На самом деле она таковой не является. Потому что не всякое слово можно сказать, глядя в камеру, на всю страну, подразумевая, что его услышит каждый российский человек в своем доме.

КНЯЗЬ

Князь° — это очень важная фигура, и на ней стоит остановиться особо. Потому что Князь° — это суд и оборона.

Исторически судья° — это Князь. Поэтому, когда мы говорим здесь о Князе, мы говорим о сущности нашей судебной системы. И это имеет самое прямое отношение к элите, потому что не может быть полноценного государства, где судьи не были бы элитой. Сегодня у нас, говоря о власти ° — законодательной, исполнительной, ° — судебную власть вообще забывают, как будто ее нет. И что зря поминать то, что не имеет большого значения?

На важнейший вопрос, как это положение исправить, мы здесь вряд ли сможем ответить исчерпывающе. Но можно поговорить о человеческом материале, из которого получаются судьи.

Представление о том, что качество судьи зависит от его зарплаты, ошибочно. Мы не против высокой заработной платы. Более того, возможно, ее надо увеличить стократно. Но вопрос не в этом. Вопрос в том, кто такой настоящий судья. А это° — Князь. Князь, кроме того что он является Боярином, имеет еще и личный статус-авторитет, не зависящий от места его нахождения в системе государственной власти. Покойный генерал А. Лебедь сказал бы, что Князь остается Князем всегда, даже в трусах.

Опять же посмотрим на пример. Сначала даже не судебский. В Соединенных Штатах есть такая категория работников: был человек председателем комитета начальников штабов, а затем уходит в отставку. И дальше он начинает гулять по наблюдательным советам, советам директоров крупнейших компаний: «Пепси-кола», «Дженерал моторс»... Их виды деятельности не имеют никакого отношения к военной карьере и никак не связаны между собой. Спрашивается, за что его держат? А держат за то, что он имеет некую публичную

репутацию, которой он соответствует. То есть у него есть личный статус человека, которого прилично назначить. То есть он гарантирует, что вокруг него не разведется большое количество грязи. Потому что если грязь окажется вокруг него, то он себя полностью декапитализирует.

Другой пример. Реальная сцена в провинциальном американском суде. Судья слушает дело и быстро объявляет: «Ну, двух дней тюрьмы этому подсудимому будет достаточно». При этом он даже не ссылается на какие-то статьи и нормативные акты. Еще случай. Один из наших олигархов рассказывал, как он судился в Лондонском арбитражном суде и судья в какой-то момент произнес: «Доводы этого характера я рассматривать не буду!» Причем не ссылаясь ни на какую инструкцию. То есть он как само собой разумеющееся ощущал, что находится в своем праве. Третий пример: наши судьи утверждают, что наши суды завалены делами, им их даже некогда оформлять и т.д. Валерий Абрамкин, наш главный специалист по системе правосудия и системе наказаний, рассказывал о практике парижского суда, которую он в течение нескольких дней наблюдал. Там один судья рассматривает гораздо больше дел, чем у нас. Особенно мелких дел. Но дела рассматриваются так. Вот дело. Истец ° — ответчик или адвокат ° — прокурор. Три минуты. Стук молотком. И пошел... Судье как личности делегировано такое право. Он на такое поведение уполномочен. Это то же самое, как мать, за которой не проверяют, как она сына воспитывает, сына моет и т.д. Ей вменяется определенная обязанность, а дальше существует социальный контроль. И если поведение ее не соответствует каким-то правилам, она тут же заслужит определенное отношение. То же самое касается судьи.

Теперь вернемся к Князю. Князь ° — это фигура, которая несет описанную выше функцию. Это не статус позиции, которую можно утратить. Это личный статус, который нельзя потерять. Наша задача состоит в том, чтобы понять, что судьи ° — это Князья, понять, кто такие Князья в современных условиях и из кого они рекрутируются. Понятно, что они рекрутируются из контингента очень высокой пробы. И пусть их сначала будет мало, пусть их вообще будет мало, все равно это будет стеной хребет судебной системы.

К этому надо добавить, что в судебной системе, конечно, должно быть старшинство. Что имеется в виду? Вот пример из совсем другой

области. Некий современный человек, прихожанин церкви, ходил к своему духовнику, исповедовался, получал от него замечания. Ему показалось, что этого мало.

И он сказал: «Батюшка, благословите пойти в монастырь к старцу». И тот отвечает: «Я вообще-то не советую». Прихожанин настаивал, духовник благословил, и прихожанин явился в монастырь к старцу. А это был январь месяц. И первый вопрос, который старец ему задал, был: «Как ты провел Новый год?» ° — «Как все ° — выпил, закусил». ° — «Нарушал пост?» ° — «Нарушал, ну как все». Прихожанин считал это за малость, а старец оказался другого мнения и наложил на него епитимью. Тот буквально прибегает обратно к своему духовнику и сообщает ему о неожиданном результате визита. «А я тебе говорил ° — не надо туда ходить. Сам напросился, а теперь не в моих силах это отменить, надо исполнять!» И вот старшинство судей, как нам представляется, должно быть устроено таким же образом, чтобы можно было сказать: «Можно обратиться к судье, но вообще-то мы не советуем, лучше разберитесь сами. Можно апеллировать к суду высшей инстанции, но не советуем...»

А еще есть старший, Великий князь, это ° — Царь, он замыкает судебную систему. А у него есть думные Бояре ° — Верховный суд. Но разговор на близкую, но другую тему мы отложим для другого случая.

И последнее. Надо понимать, что такая система будет городской и будет идти вразрез с территориальным устройством. А значит, будет одной из сетей, реально объединяющих страну.

ЗВАНИЕ И ДОЛЖНОСТЬ

Боярин и Князь ° — это звания. Но звания применимы не только к элите. Они имеют фундаментальное значение в организации общества на всех его уровнях.

Современное понимание звания можно прочесть в словаре С. И. Ожегова: **...официально присвоенное наименование, определяющее степень служебного положения и квалификации в области какой-нибудь деятельности** ° — воинское звание, ученое звание, звание заслуженного артиста. Однако русская сема этого

слова, с которой мы сталкиваемся в пословицах и поговорках, намного глубже и шире.

Глубже, потому что, по сути дела, официальная организация звание не присваивает, а признает и тем самым, пользуясь метафорой Р. Бернса, ставит «штамп на золотом», а не производит сам золотой. О тех же, кто не стал «золотым», говорят, что **он не дорос до этого звания, звание ему присвоили преждевременно**. Шире, потому что мы должны говорить не только о **воинских, научных и др. званиях**, но и о званиях, например, **отца, матери, жены** и т.п.

Что же такое *звание*? *Человек присваивает себе общественно понятный знак. С ним он получает права и обязанности. Права позволяют кричать, к примеру: Я мать и требую!* А обязанности означают возможность получения пинков от первого встречного поперечного: **А еще мать!** Кстати, одно лицо может нести и несут много званий: мать, жена...

Характерная словесная конструкция со званием: **должен (должна)**. Кому должен? Особенность звания состоит в том, что должен всем. Уж если ты принял на себя звание, то должен всем. Иначе будешь получать в выражениях: **А еще мать, ученый...** и т.д.

Отметим, что отнюдь не все профессии ° — звания. Нет звания **рабочий**, сколько бы о нем ни говорила коммунистическая пропаганда. Попробуйте сказать рабочему: **Ты как рабочий должен!** Ответ будет непечатным. Нет звания **предприниматель**, и потому он никак не может вписаться в наше общественное устройство. А вот звание работник ° — есть, и известно, что должен делать работник. Еще тот работник ° — говорят о не состоявшемся в этом звании персонаже. Со званием *сочетается* должность. Если звание ° — качество лица, то должность ° — качество места. Словесная конструкция со званием: **обязан**. Обязан тем, с кем связан. Должностные обязанности. Звание и должность должны подходить друг другу, поэтому они часто употребляются в паре: звание и должность.

Звания являются важнейшим инструментом поддержания социальной дисциплины. Если человек никому ничего не должен, за его асоциальное поведение невозможно спросить.

КРУГОВАЯ ПОРУКА

Когда мы говорим о методах социального контроля, стоит вспомнить мощный инструмент русской культуры под названием «круговая порука». Этот социальный механизм, конечно, употребим не только для элит. Он может распространяться на все общество.

Этот инструмент не надо создавать. Он есть. Князей надо создавать. Бояр ° — воспитывать, а круговая порука ° — всегда под рукой. Вспомните советскую практику. Предприятие, «почтовый ящик». Как бороться с опозданиями? Вводить военную дисциплину для штатского персонала? Человека премии лишать? Неэффективно. Лишить премии весь отдел ° — это очень эффективно. Это называется «быть за круговой порукой».

Сегодня круговая порука ° — это вроде ругательства. Клеймо. Чиновники ° — круговая порука, милиция ° — круговая порука. Ищи крайнего! И на самом деле это совершенно правильно. Есть поликлиника. В поликлинике круговая порука. В одном кабинете полдня принимает врач «от Бога», который лечит, а полдня ° — который калечит, «убийца», взяточник и т.д. Но это не нарушает социального мира в поликлинике. Можно сказать, что все они реально находятся за круговой порукой. В том числе и этот замечательный врач.

Как из этого положения выходить? А выходить надо!

Если они связаны круговой порукой, то пусть и отвечают круговой порукой. То есть людям, работающим в поликлинике, вменяется договор о коллективной ответственности. Это означает, что определенный тип нарушений переносится на всех сотрудников. И если милиция ° — какой-то отдел ° — находится за круговой порукой, пусть там и находится. Это означает, что если один попался, то увольняются все. А дальше происходит следующее. Начинается тот самый долгожданный процесс отделения пшеницы от плевел и овец от козлиц: потому что если я приличный человек, то зачем же мне отвечать за подонков? Соответственно хорошие люди будут уходить из коллективов, где возобладали подонки, а подонки будут выкидываться из коллективов, где возобладали хорошие нормы.

Кстати, в Чили, знаменитой в мире своей удивительной некоррупционностью, есть два учебных заведения, которые воспитывают элиту, и они похожи на наш Царскосельский лицей. В них учат соблюдать в жизни правила игры. И в некотором смысле выпускники этих заведений находятся за круговой порукой. То есть их

никто не наказывает прямо, но выход за пределы тех самых этических правил, которым их учили, ° — это хуже, чем наказание. Это значит быть растоптанным в глазах своего круга, стать изгоем. То есть воспитание элиты может начаться с того, что выпускники неких элитных учебных заведений, куда отбор крайне строгий (это могут быть очень небольшие выпуски, больше, собственно, и не надо, и понятно, что их выпускники так или иначе будут занимать высокие государственные посты), добровольно оказываются за круговой порукой. Когда бесчестие распространяется на всю группу. Это общий принцип. Предлагать конкретные рецепты здесь, наверное, неуместно. Но важно, чтобы все это было крайне серьезно.

ЧТО КАСАЕТСЯ ОПАСНОСТИ ПЕРЕБОРЩИТЬ...

...то такая опасность всегда существует. Но у нас в институте часто цитируется высказывание современного петербургского философа Сергея Чебанова: «Все настоящее опасно!» Например, в армии выдают оружие. Настоящее, не игрушечное. И это опасно. Однако это не повод отказываться от армии. А у американцев, где положение армии в обществе достаточно отрегулировано, говорят, что, после того как вы создали армию, вы не совсем свободны в решении вопроса, сколько денег на нее выделять. Поэтому и используются такие сложные вещи, как долг, честь, присяга и т.д. Этот пример может быть распространен на все подобные «опасные» механизмы.

Михаил Юрьев
**СОСЛОВНОСТЬ В РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ**
**(Отрывок из книги «Третий Рим.
Утопия»)**

В книге вымышленный американский аспирант рассказывает о России по итогам своего путешествия в 2053 году. Он описывает Россию, которую наблюдает, и ее историю с древних времен до периода его путешествия, которую узнает из российских источников... В главе 3 излагаются основные конституционные **принципы** Российской Империи.

СОСЛОВНОСТЬ

Сословность ° — существеннейший элемент государственного и общественного устройства Российской Империи, без которого ее невозможно представить; четвертый из пяти краеугольных камней конституционной реформы Гавриила Великого 2013 года. При том, что само слово «сословие» вряд ли покажется кому-либо из вас, дорогие соотечественники, вовсе не знакомым, очень трудно дать определение, что же это такое. У нас нет эквивалента в общественном устройстве ° — никакие имущественные, социальные или профессиональные группы в Американской Конфедерации сословиями не являются. Ни в коей мере не являются сословия и синонимом марксистских классов, поскольку не относятся к сфере общественного производства и вообще экономики. Не являются российские сословия и прямым аналогом феодальных сословий, и даже не потому, что они не наследственные, а потому, что по сравнению с разницей между разными российскими сословиями сословия феодальные не так уж сильно и отличались друг от друга. Есть соблазн сказать, что это группы, к которым закон относится по-разному; но в соответствии с пятым элементом

упомянутой конституционной реформы, разноправием, закон в России может относиться по-разному и к группам из одного сословия. Наверное, я не смогу дать лучшего определения, чем то, что сословия в России ° — это группы с принципиально разным конституционным положением; надеюсь, что вам станет более понятно, о чем я говорю, после прочтения дальнейшего. В Российской Империи три сословия: первое, называемое **духовным сословием, или духовенством**; второе, называемое **служилым сословием, или опричниками**; и третье, называемое **податным сословием, или земцами**, в просторечии ° — просто народом (название не должно вводить в заблуждение ° — в него входят люди от нищего до миллиардера). Против логики, я начну со второго, потому что так быстрее станет понятно, что же такое сословия в России.

НАЧАЛО ПУТИ

По достижении возраста пятнадцати лет любой житель России ° — не обязательно даже гражданин ° — независимо от пола, вероисповедания и национальности, а также любых поражений в правах, может прийти и подать заявление, что он (или она) хочет стать опричником. Верхнее ограничение в возрасте раньше было до сорока лет, а 9 лет назад, в связи с распространением противовозрастной терапии (она в России, как и у нас, покрывается базовой страховкой), увеличено до пятидесяти и, наверное, вскоре будет поднято до шестидесяти; далее вам станет понятно, от чего это зависит. Единственным заведомым противопоказанием является решение медицинской комиссии о негодности, но при нынешнем уровне генетической и регенерационной терапии это крайне редкий случай. Когда я говорю прийти и подать заявление, я имею в виду физически прийти в специальные пункты ° — их в России около трехсот, расположенных более или менее равномерно по стране; из некоторых мест доехать до ближайшего не так уж и близко, но опричники говорят, что захочешь ° — доберешься. Когда человек появляется там и подает заявление, его отводят в специальное помещение в этом пункте (типа закрытого гостиничного номера на несколько человек) и оставляют там подумать на трое суток, во время которых его кормят и

вообще нормально с ним обращаются, но полностью запрещают контакт с внешним миром ° — от телефона и компьютера до очных встреч с кем-то; общение внутри пункта с себе подобными соискателями и опричниками допускается без всяких ограничений. Соответственно и те, кто хочет переговорить с ним, не могут этого сделать, сколько ни старайся: это относится к кому угодно, от родителей или супругов до милиционеров с постановлением суда на его арест. Когда три дня проходят, человеку предлагают подать заявление еще раз, объясняя, что можно и не подавать, ° — т.е., по сути, спрашивают, не передумал ли он. Если передумал, с ним прощаются (причем без всякой злобы) и выпроваживают на все четыре стороны. Если же нет, он подвергается т.н. собеседованию, представляющему из себя допрос с применением психотропных средств и нейросканирующей аппаратуры. Такого рода допросы, при которых человек говорит все, что знает, как я уже писал во вступлении к этой книге и еще буду подробно описывать далее, в главе про систему правосудия, весьма распространены в Российской Империи и составляют важную часть их жизни; но если для земцев они проводятся по решению суда (все это очень детально регламентировано законом), то опричники ° — включая кандидатов в опричники ° — подвергаются им только добровольно (духовенство не подвергается вообще). Во время собеседования выясняется, в сущности, один вопрос: каковы мотивы кандидата, то есть действительно ли он хочет стать и прожить всю оставшуюся жизнь опричником, или доминируют какие-либо иные мотивы. Если этот мотив действительно главный, то все остальные не имеют большого значения. Например, если выясняется, что человек скрывается от правосудия, но на самом деле давно решил стать опричником, а указанные обстоятельства просто повлияли на время его прихода в пункт, то это приемлемо; а вот если уйти от наказания и есть главный мотив, тогда его не возьмут. Особо обращается внимание на то, чтобы истинным мотивом не была любовь к насилию вообще, ° — это считается неприемлемым. Если с мотивами все нормально, то он проходит уже упомянутую мной медкомиссию и получает заключение о годности, которое является третьим документом кандидата (а всего их пять), после заявления и заключения по собеседованию. Четвертым документом является свидетельство о том, что кандидат является

русским и православным ° — нерусский или неправославный опричником и даже кадетом (так называют опричников в течение начальной военной службы°— см. ниже) быть не может; этот принцип, который нам, соотечественники, представляется абсолютно диким и возмутительно дискриминационным, в России лежит вполне в русле общих принципов общественного устройства. Впрочем, являясь дискриминационным, расистским он не является: русский, но не православный, просто крестится в ближайшей церкви, а нерусский крестится и, кроме того, приносит присягу русского, официально становясь русским; о готовности это сделать должно быть написано в заявлении, иначе его не примут, и именно поэтому выше я писал, что опричником может стать любой житель России, независимо от национальности и вероисповедания. Кстати, эта процедура, по которой можно стать русским, называемая «породнение», прописана в российской конституции и является правом любого жителя России, а не только кандидата в опричники ° — просто для последних она обязательна (если он нерусский). Пятый документ°— присяга кадета, которая тогда и приносится; это еще не присяга опричника°— у них вообще нет присяги, а ее место занимают обеты (см. далее).

НАЧАЛЬНАЯ СЛУЖБА

После этого, то есть обычно на пятый или шестой день после того, как пришел в пункт, человек, уже став кадетом, отправляется на т.н. начальную военную службу. Впрочем, военной ее назвать можно лишь условно, поскольку готовят на ней из кадетов не солдат или офицеров, а вообще опричников, тем не менее у русских она называется военной; начальной же она называется потому, что опричник служит всю жизнь. По сути, это вообще не служба, а нечто вроде нашей военной или полицейской академии, только восьмилетней, и с большой спецификой, о которой я сейчас и расскажу. В ней преподают общефизическую подготовку, с упором на выносливость (на уровне наших коммандос); рукопашный бой, владение всеми видами оружия, включая простую военную технику (на уровне наших коммандос); специальную физическую подготовку, типа нечувствительности к боли, мобилизации всех ресурсов

организма, умения замедлять или, наоборот, усиливать его функции (на уровне самых элитных подразделений командос); ментальные техники, такие как внушение и сопротивление чужому внушению, ощущение удаленного человека, предчувствие опасности (на уровне не знаю кого у нас — может, каких-то секретных агентов). В общем, все кадеты — а их выпускается от миллиона до двух в год — превращаются в совершенные боевые машины, явно превосходящие наших командос (об обычных солдатах я и не говорю) и не уступающие бойцам лучших элитных подразделений, а в чем-то их превосходящих.

Чтобы вы поняли, соотечественники, физические возможности русских опричников, приведу один пример: в армии (кроме механизированных войск — я еще буду писать о российской военной организации в соответствующей главе) полное боевое снаряжение опричника — включая женщин! — составляет от шестидесяти до восьмидесяти килограммов, и даже облегченное более сорока; и в нем опричник бегом, даже без использования скороходов и антиграва, пробегает до пятнадцати километров, после чего без отдыха вступает в бой. С необходимостью вынести это обучение и связано верхнее ограничение в возрасте, поднимаемое по мере совершенствования противовозрастной терапии. Кроме физической и боевой подготовки, а также психологической, вырабатывающей психологические навыки (умение запоминать, медитировать и пр.) и психологическую устойчивость в стандартных ситуациях, кадеты получают общее образование, примерно в объеме нашего хорошего колледжа; естественным и гуманитарным наукам уделяется примерно равное внимание. Весьма значительное место занимает религиозное воспитание, поэтому правильнее было бы уподобить их образование не обычному нашему колледжу, а католическому. У них, однако, есть еще один компонент подготовки — идеологическая, занимающая не менее часа в день; на ней им вдалбливается — я не могу подобрать другого слова, а сами опричники против его употребления не возражают — все их сословные принципы и установки: об отношении к своей стране и к другим странам, к своему и другим народам, друг к другу и к другим сословиям, и т.д. Вот все это составляет содержание их обучения (или, по их терминологии, службы) первых пяти лет. Вы вправе спросить, а как же они все это успевают, даже будучи

психологически продвинутыми? Ответ прост: у них вообще нет свободного времени. Занятия продолжаются шесть дней в неделю, чистых десять часов в день, с 9 утра до 8 вечера, с часовым перерывом на обед; в 8 ужин, в 9 вечерняя молитва, в 11 отбой; и только в воскресенье, после литургии и обеда, у них «все» трехчасовая физическая подготовка, и с 5 вечера они свободны. В 7 вечера начинается праздничный воскресный ужин, на котором они напиваются,° — и этим заканчивается воскресный отдых. Выезжать из лагеря, где они служат, первые три года нельзя вообще, в последующие пять можно лишь достаточно редко; то же относится к посещению их родственниками и знакомыми. Выход в сеть для вызова фильмов или вирту, да и вообще кроме как в учебные сайты, также не разрешается (к бумажным книгам это не относится, чтение, наоборот, поощряется); конечно, кадет технически может это сделать, но такого не бывает, как и вообще нарушений дисциплины: они ведь находятся там сугубо добровольно. Кадеты в возрасте до 25 лет и те, что старше, служат раздельно первые три года, но это связано не с какими-то трениями или даже разными физическими возможностями, а с комфортностью адаптации. Кстати про физические возможности° — обучение кадетов абсолютно не конкурентно: не только, в отличие от любой нашей академии, у них нет рейтинга лучших, но и даже из самого процесса подготовки полностью убран соревновательный элемент. Это жесткая позиция их сословия: опричники не конкурируют друг с другом, у них нет чинов или званий, они просто ° — опричники, «дозор», как они сами себя называют; и заработная плата, называемая у них жалованьем, как и любое другое обеспечение, одинакова у любого из них, от рядового бойца до императора. Если кто-то хуже успевает по какой-то части подготовки, остальных просят ему помочь; это не считается обидным, поскольку из-за обилия дисциплин он наверняка силен в чем-то ином. Вообще не обидеть ° — важное и императивное требование обучения кадетов; сословный устав требует абсолютного (на наш взгляд, даже несколько смешного) уважения к кадету (к опричнику ° — тем более); к примеру, все преподаватели и начальники и подавляющая часть остальных кадетов называют кадета только на «вы». Таким образом, традиционный, хорошо известный у нас по фильмам и вирту типаж зверя-сержанта, орущего на солдат-новичков и унижающего их, хотя в принципе и справедливо, в современной

России абсолютно невозможен: кадет просто убьет его при первом оскорблении, и будет не просто в своем праве, но и поощрен.

Но вернемся к образу жизни кадетов. Мужчины и женщины служат вместе (с различающимися, конечно, программами физподготовки, но не сильно), в отличие, кстати, от российских школ, где обучение раздельное. Один опричник объяснил мне глубинный смысл этого: для земцев, особенно молодых, существо другого пола°— это всегда потенциальный сексуальный, а то и вообще брачный, партнер; а в партнере должна быть какая-то тайна, иначе секс превращается либо в механику, либо, наоборот, исключительно в совместное ведение хозяйства. Действительно, социологические исследования довольно убедительно показывают, что введение в России раздельного обучения в 2013 году дало существенно больший вклад в увеличение рождаемости, чем, например, материальные льготы, ° — вклад, сравнимый по эффекту с мерами по изменению общественного статуса материнства и созданию семьи «нового» типа (см. главу «население и демография»). А для опричников существо другого пола (как, впрочем, и своего)°— это боевой товарищ, и ровно по этой причине в нем ни в коем случае не должно быть никакой тайны. Вообще организация сексуальной жизни кадетов немудрена: преимущественно она сводится к тому, что в определенные дни им в лагерь привозятся секс-работники обоих полов, с которыми устраиваются пьяные или наркотические оргии; чаще всего это происходит в конце воскресного ужина. Если же какому-либо кадету этого недостаточно, он говорит куратору, и ему или ей привозят секс-работника персонально, если надо ° — регулярно; но это не очень распространено, гораздо более характерным и для кадетов, и для опричников является отношение к сексу (и вообще к плотским удовольствиям) как у моряков во времена парусного флота, то есть не как к части повседневной жизни, а как к чему-то, что происходит время от времени, после тяжких трудов и, как правило, в загульном варианте. Связи между разнополыми кадетами никак не регламентируются°— ни возбраняются, ни поощряются, °— и они не редки, но, как правило, имеют место только при наличии серьезных отношений; при таком отношении к сексу и сексуальным партнерам, как я только что описал°— я бы назвал его презрительным, °— это и немудрено: ведь кадеты уважают друг друга. Что касается однополых

связей, то еще в заявлении будущий кадет-мужчина должен написать, что он не имеет гомосексуальной ориентации (это требование) и несет ответственность за правдивость; женщины ничего не пишут и нередко выбирают секс-работников женского пола. При этом под мужской гомосексуальной ориентацией у опричников, в отличие от духовенства и земцев, понимается только строго пассивная роль, а активная особо не возбраняется (хотя это все нигде не написано). Почему это так и как вообще можно это разделить ° — ведь все американские мужчины, имеющие гомосексуальный опыт, а их большинство, знают, что обычно имеешь поочередно обе роли, ° — я так и не понял, так же как и то, почему гомосексуализм не запрещен для женщин, хотя и не поощряется в отношениях между кадетами-женщинами. Обычно законы о сексуальных меньшинствах в России (см. главу «конституционные принципы: разноправие») имеют апологию в том, что это противоестественно; при всем моем несогласии с этим я по крайней мере могу понять этот аргумент, но почему пассивный мужской гомосексуализм считается у русских противоестественнее, чем активный или женский, я не понимаю.

Такая служба продолжается пять лет, а затем кадеты выбирают на остающиеся три года специализацию, продолжая службу, т.е. обучение, в одном из трех т.н. «опричных корпусов»: корпусе воинов, корпусе стражей или корпусе правителей. Корпуса скорее являются типом образования и подготовки, нежели частями опричного сословия; по крайней мере, принадлежность опричника к одному из них никак не обозначается, даже на неформальном уровне. Корпус воинов готовит армейцев, корпус стражей ° — полицейских, а корпус правителей ° — гражданскую администрацию; впрочем, различие подготовки не носит критического характера, и в последующем опричники, как правило, проходят неоднократную переподготовку, так что, например, 40-летний опричник (если он пришел служить в 15–20 лет), скорее всего, имеет полную подготовку во всех трех корпусах. Во время этих трех лет кадеты уже активно участвуют в соответствующей работе и поэтому, хотя в основном продолжают жить в лагере, регулярно надолго переезжают жить в общежития для опричников. Кстати, раньше, с 2013 года, когда была введена опричина, и до учреждения Третьей Империи в 2020 году, начальная служба была не восьми-, а пятилетней: базовая служба продолжалась три года, а

специализированная два. По завершении начальной службы происходит главное событие в жизни опричника^о — принесение трех обетов, после чего он, собственно, и становится полноценным опричником.

ОБЕТЫ

Обет первый^о — обет служения. Принося его, опричник клянется в том, что служение Империи и ее народу (именно в такой последовательности) есть главная и высшая цель в его жизни и смерти; что именно самозабвенное исполнение этой цели и есть его путь к спасению души и обретению жизни вечной. В том, что ни при каких обстоятельствах, ни из жадности, ни из трусости, ни из властолюбия, ни из тщеславия, не отступит он от этой цели. «Как Господь наш Иисус Христос завещал в притче не зарывать в землю талант свой, данный тебе господином, ° — произносят опричники ритуальный текст, ° — так и я не зарю в землю ту решимость защищать страну свою и народ свой до конца, что дал Он мне». И далее: «Мы дозор, который бережет эту землю Господню; мы пастухи, которые охраняют на этой земле овец Его. Добрый пастырь жизнь свою кладет за овец своих, учит нас Господь, и мы без сомнений и печали отдадим свою жизнь за страну и народ, потому что поручил их нам Хозяин овец и пастбищ. А иначе не обречем жизнь вечную на небесах, а на земле жизни вечной и так никому не обещано». Кстати, эта метафора ° — восприятие себя как пастухов ° — играет, наряду с восприятием себя как дозора, важную роль в мифологии опричников: их сословная эмблема имеет именно такой смысл, хотя на самом деле это смысл превращенный. Дело в том, что само понятие «опричники» возникло в XVI веке, при царе Иване IV Грозном, и оставили они по себе вовсе не добрую память, являясь общероссийским карательным отрядом; их эмблемой была собачья голова и метла, что означало «грызть, как псы, вычищать, как метла» (в смысле врагов царя). У нынешних же опричников (почему они так назвались ° — см. главу «история») она превратилась в собачью голову и пастуший посох, что означает «пасти и защищать». Поэтому, к слову сказать, собака считается у опричников священным сословным животным; они ввели закон о собаках,

установивший для собак в Российской Империи совершенно особый статус, типа статуса коров в Индийской Федерации, а если опричник увидит на улице кого-то мучающего собаку, он его убьет на месте (это часть третьего обета, см. далее). Но вернемся к первому обету. Опричник обещает защищать не только страну и людей, но и веру и Церковь: «Церковь есть тело Христово, я же есть телохранитель. Господь защищает нас, мы же обязаны защищать дело Его на земле». Причем в обете это взаимосвязано: Империя в нем представляется не как место, где живут вверенные опричникам самим Господом люди (вернее, не просто как такое место), а как религиозная ценность, имеющая поистине космическую значимость. «Царство дьявола ° — анархия и тирания», есть слова в обете, «и только тонкая цепь нашего дозора отделяет закон, порядок и справедливость от этого царства. Не будет нас ° — не будет угодной Богу Православной Империи». Здесь важно понимать, что каждый опричник (и это находит свое отражение в первом обете) осознает себя как автономную и самодостаточную грозную боевую единицу: дело тут не только в том, что один опричник в полном боевом снаряжении (а оно хранится по месту жительства у любого опричника ° — я еще буду писать об этом в главе «военная организация») обладает достаточной огневой мощностью, чтобы убить тысячи, а в большом городе и десятки тысяч, человек и уничтожить целые подразделения, а то и части, врага. А в том, что и без оружия и брони он есть почти такая же грозная сила, потому что везде, где есть цивилизация, он завладеет необходимым оружием или изготовит его, ° — а там, где цивилизованность низка, оно ему и не нужно. «Моя сила в моих товарищах, ° — произносит опричник, ° — но отсутствие живых товарищей не остановит меня в моем долге. Пока я жив, Империя стоит, даже если я последний живой». В этом ощущении у опричников причудливо сплетаются крайний коллективизм с крайним индивидуализмом, стоицизм и фатализм с космическим самовосприятием; и очевидно, что свой вклад в это вносит не только Православие, но и мироощущение дальних языческих предков русских, варягов, которые верили в то, что в последней битве богов, Рагнарек, боги и люди потерпят поражение и изменить этого нельзя ° — но все равно надо биться до последнего. «Я служу ради службы, ° — говорит опричник, ° — а не ради победы». И, наконец, очень важное место в первом обете занимает тема бескорыстности служения. «Не

для кормления приставлен я к стаду,° — звучат слова обета,° — но для защиты. Не народ создан для моего удобства, но я для того, чтобы служить ему, ибо такова воля Божья».

Второй обет° — обет умеренности. На разговорном языке в народе он называется обет бедности, но, как вы увидите из дальнейшего, официальное название точнее передает его смысл; интересно, что обет нестяжательства, который приносят наши католические монахи, по смыслу является лишь частью этого обета. Существо этого обета в презрении ко всему материальному: к деньгам, имуществу, комфорту и удовольствиям. Опричник клянется не накапливать денег и не думать о них, не приобретать и вообще не иметь собственности, кроме самой необходимой для жизни и выполнения долга, а и за ту не держаться и не огорчаться при ее потере. «Не скапливайте себе сокровища на земле, ибо тогда на земле будет сердце ваше, учил нас Господь, ° — говорит опричник, ° — и я обещаю точно следовать этому». При чем все устроено так, что он может не думать о деньгах, потому что, становясь опричником, человек начинает получать жалованье, которое, как он знает, не изменится до конца его жизни (кроме индексации). Его размер ° — ныне он составляет 1216 рублей в месяц, т.е. около 5000 наших долларов ° — вполне достаточен для нормальной скромной жизни, но у опричников от него, наоборот, почти всегда остается, потому что они практически ничего не покупают из вещей и мало за что платят. Судите сами: квартир и домов опричники не покупают, это считается прямо запрещенным вторым обетом; они или живут в общежитиях, о которых я расскажу чуть позже, и ничего за это не платят, либо снимают квартиру, что оплачивается бухгалтерией их базы. Опричнику не возбраняется снять более дорогую квартиру, чем предусмотрено бухгалтерией, и доплачивать разницу самому, но никто из них не смог вспомнить таких случаев (потому что незачем, в их понимании). Они все бесплатно пользуются одинаковыми автомобилями, которые называются «Каштан Импульс-универсал» и представляют из себя довольно уродливый, но большой и мощный военный внедорожник с турбиной; их выпускают специально для армии и полиции, и продажа их кому-либо кроме опричников, в т.ч. юридическим лицам, запрещена. Хотя они считаются общим имуществом (казенным, как говорят русские), то есть попользовался ° — верни на место до следующего раза, опричник может взять

автомобиль только для собственного пользования и держать его по месту жительства; это бывает не редко, но и не так уж часто, потому что опричники любят пользоваться общественным транспортом или ходить по улицам, считая это дополнительным патрулированием (см. далее). Из одежды и обуви они большей частью носят гражданскую форму (см. далее), которая вся бесплатна, а другую одежду в основном используют для «свободного поиска», т.е. скрытого патрулирования, и по этой причине она самая невзрачная и дешевая. Медицинское обслуживание у них, естественно, бесплатно, поскольку оно бесплатно в России для всех, а если у них есть дети, они тоже не особо за них волнуются, потому что на каждого ребенка, у которого хотя бы один родитель опричник, до 15 лет выдается пособие, ныне равное 204 рублям в месяц; к тому же среднее образование в России бесплатное, а высшее в основном бесплатное. Обычные развлечения земцев, такие как кино, вирту или обще-вирту, спортивные соревнования, казино, дискотеки и т.д., ° — опричники презирают, считая их все декадансом (особенно презирают они спорт, считая его пародией на военные навыки); по сути, они тратят деньги только на еду и выпивку или наркотики либо на секс-услуги. Но и в этом они предпочитают все простое и недорогое, причем это не связано с деньгами, а отражает их твердую убежденность в том, что все дорогие, совершенные вещи и услуги не просто бесполезны, а мерзки ° — образно выражаясь, они считают, что эксклюзивное двадцатилетнее красное вино не просто ничем не лучше дешевого портвейна, а хуже. Это связано с их представлением о том, что комфорт и удовольствия создают зависимость от себя, т.е. поработщают, и высасывают, таким образом, из них силу, которая для них является культом (на их сословной эмблеме, под собачьей головой и посохом, большими буквами на вымпеле написано слово «СИЛА»). В обете есть слова «не дам одеть на себя ярмо богатства, которое тяжелее, чем ярмо нищеты; не дам посадить себя в золотую клетку, которая крепче стальной. Не дам удовольствиям мира сего выпить из меня силу, заменив ее на изнеженность». Теперь вы понимаете, дорогие соотечественники, почему я написал, что название «обет умеренности» точнее, чем «обет бедности»: бедность есть характеристика возможностей, а умеренность ° — желаний, проистекающих из представлений. Понятно также, почему этот обет не сводится к нестяжательству: само по себе

отсутствие имущества вовсе не означает умеренности в привычках и презрения к комфорту ° — коммунистическая элита времен поздней Второй Империи в России жила очень широко, формально не имея особой собственности; то же можно сказать о российских криминальных лидерах, т.н. «ворах в законе». Но вернемся к материальной стороне жизни опричников: завершающая причина, почему они могут не думать о деньгах, ° — это наличие системы, называемой «общак»; это значит, что перечень того, что оплачивает за них база, не закрытый. Поясню на примере, что это значит: однажды я разговаривал с опричниками на их базе, расспрашивая их обо всем (кстати, они ко мне везде относились довольно дружелюбно), и услышал разговор о том, что один из них вчера устроил в каком-то заведении дикий загул, заплатить за который у него не было денег, и заведение тут же отправило электронный счет на базу и получило проплату. На мой вопрос о том, должен ли он будет отдать эти деньги, опричники пожали плечами: захочет ° — отдаст, не сочтет нужным ° — нет; никто ему ничего не скажет, если это не слишком часто. Если же у него есть реальная нужда в чем-то крупном, выходящем за пределы его финансовых возможностей, но не за пределы второго обета (например, пластическая хирургия или платное высшее образование для подруги или ребенка), за это заплатит база, даже если это и большая сумма; в последнем случае решение об этом примет их сход, называемый опричным собранием.

Третий обет ° — это обет чести. В нем содержатся, если обобщить, все существенные моральные нормы и правила поведения служилого сословия, не вошедшие в первые два обета. Опричник клянется в верности сословию, в его примате для него над всем другим: «Нет у меня ни семьи, ни дома. Опричина ° — моя семья, и Империя ° — мой дом». Он обещает никогда, ни вольно ни невольно, не оскорбить и не подвести своих товарищей; защищать жизнь другого опричника, в т.ч. и ценой своей жизни, а равно и всех людей других сословий. Он также обещает хранить сословную и имперскую честь перед другими сословиями, не спускать оскорблений (по крайней мере демонстративных) себя, опричины и Империи: «Если кто-то сознательно оскорбит меня, мою страну или сословие, я не буду обижаться, но и не оставлю ° — я накажу». Это «накажу», между прочим, может при сильном оскорблении означать и смерть обидчика,

поэтому народ весьма внимательно относится к своим словам («фильтруют базар», на разговорном языке) в присутствии опричника или незнакомца, который может им оказаться. Сами же опричники обещают: «Никогда не опущусь до оскорбления словами кого-либо° — того, кто истинно это заслуживает, надо наказывать действием». Далее идет обещание равного отношения ко всем и вся, т.е., по сути, недискриминации по любому признаку: «Как пастух не может одну овцу выделять и защищать, другую же бросить, так и я обещаю не держать ближе к сердцу никого из народа, но за всех иметь равную ответственность. И как не может дозор одни места охранять, а на другие махнуть рукой, так и я обещаю ни одну из земель Империи не держать ближе к сердцу, но все одинаково». Вообще третий обет самый длинный, в нем есть еще обещание нетерпимости к любому встреченному злу, обещание помощи всем особо уязвимым (неможным и убогим, детям, старикам, а также священным для опричников собакам) и многое еще в том же духе.

Принеся обеты° — а начинается каждый из них словами: «Перед Богом и людьми обещаю...» ° — опричник проходит два особых православных таинства: венчание на службу и миропомазание. Эти таинства не совершаются Церковью, во всяком случае в таком виде, над обычными людьми, а только над царями ° — это соответствует статусу опричников как коллективного царя (см. далее). Венчание есть символическое возложение короны, такое же как при венчании на брак, только соединение происходит не с супругом, а со страной; миропомазание совершается второй раз (первый у православных соответствует нашей католической конфирмации и происходит сразу после крещения) и означает снисхождение особых даров Святого Духа, необходимых для опричного служения, и завершается причащением новопомазанника в алтаре как защитника Церкви. После этого опричнику вручают личную карточку, персональное полное боевое снаряжение и два комплекта гражданской формы, и на этом обряд заканчивается, по крайней мере его торжественная часть: все поздравляют новоиспеченного опричника и идут праздновать ° — это событие у опричников называется «прописка», а само застолье, как и любое сословное застолье, называется у русских «братчина». Начинается служба (в смысле не обучение, а работа, хотя службой у них называется и то и другое), которая продолжается до смерти

опричника: как бы нам ни было трудно поверить в это, соотечественники, но у русских опричников нет ни понятия пенсии, ни понятия инвалидности. Для ослабевшего опричника ° — от старости или увечья ° — подыскивается адекватная работа: я своими глазами видел опричника, у которой не было правой руки и обеих ног (ранение произошло задолго до внедрения регенерационной терапии), и она работала удаленным оператором беспилотного истребителя-перехватчика с помощью сделанного специально для нее интерфейса. Остальные относились к ней как к равному товарищу, не делая вид, что они не замечают ее увечья, но и не концентрируясь на нем, ° — например, брали на все свои пьянки, но подносили ей стакан и закуску; по виду она была настолько счастлива, насколько это возможно. Поэтому теперь, после своих очных наблюдений, я считаю любимую фразу опричников «Служба ° — это жизнь, а жизнь ° — это служба» не метафорой, а совершенно буквальной истиной.

ЖИЗНЬ И СЛУЖБА

Как живут и служат опричники? Жить они предпочитают в общежитиях, которые представляют нечто типа дешевой гостиницы, обычно с блоками две комнаты ° — один общий санузел. Комнаты бывают на одного и на двоих; кухня (которой, впрочем, пользуются редко) и столовое помещение ° — одно на этаже. На одном из этажей общая столовая, с кухней с поварами ° — ею пользуются часто: опричников тянет друг к другу, поэтому они любят есть вместе, поэтому же они относительно редко снимают квартиры. В той же столовой каждое воскресенье происходят братчины; впрочем, раз в месяц, т.е. каждый четвертый раз, устав велит оприщикам приходить на братчину к земцам. Работают опричники, живущие в городах, в полиции, или спецслужбах, либо в гражданской администрации; подразумеваются, естественно, только имперские (федеральные, как сказали бы у нас) учреждения ° — в местных администрациях и службах охраны порядка работают земцы, потому что это земские учреждения. Армейцы живут и служат, как и у нас, обособленно, на военных базах; впрочем, примерно раз в десять лет положено не менее чем на три года перейти работать в другую сферу ° — из армии в

полицию, из полиции на госслужбу и т.д. Все это относится и к высшим должностным лицам: обычная ситуация, когда опричник год назад был министром, а ныне инспектор полиции или военный моряк, причем не из-за плохих результатов работы, а из-за их сословного убеждения: важнее быть правильным опричником, чем наилучшим профессионалом. Я встречался со знаменитым Борисом Фетисовым, который четырежды был министром, дважды ° — командующим экспедиционным корпусом и дважды ° — главкомом рода войск; сейчас, в 66 лет, он работает следователем полиции в Константинополе, а в следующем году отправляется инспектором по строительству полярного прибрежного вала (см. главу «география и население»). Раз в год на месяц и раз в три года на три месяца опричники отправляются в лагерь на переподготовку, причем они это очень любят; не менее двух раз в неделю они обычно проводят в спортзале для поддержания формы. В остальные будние дни опричники работают, как правило, много, поскольку семей у них обычно нет, а потом либо общаются друг с другом в кафе или в общежитии, либо у себя в комнате впадают в медитацию на много часов, благо они все этому обучены; по этой причине им не может быть скучно. Из развлечений, не считая выпивки, которой они в будние дни обычно не злоупотребляют, они признают только чтение: читать они любят и читают много, причем в основном вовсе не мусор, а довольно умные книги, поскольку все получили хорошее образование и освежают его на переподготовках, и часто обсуждают прочитанное между собой, и дискутируют на разные темы. Но самым любимым их развлечением, являющимся в сущности продолжением работы, является т.н. свободный поиск. Это значит, что опричник ходит по городу, или заходит во всякие места, или ездит на городском транспорте, и высматривает какое-нибудь зло ° — кто-то на кого-то нападает, или что-либо в таком духе, которое, естественно, немедленно пресекается. Хитрость здесь в том, чтобы тебя не приняли за опричника ° — при их внешнем виде это непросто, даже без формы.

Внешним видом опричники отличаются от остальных людей, хотя это отличие не абсолютно: попросту говоря, они больше. Все они намного шире, из-за гор, в полном смысле слова, мышц, которые способны обеспечить бег в восьмидесятикилограммовом снаряжении; чтобы избежать диспропорций, рост им обычно тоже корректируют, под вес. Мужчины-опричники обычно имеют рост 195–210 см и вес

110–140 кг; женщины, как правило, сантиметров на 10 ниже и на 15–20 кг легче; нет нужды говорить, что все это чистые мышцы, без капли жира, причем наработанные комплексными нагрузками, а не на тренажерах или спортплощадках, и потому более равномерно распределенные, чем у любых спортсменов. Теперь, надеюсь, понятно, в чем творческий элемент свободного поиска ° — не привлекать внимание им непросто. Однако внешние отличия опричников размером не ограничиваются ° — у них своеобразное выражение лица, настолько спокойное, что кажется малоподвижным; яркой и сильно выраженной мимики у них не бывает, равно как вообще внешних выплесков эмоций. Взгляд у них тоже характерный, не бегающий и почти не мигающий и оттого кажущийся обращенным не на собеседника, а куда-то вдаль; все это, по-видимому, следствия определенного психологического состояния, в котором все они находятся в результате и специального психологического обучения, и образа жизни. Цивильная форма опричников, которую они носят почти всегда, кроме как на работе, если та требует мундира, и «маскировочной» одежды свободного поиска, также достойна упоминания. Фасон может быть любой: это должны быть либо брюки и пиджак или куртка, либо комбинезон у мужчин, а у женщин ° — либо брюки, либо юбка, либо комбинезон, или еще что-нибудь; в этом проявляется, как в капле воды, некий нигде не записанный принцип опричного сословия ° — тех людей, которые сами себя добровольно ограничивают, не нужно регулировать сверх крайней надобности. Единственное жесткое требование ° — все это должно быть черного цвета, низ должен иметь серебряные лампасы по бокам, а верх ° — серебряные галуны в любом месте; обувь может быть любой, но должна быть черного цвета и иметь серебряные каблуки (обычно их покрывают настоящим серебром). Специальный закон запрещает всем, кроме опричников, продавать и иметь одежду таких цветов и обувь с серебряными каблуками. Надо сказать, что гигант любого пола в черной с серебром одежде и обуви выглядит эффектно и совершенно инопланетно; скорее всего, таков и был замысел. Поэтому среди земцев, и мужчин и женщин, считается крутым иметь любовницу или любовника ° — опричника, что разового, что постоянного, и опричники, в отличие от кадетского периода своей жизни, не так часто имеют дело с наемными секс-работниками. Но семьи, если и возникают у

опричников (большинство семей все-таки не имеет), достаточно редко образуются с земцами. Я долго и достаточно доверительно беседовал с одной женщиной-опричником 46 лет, Светланой по кличке Истребитель, в момент нашей беседы — патрульным полицейским; те, кому нравятся крупные женщины (в Светлане 198 см роста), называли бы ее красивой. Она рассказала мне, что у нее пока двое детей, 8-летний сын от опричника, который сейчас воюет с исламистами на южных границах, и 13-летняя дочь от земца-промышленника. Оба ребенка живут с ее мамой в Москве, но отец дочки часто с ней видится, и это ее беспокоит. Я спросил Светлану, а что, ей он неприятен, что она против того, чтобы он виделся с дочкой? Нет, ответила Светлана, ей он нравится, он хороший парень и хорошо к ней относится, и она при любом удобном случае с ним встречается; и она вовсе не против, чтобы он виделся с дочкой, наоборот, хорошо, но она надеется, что дочка в 15 лет пойдет в опричники, и папа-земец может ее сбить, даже и невольно, с этого пути. Когда же я спросил ее, извинившись за возможную глупость, а почему бы ей не выйти за него замуж и не жить с ним и дочкой вместе (тогда никто ее не собьет с пути) — или она принципиально против этого? — она несказанно изумилась. Нет, я вовсе не принципиально против иметь с кем-то нормальным семью, сказала она, придя в себя, но с земцем?? Это было сказано так, что я понял — и вы поймите, дорогие соотечественники: опричники и народ — это практически разные биологические виды, хотя и похожие внешне и способные к скрещиванию; и в этом самая суть российской сословности.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Вы спросите, дорогие соотечественники, а что же получают члены служилого сословия в качестве компенсации за все эти трудности и ограничения? Только одно, и в этом уникальность российской политической системы: вся власть в Империи принадлежит им, и только им. В конституции записано: «высшим сувереном (государем) Российской Империи является служилое (опричное) сословие. Оно избирает из себя верховного правителя (высшее должностное лицо) Российской Империи — императора, а

также всех иных высших должностных лиц. Для занятия всех иных должностей государственной, военной и внутренней службы Российской Империи члены служилого (опричного) сословия имеют абсолютный приоритет». С точки зрения того, что верховная власть выборная, в Российской Империи демократия, потому что выборы императора раз в десять лет происходят на конкурентной основе, так же, как у нас; но эта демократия очень специфическая, потому что в ней участвуют только опричники. Парадигма российского государственного и общественного устройства, выкристаллизовавшаяся в результате конституционной реформы 2013 года, гласит: есть природные права, проистекающие у любого человека просто из того, что он человек; к ним относится, например, право на неприкосновенность жизни и имущества. Эти права есть не только у граждан, а у любого человеческого существа, находящегося ° — даже незаконно! ° — в России. Есть гражданские права, которые есть у всех граждан России, но только у них, проистекающие из того, что ваши предки были частью России, ° — к ним относится, например, право на свободный выбор места жительства или рода деятельности. И есть остальные права, которые не проистекают из вашей принадлежности к биологическому виду или генеалогическому древу, ° — но их надо заслужить или купить, если угоднее такая формулировка, но средством платежа далеко не всегда будут деньги. Есть ли у любого из вас право, спрашивает русский школьный учебник по обществоведению, войти в совет директоров автомобильной корпорации «Каштан ОАО»? Нет, потому что по закону для этого вы должны быть владельцем не менее 2% акций, а вы им не являетесь; но, с другой стороны, никто не мешает вам купить их, а если у вас нет для этого денег, так заработать их. Это пример т.н. отдельного права, которое надо купить или приобрести каким-либо иным образом, ° — а равенство граждан понимается как то, что право получить это отдельное право у всех одинаковое. Так вот, право управлять государством, право избирать и быть избранным на высшие государственные должности есть, по Гавриилу Великому и другим творцам конституции 2013 года, право отдельное, а не гражданское; его надо заслужить, и выбор их был ° — не деньгами. Собственно, слово «опричники» отсюда и взялось ° — опрично на старорусском означает отдельно. Община, в которой живут люди (по российской терминологии, это поселок, маленький город или

район в большом городе), продолжает тот же учебник, не является чем-то большим, чем сумма ее жителей, в ней нет ничего сакрального; поэтому сам факт того, что вы один из этих жителей, есть достаточное основание для вашего участия в самоуправлении этой общины, и поэтому это право — гражданское. Государство же есть нечто гораздо большее, чем сумма живущих в нем на данный момент, — хотя бы потому, что есть прошлые и будущие поколения; государство, в отличие от общины, есть идея. Соответственно факт того, что вы житель государства, не достаточен для права управлять им — поэтому это право отдельное; чтобы его получить, надо принадлежать не к населению, а к идее. В этом и есть центральное ядро концепции опричнины. И как ни удивительно, дорогие соотечественники, ради этой призрачной принадлежности к великой идее, а по сути, ради возможности сложить голову после тоскливой жизни в нищете и скитании по баракам, сотни тысяч молодых и не очень молодых людей ежегодно бросают обеспеченную, а зачастую очень обеспеченную, жизнь и уходят в опричники; в первые годы после 2013-го, когда опричнина только появилась, в пунктах стояли очереди из тех, кому обычная жизнь, по-видимому, чем-то категорически не подходит. Зато весь остальной народ не подлежит призыву в армию, даже в военное время — так записано в конституции; и это естественно, ибо войны ведутся государством, а не общинами.

Как относятся к опричникам другие граждане России? У духовенства к служилому сословию отношение явно хорошее; хотя многие из них считают, что убийства (пусть и врагов), пьянство и блуд не красят опричников, их религиозность, бескорыстность и твердая защита веры и Церкви, сравнимая с таковой самого духовенства, не может не подкупать духовенство. Остальной же народ относится к опричникам сложно; ощущения типа «с какой стати они нами правят» явно имеют место, но несколько компенсируются пониманием того, что войти в «они» может каждый в любой момент, — это вопрос выбора, и ничего более. Восприятия их как защитников жизни и крова почти нет, потому что сильных и явно ощущаемых врагов у России на данный момент нет, ни внутренних, ни внешних; так было не всегда (и, наверное, не всегда будет), но кто же это вспоминает? В основном доминирует отношение отчужденной и опасливой недоброжелательности, так что если бы сейчас, в 2053 году,

имеющуюся конституцию России вынести на референдум с участием всех граждан, то ее не поддержала бы и четверть; но в том-то и дело, что никто, кроме опричников, не может участвовать в референдумах (в политических° — по иным вопросам, естественно, иначе). Опричников крайне мало трогает, как народ относится к ним и к конституционным принципам, и это, в свою очередь, не добавляет им любви земцев; однако к этой антипатии явно примешивается смутная, мало осознаваемая, но явно присутствующая зависть ° — хотя завидовать вроде бы решительно нечему. Дело, по-видимому, в том, что принципы служилого сословия созвучны очень глубоким русским бессознательным архетипам ° — в отличие от артикулированных общепринятых представлений, которым они явно противоречат; на неосознаваемом уровне для очень многих опричники являются лучшей частью их самих. Поэтому самая большая общественная организация России, ОРИОН (Орден Разделяющего Идеалы Опричнины Народа), обычно называемая «сочувствующие», насчитывает почти 70 миллионов человек; они приносят только первый и третий обеты (никакого конституционного значения это не имеет и с точки зрения закона является просто игрой). Сочувствующие проводят много свободного времени (часто основную часть) с опричниками, участвуют в их братчинах и часто работают вместе с ними, а если нет, то сугубо добровольно вносят часть своего заработка в опричный общак; не очень частые браки между опричниками и земцами происходят в основном с сочувствующими. Опричники хорошо относятся к сочувствующим и с удовольствием берут их на работу, иногда довольно ответственную, в правоохранительные органы или гражданскую администрацию, хотя опричники и имеют абсолютный приоритет для занятия любой должности на государственной службе; в армейские структуры они попадают гораздо реже, в основном по причине большой разницы в физических кондициях. В общем и целом, я не уверен, что такая система° — я имею в виду опричное сословие° — прижилась бы (не говоря уже о том, что возникла бы) где-нибудь, кроме России; в своей сути в ней очень много глубинно русского.

Мне, как историку и социологу, было очень интересно сравнить существующую в России сословность с феодальной; точка зрения, что в России мы видим в сущности реванш феодализма, весьма распространена у нас. С сожалением должен заметить, коллеги, что это

плод либо плохого понимания предмета, либо принятия желаемого за действительное (последнее ° — потому что придерживающиеся такой позиции авторы злорадно делают на ее основе вывод о скором историческом крахе). Конечно, сословность обычно ассоциируется с феодализмом (хотя в античные и доантичные времена она была столь же зримо выражена), и его столкновение и капитуляция перед нарождающимся капитализмом были в большой степени связаны именно с ней; но отличия этой системы в России от феодальной ° — я считаю, что их пять, ° — на мой взгляд, принципиальны и приводят к прямо противоположным выводам по поводу стабильности российской политической системы в целом. Разберем это на примере наиболее важного и иллюстративного компонента ° — служилого сословия: **во-первых**, опричниками становятся, в отличие от феодалов, не по наследственному, а по добровольному, равному принципу, и это приводит к целому ряду существеннейших отличий. При феодализме талантливые, энергичные и властолюбивые молодые люди из простонародья или третьего сословия принципиально не имеют возможности войти в элиту, по крайней мере властно-военную, и потенциал многих из них направляется на борьбу с режимом ° — а в России таким людям незачем бороться с режимом, поскольку ничто не мешает им стать опричниками. По этой же причине, в отличие от феодализма, зависть народа к служилому сословию в принципе не может зашкаливать ° — при ее достижении у кого-то критической величины он пойдет в опричники сам; да и завидовать не так есть чему, как при феодализме. Наконец, наследственная система не является фильтром, и поэтому при появлении каждого следующего поколения знати и королей никакого отбора не происходит ° — а следовательно, происходит вырождение, что и имело место; у опричников он происходит постоянно, и на уровне входа в сословие, и на уровне выборов должностных лиц. **Во-вторых**, в российском служилом сословии впервые во всей известной истории человечества (неудачная попытка была в той же России во время Красной Империи) разобщены власть и богатство, причем полностью, в то время как при феодализме принадлежность к знати означала концентрацию и власти, и богатства. А это принципиально, потому что власть и богатство несовместимы по своей сущности ° — власть от духа, а богатство от тела; поэтому при феодализме богатство всегда разлагало власть ° —

действовать на власть иначе оно не может,° — а опричному сословию это не грозит. Кстати, и такая вещь, как боевой дух, в широком смысле, тоже из категории власти, и на него богатство действует так же ° — опричникам не грозит и это. Важно также, что достаточно скромный образ жизни (в материальном смысле) опричников не превращает их в серьезную нагрузку на хозяйство страны, в отличие от феодализма: налоговая нагрузка на народ и бизнес в России невелика, относительно меньше нашей (см. главы «история», «экономика и финансы»). В-третьих, отсутствие феода и рода в феодальном смысле позволяет членам служилого сословия испытывать друг к другу не подозрительность, как у феодальной знати, а товарищество и взаимную симпатию; тем более что из-за неприятия всего материального и их отношения к службе им и делить-то нечего ° — а феодализм сгубили междоусобицы, которых не могло не быть, и проистекающая из них ненависть всех к каждому. В-четвертых, военная сила феодалов базировалась на ополчениях, состоявших из людей совсем другого (и потенциально враждебного) сословия, и это предопределило их слабость в межсословном столкновении; вот во времена раннего феодализма не было нужды в солдатах, сила полностью обеспечивалась бароном с вассалами (в русском варианте ° — князем с дружиной), так он и был как строй абсолютно стабилен. Чему тут аналогичны опричники, которые сами по себе составляют 100% военной силы страны, судите сами. В-пятых, феодалы чувствовали себя поставленными Богом хозяевами страны, и, когда страна (в смысле привычный порядок) начала рушиться, они не могли не растеряться: особенно ярко это видно на примере Французской Революции. А опричники чувствуют себя поставленным Богом дозором, и, когда все вокруг начнет рушиться, это будет для них тем, что они всегда ждут и в чем видят смысл своего существования; тут не от чего деморализоваться, скорее наоборот. Так что я считаю российскую политическую систему, построенную на сословности, абсолютно стабильной в обозримой перспективе, тем более что способность меняться, оставаясь самой собой, в ней заложена. Действуя как сепаратор, она будет продолжать отделять овец от козлищ, воинов по духу от обычных людей, превращая потенциальных врагов режима в его опору; и сепарация эта такова, с точки зрения личностных типов, что не ушедшие в опричники опасными врагами не

будут. Будут, конечно, кризисы и даже восстания ° — локальные уже были (см. главу «история»), будут и всеобщие ° — но они будут утоплены опричниками в крови, причем с удовольствием, потому что для них (вспомните первый обет!) это будет поединок с дьяволом. Я не могу представить, кто и что может поколебать, а тем более смести, опричную власть, ° — к слову, вопреки тому, что у нас думают, вовсе не кровавую и вообще не репрессивную; и я не могу сказать, поглядев на реальную Россию и реальных опричников, что меня это печалит.

Прежде чем перейти к рассказу о духовном сословии, дорогие соотечественники, выражу надежду, что вы поняли, как я и обещал, почему я начал рассказ о сословности со второго, служилого, сословия...

Михаил Леонтьев

ГОСУДАРСТВО-ЦИВИЛИЗАЦИЯ: НЕУЯЗВИМО ДЛЯ ЧУЖИХ, КОМФОРТНО ДЛЯ СВОИХ^[19]

Реставрация будущего России

За пять прошедших лет удалось заморозить процесс развала государства и разложения его институтов. За счет этого удалось накопить значительный ресурс для потенциального прорыва в виде полуторного роста и 150-миллиардного финансового резерва. Тем не менее, главный результат: предотвращено казавшееся неотвратимым установление в декорациях либеральной демократии олигархической диктатуры. Которая, как бы кто к этому ни относился, должна была стать, по сути, ликвидационной комиссией по закрытию проекта «Россия», призванной обеспечить передачу управления новым хозяевам и консолидацию активов для расчета с кредиторами. Перспектива возвращения ликвидкома к власти, которая чудом ускользнула у него из рук, остается актуальной до тех пор, пока мы не решим вопрос, есть ли у России будущее и каким оно должно быть.

ИСХОДНЫЕ ПОЗИЦИИ

Катастрофа

Крах СССР оказался, для многих неожиданно, крахом государства как такового. И всех его институтов. Причины этого краха не являются предметом рассмотрения в данном тексте. Тем не менее стоит отметить, что это был именно системный кризис, выразившийся в неспособности советской коммунистической системы адекватно реагировать на вызовы.

*Сам развал государства как таковой, ° — что существенно для дальнейшего рассмотрения, ° — осуществлялся в форме **предательства** страны ее политическим руководством. Под прикрытием «нового мышления» и «общечеловеческих ценностей» осуществлялись сдача и вывоз ценностей, вполне конкретных, в том числе и материальных. Сама эта процедура и стала гарантией выживания и процветания «общечеловеков» ° — компрадорской части советской элиты. Гарантом, таким образом, становился противник, которому сдавались ценности.*

*Новая, «**посткатастрофная российская элита**» формировалась как коалиция предателей-перерожденцев из высших советских структур, новых предпринимателей из молодой окол властной и окол криминальной тусовки (включая прямо уголовную) и диссидентов-реформаторов, завоевавших доверие гарантов как своей предыдущей, так и текущей деятельностью. Неудивительно, что роль прежнего диссидентского андеграунда оказалась очень быстро сведена на нет за полным отсутствием актуальности его услуг.*

Особенностью российской катастрофы 90-х было отсутствие в обществе осознания этой катастрофы. «Общество», то есть советская интеллигенция, в подавляющей своей массе демократическая и прозападная, осознало катастрофу и пришло в смятение только тогда, когда уже перестало быть интеллигенцией, превратившись в «бюджетников». При этом перестало быть в массе своей и демократическим, и прозападным, и, в конечном итоге, собственно обществом.

Все, что выросло на месте этого «общества», могло лишь пародировать известные западные гражданские и политические институты. Единственным институтом, который состоялся вопреки всему, оказался институт президента, всенародно и легитимно избираемого. Именно наличие такого института позволило в известный момент остановить окончательный развал России; когда катастрофа была осознана, и государство оказалось востребованным.

Раздел собственности

Реальным количественным показателем параметров катастрофы может служить оценка состояния бывших советских активов (при том, что никаких других в существенных масштабах у нас за это время создано не было). За годы экономических, «рыночных» реформ не

только вдвое сократился объем ВВП (что можно было бы считать естественным следствием отмирания неэффективных советских производств), второе, по сравнению с советской, упала производительность труда в базовых отраслях промышленности (данные МакКинзи), но и более чем в 40 раз снизилась совокупная оценка активов (Сергей Чернышев). В результате «строительства капитализма» страна обесценилась практически в ноль. Из чего, кстати, следует как минимум то, что никакого капитализма (в отличие от «рынка») у нас не строилось. Потому как капитал есть самовозрастающая стоимость, а не самоубивающаяся.

Процесс раздела бывших советских активов, несмотря на разнообразие форм «приватизации», по сути, сводился к одному: растаскиванию на составные части длинных хозяйственных производственных цепочек и комплексов. При этом все, что не подлежало быстрой реализации, деградировало и отмирало. На этом пути не формировалось и не могло сформироваться реального собственника, имеющего представление о реальном применении и о реальной цене своего актива.

Это не собственники, а барахольщики, которым достались куски разобранного автомобиля° — кому бампер, кому руль, кому бак. Такой собственник понятия не имеет, что ему делать с этим бампером, если не сдать его в лом. При этом, поскольку свежее образованный «рынок» немедленно открылся мировому хозяйству, наиболее удачливые «собственники» быстро сообразили, откуда и куда надо вывозить барахло. Кстати, в этой ситуации довольно странно удивляться тому, что мировой рынок не обеспечил барахолку инвестициями: во что и зачем?

Характерно, что государственные институты маркетизировались параллельно и по тем же принципам, что и бывшее советское хозяйство. Естественно при этом, что государство (в той степени, в которой этот институт можно назвать государством) отмежевалось от всяких обязанностей по выстраиванию экономических механизмов и вообще от любой ответственности на своей «основной» рыночной функции° — торговли своими услугами на барахолке. Эту политику принято было именовать «либеральной».

Долги

Тем не менее, класс новых собственников сформировался. Это две весьма неравные группы. Это владельцы крупной собственности, в первую очередь сырьевой, обладающие единственно ликвидным на барахолке товаром, так называемые «**олигархи**», назначенные таковыми по договоренности с властью или захватившие собственность с особым цинизмом (иногда то и другое вместе). И относительно массовая группа хозяев среднего, мелкого и мельчайшего бизнеса, выживших в условиях звериной борьбы с государством, конкурентами, бандитами (вариант: с другими бандитами). Это очень разные группы, которых объединяет одно: и те, и другие считают себя ничем не обязанными ни обществу, ни, тем более, государству.

При этом важнейшая особенность российской приватизации: почти полная приватизация активов при полном отсутствии приватизации причитающихся к этим активам долгов. То есть государство, расставаясь с собственностью практически бесплатно, осталось с долгами перед населением, но без активов, с помощью которых эти долги можно обеспечивать и оплачивать. Известная рыночная идея о том, что государство выполняет свои обязательства перед населением с помощью налогов с бизнеса и этим социальные обязательства бизнеса исчерпываются, не работает. Не только потому, что бизнес «отморожен» и плохо платит налоги, но и потому, что у барахольщиков, обесценивших активы в 40 раз, трудно изъять налоги, позволяющие покрывать долги, если их так же не обесценить раз в четыреста.

Надо заметить, что, пока новое государство имело намерение и возможность вести себя по отношению к населению так же отмороженно, как и новый бизнес, проблемы, в общем-то, не стояло. Проблема встала тогда, когда народ осознал катастрофный характер происходящего с его страной. И предъявил государству свои претензии. Причем предъявил в самой мягкой форме: в форме рассеянных предвыборных политических ожиданий.

Народу потребовалось **государство**. Государство° — это в первую очередь легитимная, то есть законная, в полном смысле слова, **власть** и легитимная ° — законная **собственность**. У нас в России есть единственное основание легитимности ° — называется **справедливость**. И никакими процедурами законодательно-юридического характера ее заменить невозможно.

Легитимность

Законность ° — легитимность президентской власти опирается на всеобщие выборы. Представители катастрофной политической элиты потребовали от нового президента Путина обеспечить легитимность их собственности; гарантий, «окончательной бумажки», как говорил профессор Преображенский. В 2000 году только и разговоров было про гарантии от пересмотра приватизации, налоговые амнистии, амнистии капиталов и прочее. При этом легитимировать, то есть утвердить справедливость распределения крупнейшей госсобственности в России, не может **никто**. Президент не имеет мандата на такую акцию. Президент, легитимирующий неприемлемый для страны результат приватизации, сам теряет легитимность. При этом, легитимируя олигархическую структуру собственности, а таким образом, и олигархическую структуру власти и государства, президент сам себя уничтожил бы. В этом случае он просто не нужен. Процесс его фактического устранения ° — дело техники. И хорошо просматривается в дотюремных мечтаниях Михаила Ходорковского.

С другой стороны, радикальный пересмотр приватизации в ее ключевых элементах означает обрушение всей существующей ° — еще действующей ° — системы экономических отношений. Это еще одна революция, которую посткатастрофная Россия выдержать не сможет. Более того, при описанном выше состоянии государственных институтов, при данном составе элиты, в том числе и государственной элиты, такая революция сверху обречена на провал (если только она не опирается на «революционный подъем масс» ° — а этого Россия не переживет тем более).

Тем не менее, без легитимации настоящей, общенациональной базовых экономических отношений невозможно создание никаких действующих институтов ° — ни экономических, ни политических. Не говоря уже об элементарной защите прав собственника. Таким образом, единственный реально оставшийся путь ° — это поэтапная трансформация отношений с крупнейшими собственниками, трансформация самой этой собственности параллельно с реанимацией базовых институтов государства. И такая же постепенная трансформация элиты путем вытеснения наиболее одиозных компрадорских элементов.

Олигархия и демократия

Так называемое «дело ЮКОСа», по сути, оттеснение олигархии с командных высот в политике и экономике, нельзя было осуществить ни в рамках действовавших на тот момент либерально-коррупционно-медийных процедур, ни путем неизбирательных универсальных репрессий. Ни для того, ни для другого у российского государства в том виде, в котором оно оказалось, не было ни сил, ни действующих инструментов.

Либеральная демократия всегда и везде представляет собой механизм господства элиты, инструментами которого являются политические партии, всевозможные выборы с процедурами их финансирования и, чуть ли не в первую очередь, контроль над «независимыми», то есть принадлежащими различным группам элиты, средствами массовой информации (медиакратия). Собственно, ничего особенно прямо катастрофического в этой системе нет. Так существуют многие успешно функционирующие государства. При одном допущении ° — лояльность элиты собственной стране. Это допущение в отношении России не просто не соблюдается («рассматривают собственную страну как территорию для свободной охоты» ° — Ходорковский), новая русская элита видит гарантии своего положения и своей безопасности не в собственной стране, а за ее пределами. Достаточно напомнить, как Платон Лебедев во время ареста грозил неприятностями с Вашингтоном.

Таким образом, то, что называют «управляемой демократией» ° — частичное восстановление государственного контроля за крупнейшими медийными ресурсами, способными масштабно манипулировать общественным сознанием, и связанное с этим **сдутие политических образований**, представлявших интересы различных групп постсоветской элиты (это относится не только к либералам, но и до некоторой степени к коммунистам), ° — оттеснило олигархию, опиравшуюся на медиакратию. То, что демагогически принято обзывать «свертыванием демократии и свободы слова», на самом деле действия по самосохранению государства (и как института, и как территории), его самозащита от компрадорских элит.

Первая задача, самая минимально необходимая и самая щекотливая, без которой вообще какие-либо телодвижения власти в направлении реанимации государственных институтов были бы невозможны, ° — это деприватизация силовых структур.

Кстати, не надо путать задачу деприватизации, то есть восстановления элементарной вертикальной управляемости силовых институтов, с задачей повышения их эффективности, профессионализма и так далее. Повышение эффективности и профессионализма неуправляемой или приватизированной силовой структуры может иметь для государства последствия самые печальные.

Когда сегодня пытаются представить восстановление властной вертикали как еще одно направление свертывания демократии, стоит напомнить, что к концу девяностых годов региональные элиты и их лидеры напрямую претендовали на суверенитет над Россией, или на множество суверенитетов (вспомните формулу: «власть уходит в регионы»). Что автоматически означало бы потерю суверенитета Россией. Лишение регионального руководства общеполитических функций создало условия и определило целесообразность отмены прямых губернаторских выборов. Поскольку эти выборы перестали быть политическими. Неполитические выборы возможны только как выборы местного самоуправления или как профанация демократических процедур. При этом процедуры политических выборов — и парламентских, и президентских — никаким образом не свертывались, и свернуты быть не могут. При том, что последние являются единственной основой легитимности действующей российской власти.

Вызовы

Процесс пореформенной «рыночной» трансформации России не просто сопровождался колоссальным упадком ее совокупной мощи — и экономической, и политической. Очевидно, что именно такое падение мощи и укладывалось в планы как внешних заказчиков, так и внутренних исполнителей, которые таким образом реализовывали лояльность заказчику.

Собственно, это и есть содержание концепции «проигранной Третьей мировой», или «исторического поражения России». Кстати, ничего специфически антироссийского, некоего злобного и извечного антироссийского заговора за этим искать нет смысла (хотя есть и историческая злоба, и, может быть, кое-какие заговоры). Это нормальная политическая цель любой державы, заключающаяся в том, чтобы упрочить свое могущество и предотвратить появление

силы, способной ему противостоять. Нет никаких сомнений, что такая политика будет последовательно продолжаться и дальше, причем совсем не обязательно персонально против России. Давление на Россию вплоть до ее расчленения может быть связано даже совсем не с опасениями собственно российского соперничества, а с противодействием другим угрозам ° — например, китайским, исламским, европейским, а также с обеспечением той или иной конфигурации контроля Соединенных Штатов над мировыми ресурсами.

Важно другое. В результате этого процесса Россия впервые за несколько веков оказалась **не субъектом истории, а ее объектом**. При этом не потеряв еще окончательно предпосылок возвращения реального суверенитета.

Все проблемы нынешней России в ее отношении со своим западным партнером (а партнер, по сути, один) ° — это проблемы заявки России на восстановление своей субъектности в мировой политике, то есть на реальный суверенитет. Пока Россия не проявляла намерений восстановить субъектность, по отношению к ней не проявлялось никакой специально направленной враждебности. Так, может быть, походя заденут...

Террор

Пока развал российского государства шел самостоятельно и по инерции, террор против России носил характер локальный и вполне укладывался в рамки сепаратистских диверсионно-политических операций. Нельзя не заметить качественного изменения характера террора после того, как действия власти пресекли инерцию и остановили процесс государственного распада. Это беспрецедентный тип террора, направленный на разрушение самого института государства и делегитимацию власти. **Государство** подвергается публичной пытке, включая медиапытку, при которой оно должно либо взять на себя ответственность за гибель невинных и незащищенных людей, либо самоликвидироваться перед лицом ультиматума недочеловеков. Причем интенсивность пытки идет по нарастающей, В этой игре на ликвидацию российского государства террор работает в системной связке с группами сепаратистов, религиозных экстремистов, оппозиционными политическими группировками самой разной направленности, пятой колонной в

бизнесе и системе государственной власти и сопровождается мощной поддержкой из-за рубежа ° — не только медийной. Материальное обеспечение, координация и целеуказание этой политики не могут исходить ни от каких сепаратистов. Что касается самих упомянутых террористических действий, то при всей актуальности оперативной контртеррористической работы в принципе невозможно предотвратить нападения на незащищенных невооруженных людей, не связанных со стратегическими объектами. Единственное средство предотвратить такой тип террора° — это ликвидировать те точки уязвимости, которые вызывают соблазн применения таких методов.

Напомним, что нынешняя откровенная враждебность, проявляемая по отношению к России практически всем массивом западных СМИ, вызвана всего-навсего открытым заявлением амбиций на активную роль в самых ключевых, жизненно важных для России частях ближайшего постсоветского пространства° — Грузии и Украине. В случае реального восстановления российской мощи реакция будет предельно истерической, и к этому надо быть готовыми. Опять же это не повод для отказа от восстановления российской политической и экономической мощи.

Основания оптимизма

Тем не менее, в военном, экономическом, морально-политическом плане Россия сохранила все предпосылки для восстановления своей мощи.

1. Ядерный стратегический потенциал ° — единственный параметр, по которому Россия сохраняет подобие паритета с единственной доминирующей мировой супердержавой ° — паритет взаимного гарантированного уничтожения сохранен. И может сохраняться на период, как минимум достаточный для модернизационного рывка. Таким образом, реанимация ядерного сдерживания при отсутствии иных гарантий и механизмов может стать основой для сохранения реального российского суверенитета.

2. За пять лет удалось остановить развал основных, базовых государственных институтов. **Институт президентства** работает, и трудно усомниться, что он работает самостоятельно. Правительство хотя и неоднородно, но управляемо, административная реформа хоть и не переварена, но запущена, и на сегодняшний день представляется

технически возможным вменить правительству в обязанности задачи, необходимые для обеспечения экономического прорыва.

3. Так или иначе, дорогой ценой в России создана основа саморегулирующейся, самовывживающей, **рыночной экономики**, адаптивной к нормальному рыночному регулированию, оставляющей для государства возможность ограничить свое вмешательство и свои обязательства необходимыми и реально возможными пределами. Эта свободная экономика в условиях, когда ей будут предъявлены вменяемые и четко направленные сигналы, обеспечены условия жесткой, равной, внутренней конкуренции, защита от непрерывного и корыстного вмешательства государства в вопросы, которые его совершенно не касаются, способна обеспечить мощную подпитку экономического прорыва. Когда государство наконец сосредоточится на выполнении своих обязательств, в том числе в экономической политике.

4. Россия сохранила, причем под своим национальным контролем, **природные ресурсы**, по совокупности самые большие в мире, превращающие ее не только в необходимый элемент мирового хозяйства, то есть ставящие пределы дискриминации и санкциям, но и позволяющие обеспечить достаточную степень экономической безопасности в условиях наименьшего внешнего благоприятствования со стороны крупнейшего мирового игрока и его сателлитов.

5. За время стабилизации Россия накопила огромные даже по мировым масштабам, абсолютно свободные (по мнению некоторых экономических специалистов, даже излишние) **финансовые ресурсы**, правда, не научившись пока их сколько-нибудь рационально использовать на цели развития. Если эти ресурсы не будут потеряны ° — поскольку в настоящее время содержатся в максимально уязвимом состоянии, ° — они могут быть использованы для ускоренной модернизации, в том числе и военной, увеличив мощь России в разы.

6. В своем непосредственном окружении Россия безусловно остается **недостижимым лидером**. Никто из соседей не обошел Россию в основных элементах могущества. Практически все бывшие советские республики в разной степени находятся в состоянии цивилизационного падения, во всяком случае, более глубокого, чем наше. Россия единственная сохранила ° — не без серьезных потерь ° — научный, образовательный и технологический потенциал.

7. И, наконец. Пореформенная травма не сломила **психическое здоровье народа**. Настроение смятения в значительной степени сменилось мощнейшими позитивными ожиданиями. Эти ожидания должны быть удовлетворены. В общественном сознании присутствует жажда **исторического реванша**. В какую форму он выльется, в позитивную или в разрушительную, зависит от адекватности и эффективности политики власти.

ЗАДАЧИ

Восстановление **смысла и цели** существования России как государства, общества, цивилизации и восстановление сил и могущества для реализации этих целей. К этому, собственно, сводится основная задача.

Справедливость

Справедливость ° — базовая ценность для нашего общества. Не восстановив попорченной справедливости, ничего выстроить нельзя.

*Как заметил Виталий Найшуль, если лозунгом первой революции (начала девяностых) была **свобода**, лозунгом предстоящей второй революции станет **справедливость**. Можно добавить, что в процессе реализации первого лозунга сложился острейший дефицит справедливости. Если мы действительно не хотим пропустить страну через еще одну социальную революцию, необходимо найти способ удовлетворить эту базовую для русского, российского сознания потребность. Неудовлетворенный спрос на справедливость и радикальные способы его удовлетворения систематически приводили Россию к катастрофе. Сегодня власть пытается нащупать способы социального умиротворения без коренной ломки сложившихся отношений собственности. Получается неважно. Не только потому, что ресурсная база мала (о чем говорилось выше), но и потому, что существующее положение вещей и сами способы, подходы к этому «умиротворению» представляются несправедливыми и унижительными (достаточно упомянуть хотя бы пресловутую монетизацию).*

Социальную политику нельзя проводить чисто либеральными приемами, не основываясь на общих понятиях о справедливости.

Нужно усвоить общий принцип: **«СОЦИАЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ» — ЭТО ПОПУЛЯРНЫЕ РЕФОРМЫ**. В том смысле, что всем должно быть понятно, кому, за что и почему.

Проблема распределения доходов, социального обеспечения и распределения собственности в нынешней России ° — это в значительной степени проблема **долгов** (поскольку, опять же, никаких существенных, с экономической точки зрения, активов, кроме советских, не создано). Бюджетники ° — это люди, которым должны, которые остались на попечении государства, раздавшего бесплатно источники обеспечения долгов. Таковым источником должны были бы стать налоги.

Не касаясь в данном тексте структуры и оснований налоговой системы, можно утверждать, что налогов, приемлемых для нормального функционирования экономики, недостаточно для возвращения долга государства населению. Такие долги, например, как долги по сбережениям на советских вкладах (кстати, юридически признанные), зарплаты бюджетников, включая военнослужащих, пенсионные долги, не могут быть обеспечены из текущих налогов. Они должны быть **обращены на собственность**, изъятую у государства.

Симметричным и абсолютно связанным с вопросом долга является вопрос о легитимации крупнейшей собственности. В нынешнем своем виде при нынешней степени ее участия в обслуживании внутреннего долга эта собственность легитимирована быть не может. С другой стороны, именно такое участие является единственным способом ее легитимации. Инвестиционная структура, обслуживающая ценные бумаги, в которые оформлены долги населению, должна быть обеспечена активами крупнейших компаний, в первую очередь ресурсодобывающих. Это может стать основой гарантированного государством **Нового общественного договора** между обществом и крупнейшим бизнесом.

Необходимой материальной предпосылкой такого договора является мощный экономический рост, сопровождаемый еще более мощным порядковым ростом капитализации активов. Только таким образом, не за счет экспроприации, а за счет совместного участия в экономическом прорыве возможно мирным, некатастрофным путем построить институты, обеспечивающие такое перераспределение

национального богатства, которое наш народ сможет признать приемлемым. Такой договор невозможен ни на основе бандитского прошлого ° — самобытной российской приватизации, ни на убогом декапитализированном настоящем, а только на основе будущего роста и будущей рекапитализации страны.

Только путем масштабного договора можно примирить общество с результатами приватизации. Если этого не сделать, у собственности не будет легитимности, а значит, не будет «гарантий». Потому что для таких «гарантий» действительно необходимо совершенно авторитарное государство, опирающееся исключительно на насилие.

Общественное примирение

Проблему общественного примирения Россия так и не решила. Ни в историческом плане ° — между красными и белыми, ни в нынешнем социальном ° — между бедными и богатыми. Гражданская война, по сути, продолжается. Нынешняя российская власть добросовестно пытается выстроить единую российскую историю и единую российскую государственность. Тем не менее, праздник согласия и примирения, именуемый в народе «днем кота Леопольда», счастливо отменен, потому как нет никакого согласия и примирения. Потому как мы не можем примириться на прошлом. Примириться и договориться можно только на будущем Великой России. Призывы смириться с «историческим поражением» России, «признать реалии», распространение представлений о России как о стране без будущего не способствуют общественному успокоению и отказу от вредных привычек, а освобождают механизмы гражданской войны. **«Реставрация будущего России»** ° — вот смысл нынешней российской политики. Дать этот образ будущего и показать способы его реализации ° — задача действующей российской власти.

Могущество

Целью всякой политики является усиление могущества.

Могущество ° — это мера свободы. Степенью могущества определяется способность любого политического лица, группы, государства суверенно принимать и реализовывать решения. Никакой суверенитет, никакое право не может опираться на законы, договоры, коалиции, гарантии, обещания, если оно не опирается на могущество. Могущество страны ° — единственное основание суверенитета.

Мощь экономики ° — безусловно, важнейшая составляющая государственного могущества, но и военная мощь государства, а также его политический и дипломатический вес являются важнейшей, а иногда и решающей частью экономической мощи. Например, важнейшей составляющей экономической мощи Соединенных Штатов является количество авианосных группировок и способность к их применению. Можно с уверенностью утверждать, что если бы военная мощь Соединенных Штатов свелась хотя бы к японской, капитализация американской экономики упала бы втрое. Доллар рухнул бы вместе со всей действующей мировой финансовой системой. То есть экономика США отнюдь не испытала бы долгожданного облегчения и не удесятерила бы силы от освобождения от груза непомерных военных обязательств. Капитальная мощь и политическое могущество ° — две взаимосвязанные составляющие свободы и независимости любой страны. Ущербность в той или иной части приводит к ущемлению свободы и утрате независимости. Форма общественного устройства и способы управления вторичны по отношению к решению этой основной политической задачи, и в разные моменты истории их пригодность может быть разной. Таким образом, для России выбор таких форм должен определяться не нормами и правилами, продиктованными «цивилизованными» менторами, а только единственным критерием: задачей усиления могущества.

Осмысленный мир

Потребность русского человека жить в осмысленном мире ° — это главный ресурс современной России. Есть цель, есть задача масштабная и конкретная ° — есть смысл в государстве. Появляется энергия, начинает работать **машина экономического роста**, эффективность которого можно оценивать по конкретным критериям цели. Наличие цели создает условия для строительства институтов государства и институтов экономики. В том числе и свободной, рыночной. Наличие «длинных» целей, а таким образом и «длинных» денег, позволяет бизнесу включаться в проекты развития, зарабатывая на развитии, а не на деградации и растаскивании страны.

С точки зрения экономики содержание целей не имеет большого значения ° — освоение Луны, защита от врага или строительство трансконтинентальных магистралей. С фундаментальной точки

зрения, идеологической, цель должна быть истинной, зримой и насыщенной.

Страна, народ должны нуждаться в реализации самой цели, а не в средствах ее достижения. **Экономика не может сама по себе задавать цели стране.** Такими целями не могут быть ни повышение конкурентоспособности, ни рост благосостояния. Кто сказал, что для повышения конкурентоспособности или для роста благосостояния не целесообразнее было бы, например, расчленить Россию на несколько более гомогенных по внутреннему устройству частей?

При этом рынок ° — свободное взаимодействие самостоятельных агентов ° — лежит в основе любой современной эффективной экономики. Главной задачей государства по отношению к рынку являются самые жесткие **гарантии неприкосновенности собственности** и соответственно соблюдение гарантии законных сделок.

Для крупной собственности вопрос гарантий упирается в вопрос легитимации. Только тогда можно заставить государственные институты гарантировать права крупнейших собственников. По отношению к основной массе среднего, мелкого и сверхмелкого бизнеса главный вопрос гарантий собственности ° — это вопрос **защиты от государства**, точнее, от тех институтов, которые выступают от имени государства.

Таким образом, в области рыночной экономики главной задачей государства является **институциональная реформа**, то есть выстраивание таких институтов, главной целью которых по отношению к рынку была бы защита прав собственности.

Важнейшая задача государства по отношению к рынку ° — это обеспечение максимально жесткой свободной **конкуренции**, в первую очередь внутренней конкуренции.

К примеру, если Россия хочет сохранить и развивать свою автомобильную промышленность, нужно обеспечить на внутреннем рынке конкуренцию двух, лучше трех сопоставимых по возможностям национальных производителей. Для этого можно было бы, например, за счет бюджета (за счет дополнительных резервов) закупить и поставить в Россию один-два современных автозавода. Если для обеспечения жесткой и равной конкуренции на внутреннем рынке

необходимо оградить внутренний рынок ° — это безусловно надо делать.

Защита внутреннего рынка должна быть абсолютной обязанностью государства в двух случаях: это защита тех отраслей, производств, технологий, утрата контроля над которыми означает прямую угрозу **национальной безопасности**. Понятно, что это касается в первую очередь оборонных отраслей, финансовой инфраструктуры и инфраструктуры жизнеобеспечения; и сохранения контроля над стратегическими ресурсами. И вторая функция ° — это защита рынка для создания условий для максимально эффективной внутренней конкуренции. Избирательный протекционизм возможен и необходим там, где открытие внутреннего рынка означает вытеснение и истребление национального производителя. И только при условии, что государство обеспечивает жесткую и эффективную конкуренцию внутренних производителей на отечественном рынке.

Национальные проекты

Важнейшей задачей государства в экономике помимо институциональных рыночных реформ является определение стратегических, «длинных» приоритетов и доведение их до бизнеса. И реализация стратегических национальных проектов, которые частный бизнес вообще или в силу сегодняшней российской специфики самостоятельно осуществлять не может. Есть основания предположить, что в настоящее время частный бизнес в силу указанной специфики не способен самостоятельно осуществлять никаких стратегических проектов.

На государстве также сегодня безусловно лежит основная **ответственность за организацию инвестиционного процесса**. Если мы не хотим дожидаться, пока невидимая рука рынка закончит процесс структурной деградации российской экономики до состояния, при котором существование российского государства станет объективно неуместным. То есть речь идет о проведении современной **промышленной политики и политики роста**. Государство должно, наконец, вплотную заняться налаживанием экономических механизмов внутри отдельных отраслей (точнее, групп отраслей ° — кластеров), стимулирующих развитие и рост, а не деградацию, как сейчас.

Наряду с этим главными инструментами роста должны стать **«национальные проекты»**. Количество таких проектов должно быть

строго ограничено. К ним относятся проекты, связанные с обеспечением **безопасности** страны, проекты, связанные с сохранением и развитием интеллектуального потенциала и **высоких технологий** (поскольку безусловным долгом государства является сохранение тех отраслей, научных школ, в которых Россия имела мировой приоритет), и проекты, являющиеся **моторами экономического роста** и масштабного расширения внутреннего рынка.

*Отдельно надо сказать, что одним из главных моторов экономического роста, как и сохранения научно-технического потенциала, должно стать качественное перевооружение российской армии. В отличие от Соединенных Штатов, широко масштабно использующих этот рычаг для стимулирования экономики, Россия действительно нуждается в масштабном перевооружении для обеспечения своей минимальной безопасности. И с политической, и с моральной, и с экономической точек зрения **кратное увеличение военного бюджета** именно на перевооружение армии представляется необходимым.*

Наряду с этим в качестве примеров национальных проектов можно назвать:

— **возрождение гражданского авиапрома** (с перспективой в первую очередь сохранения национального рынка за отечественным производителем);

— **национальный космический проект** (в отличие от ловушки МКС);

— **транспортные проекты стратегического трансконтинентального масштаба;**

— **создание мощного ипотечного агентства и массовой доступной ипотеки** (в отличие от убогих начинаний МЭРТа, такой проект с относительно небольшим начальным государственным финансированием способен действительно обеспечить строительный бум и вовлечь в жилищное строительство не десятки тысяч, а десятки миллионов людей). Кстати, ипотечные программы имеют то преимущество, что они очень слабо замещаются импортом, дают очень мощный толчок внутреннему рынку и имеют быстрый и очевидный социальный эффект. Можно напомнить, что все великие американские

ипотечные агентства, типа «Фани Мэй», были созданы в период Великой депрессии при помощи государства.

Важнейшим условием и продуктом реализации таких национальных проектов должно стать формирование вокруг них качественно новой национальной элиты как в бизнесе, так и в госаппарате. «Проектной» элиты в противовес и взамен элиты катастрофной и компрадорской. Таким образом, реализация национальных проектов решает не только экономические задачи, но и важнейшую политическую задачу°— смену элит, создает возможность для формирования нормально мотивированной и профессионально продуктивной пророссийской политической элиты. А это есть, в свою очередь, единственная возможность для развития России по демократическому пути.

Для запуска таких национальных программ вполне достаточно малой части наших избыточных резервов. Во всяком случае, не превышающей ту, которая будет потрачена на затыкание бюджетных дыр в случае продолжения нынешней экономической политики.

На конец текущего года Россия, даже по официальным данным, будет иметь в своем распоряжении финансовых резервов не менее чем на 200 миллиардов долларов. И практически все они используются предельно неэффективно, обесцениваясь либо от реальной инфляции, либо от неблагоприятной курсовой динамики. Размещение этих средств в валюте потенциального противника или его же ценных бумагах не только крайне невыгодно, но и создает максимальную уязвимость для их сохранности.

России, наконец, необходимо выработать свою **суверенную денежную политику**, а не осуществлять ее, по сути, в форме «валютного управления», печатая рубли в соответствии с приходом в страну валютной выручки. Нужно решить для себя, что более выгодно для нашего рынка: действительно переход к полной конвертируемости рубля, и тогда надо уже сейчас перейти к продаже российского сырья за рубеж за рубли. Или отказаться от внутренней конвертируемости рубля (по китайской модели), превратив валютную политику в эффективный инструмент стимулирования экономики.

При нашей структуре экспорта и цене рабочей силы можно предположить, что Россия вряд ли сможет получить от отказа от внутренней конвертируемости преимущества, аналогичные китайским.

Тем не менее, выбор необходимо и возможно сделать немедленно, поскольку продолжение нынешней политики является **глумлением** над здравым смыслом.

И, безусловно, исключительной обязанностью государства являются **социальные инвестиции** (не путать с социальными обязательствами). Социальные инвестиции в образование, здравоохранение, науку и культуру всегда эффективны, однако получателем доходов является не конкретный бизнес, а вся экономика° — страна в целом.

Государство-цивилизация

Смыслом существования России ° — народа и государства ° — является сохранение и развитие русской российской цивилизации как уникального, отличного от прочих, хотя и вбирающего в себя многое из прочих, образа жизни, культуры, системы ценностей и построенных на этом институтов общества и государства. В системе ценностей русской цивилизации, например, идея личного материального успеха и стяжательства никогда не будет доминирующей и определяющей общественное положение.

Сейчас много рассуждают как об отмирании национального государства и национального суверенитета, так и о крахе империй. Все это называется **глобализацией**. На самом деле «глобализация» подразумевает сохранение и усиление одной глобальной империи и растворение и даже фрагментацию бывших национальных государств внутри неких глобальных образований, подчиненных этой империи.

*Есть и со стороны либералов, и со стороны отечественных нацистов идея соблазнить нас химерой **национального государства**.* Мол, зачем нам эти кавказцы, татары и прочие. На этих основаниях мы не построим никакого государства. Это путь к резне и, по сути, фрагментации и трайбализации всего постсоветского пространства. Кстати, именно по этому пути потихоньку идут постсоветские республики, сделавшие «европейский выбор». Некоторые уже ощутили, а некоторым еще предстоит ощутить прелесть внезапного прозрения национального самосознания у самых невероятных народов, населяющих многонациональные территории. Причем при самой внимательной гуманитарной опеке глобального арбитра.

Россия всегда существовала как империя. И может существовать лишь как империя или, если кому-то не нравится это слово, как

«государство-цивилизация». Как империя в современном смысле, то есть не с точки зрения организации власти или форм внешней экспансии. Как империя, где имперскость означает гармонизацию всех составных частей и культур, некий синтез, где русские ° — имперскообразующий народ, который без своей мультикультурной цивилизации, то есть без других народов, составляющих и наполняющих эту цивилизацию, существовать не может. **Имперское сознание есть самое глубокое основание нашего антифашизма.** Любой шовинист, призывающий к расправе над инородцем и иноверцем, ° — враг империи и угроза ее существованию.

Кстати, употребление термина «империя» со всеми соответствующими либеральными прилагательными считается вполне корректным в современной западной политологии, в первую очередь в отношении Соединенных Штатов. При том отличии, что в этом случае подразумевается, что таковая империя может быть только одна, и именно ей принадлежит всемирная миссия: утверждение своего господства и своих ценностей как универсальных и общемировых. Мы видим будущий мир как совокупность и многообразие именно государств-цивилизаций, отличных по своим традициям, образу жизни, иерархии ценностей.

Мы видим свою задачу в том, чтобы среди этих государств-цивилизаций осталось бы место нашей российской цивилизации и нашему российскому государству.

Мы должны убедить народы, близкие нам по духу, истории и культуре, что нам надо строить свое государство **вместе**, если мы не хотим превратиться в объект манипуляций, разделов и соперничества за ресурсы и пути их транспортировки. Это, собственно, и есть основание постсоветской интеграции. Альтернативой является не счастливое сосуществование маленьких цивилизованных, европейски интегрированных образований на постсоветском, тогда уже построссийском пространстве, а резня, деградация и окончательное падение в цивилизационную пропасть. Только **современное централизованное демократически устроенное государство-цивилизация** способно поддерживать могущество и обеспечивать справедливость на такой территории, связанной общей цивилизацией. Эта цивилизация должна быть **прочной и удобной**. То есть она должна быть **неуязвима для чужих и комфортна для своих**.

Александр Дугин

ДЕМОКРАТИЯ КАК ОНА ЕСТЬ

В отношении демократии существует множество ложных мифов. Все уверены, что это наиболее современная, развитая, «цивилизованная» форма политического устройства, основанная на принципе политического равенства всех относящихся к конкретному обществу индивидуумов. Все это, мягко говоря, не совсем так.

ДЕМОКРАТИЯ КАК АРХАИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ: КОЛЛЕКТИВНЫЙ ЭКСТАЗ

Демократия является наиболее древней, архаичной, примитивной и, если угодно, «варварской» формой политической организации. Древнейшие общества, встречающиеся нам в истории, были построены именно на демократическом принципе. Основные решения относительно судьбы племени или даже целого этноса принимались всегда коллективно, на основе всеобщего мнения полномочных членов общества. Старейшины родов, воины, жрецы, так называемые «господа огня» (домовладельцы) составляли стихийный «парламент» древних народов. У германцев это называлось «тинг», у славян ° — «вече», и даже римское выражение Res Publica несет в себе отголосок древних коллективных соборщ латинских племен, обсуждающих (как греки на «агоре» ° — откуда «категории» Аристотеля) фундаментальные для жизни общины «вещи» (res ° — по-латински «вещь», что близко по смыслу русскому «вече» и немецкому ting (ding ° — по-немецки «вещь»).

В основе демократии лежит принцип коллективной формы принятия решений, причем сама процедура должна учитывать максимально широкий спектр представителей общества. Но именно этот принцип является неотъемлемой частью древних архаических обществ, в которых индивидуум еще не выделился в самостоятельную величину и главным действующим лицом истории выступал «дух этноса», чаще всего понимаемый либо как «тотем», либо как «дух»,

либо как «этническое божество». Именно для того, чтобы позволить этой сверхиндивидуальной инстанции напрямую вмешиваться в судьбу коллектива, и были введены демократические процедуры. В ходе «вече» требовалось принять решение, которое не был в состоянии принять ни один из участников по отдельности. Это решение должно было прийти из «трансцендентной» инстанции, которая проявляла себя через собрание. Поэтому все собрания открывались ритуалами, в ходе которых призывались боги и духи. По сути, именно они сквозь людей и принимали решение. В этом и состоит буквальный смысл римской поговорки *Vox populi ° — vox Dei* («глас народа ° — глас Божий»).

Итак, в основе демократии лежит архаическая мистика коллективного экстаза, когда община «выходит» из себя, навстречу коллективному духу («Богу»), который, напротив, «приходит» к ней.

ДЕМОКРАТИЯ ОСНОВАНА НА НЕРАВЕНСТВЕ: «ИДИОТЕС»

Демократия ни в коей мере не признает индивидуального равенства. В основе демократии лежит жесткая черта, разделяющая тех, кто допускается к соучастию в «политическом экстазе решения», и кто нет. Поэтому реальными участниками демократических процедур во всех обществах признавались лишь совершенно конкретные социальные группы. В разных обществах их структура была различной, но принцип включения одних в демократический процесс и исключения из него других является фундаментальным признаком всех типов демократий.

В воинственных германских племенах на «тинг» допускались только свободные воины и жрецы. Но так как практически все члены этих племен (включая жрецов) были воинами, то германская военная демократия была, вероятно, самой прямой и широкой. Из нее исключались только рабы, захваченные при набегах, женщины, дети и, естественно, чужаки. В греческих полисах, где установилась демократическая модель, например в хрестоматийных Афинах, чтобы соучаствовать в демократии, надо было быть «гражданином» полиса, что предполагало возведение своего рода к мифическим истокам полиса (знатность), обладание некоторым материальным состоянием и

соответствие определенному моральному облику. Бедняки, рабы и женщины из демократических процедур также исключались, а «инородцы», включая знатных приезжих из других полисов, назывались «идиотес» («исключенный», «негражданин»). В основе современного клинического термина «идиот» лежит политическое понятие, обозначающее того, кто жестко отстранен от соучастия в демократии.

Во всех типах демократии отбор ее полноправных участников призван обеспечить беспрепятственную возможность «духу» («Богу», «богам») коллектива вмешиваться в судьбу общества.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ: ОТ ДЕМОКРАТИИ К ТИРАНИИ

В истории Запада, да и некоторых других цивилизаций, модернизация политической системы шла через отказ от демократии, чаще всего в пользу аристократии и монархии. Хотя и в этом случае священный характер власти сохранялся, индивидуальное рассудочное начало становилось все более зримым. Политические решения принимались в большей степени уже личностями или отдельной личностью и тем самым принимали все более рациональный и чисто человеческий характер. Уходя от архаической демократии, цивилизация уходила от соседства с богами, от мира, где человеческое и божественное были переплетены до неразличимости. Поэтому-то Аристотель и писал, что «демократия чревата тиранией». Тирания сменяет собой демократию ° — как более современный тип политического устройства, где впервые четко проявляется отдельный индивидуум, в нашем случае ° — тиран. В этом процессе «божественное» очеловечивается.

ПАРАДОКС ВОЗРОЖДЕНИЯ: «ВПЕРЕД В ДРЕВНЕЕ»

Как же тогда понимать то обстоятельство, что в Новое время, в эпоху просвещения и прогресса, Европа обратилась именно к демократии, следы которой затерялись в западных обществах уже

более двух тысячелетий назад? Ведь действительно, между древними демократическими Афинами и современными европейскими парламентскими республиками многие века истории Запада протекали в монархически-аристократических политических системах. Ответ коренится в эпохе Возрождения. Этот период в истории Европы ответственен за многие парадоксы, которые дали о себе знать в последующем. В эпоху Возрождения европейский гений решил отбросить рациональные нормативы схоластики и освободить человеческое измерение. Обычно это толкуется как шаг вперед. Мало кто обращает внимание, что сами деятели Ренессанса в качестве образца брали именно древнего платонического человека и отбрасывали католические догматы не ради светской научности (которой еще не существовало), а ради магических, алхимических, герметических и мистических учений. Иными словами, они призывали к глубокой архаике, к экстатической практике переживания всецелой сакральности мира. И Марсилио Фичино, и Джордано Бруно, и Микеланджело были страстными поборниками платонизма, Древней Греции, искателями египетских мистерий и знатоками каббалы. От этого наследия и идет в Европе интерес к демократии. Политическая демократия была обнаружена вместе с Плотинем и Гермесом Трисмегистом, вместе с философским камнем и древними, казалось, безвозвратно покинувшими мир «богами».

АРХАИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ДЕМОКРАТИЙ НОВОГО ВРЕМЕНИ: СУФРАЖИСТКИ И ГИТЛЕР

Поэтому-то уже в новой европейской истории то тут, то там мы встречаемся с всплесками архаического начала. Демократия сама становится чем-то «священным». Попробуйте только в беседе со среднестатистическим современным европейцем или американцем усомниться в демократии°— увидите, что будет. Вы станете «изгоем», «негражданином», «идиотес». Сегодня это многим может показаться странным, но женщины в западном обществе получили право голосовать только через три века после введения демократических процедур в Европе°— еще в конце XIX и начале XX века движение «суфражисток» (от французского *suffrage*°— «голосование») требовало

«разрешить европейским женщинам голосовать наравне с мужчинами». В американской демократии чуть более ста лет назад еще действовал как расовый принцип (в правах были ограничены коренные жители Америки, индейцы, и завезенные из Африки рабы), так и имущественный ценз (наличие немалого состояния!), что ограничивало круг «избранных», допущенных к демократии. Американская политическая система дополнялась обширной деятельностью масонских лож и иных тайных обществ, которые обеспечивали и обеспечивают до сих пор американской демократии ее «священное» содержание. И, наконец, совсем уже парадоксальный пример° — становление нацистской Германии. Как получилось, что в развитой, современной, цивилизованной и просвещенной европейской стране в XX веке° — веке цивилизации и прогресса° — на основании абсолютно демократических процедур, при всеобщем народном одобрении к власти пришел человек, который восстановил в Германии даже не средневековый, но еще более архаический дух° — с массовыми ритуалами, иррациональными паранаучными исследованиями и жесткой расовой сегрегацией? Здесь снова, как и во всех демократиях, в полной мере обнаружился принцип «отделения»° — одни были допущены до экстатической практики, другие из нее строго исключены.

ГЛОБАЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ КАК ЦАРСТВО АНТИХРИСТА

Демократия XXI века внешне выдает себя за наиболее современную политическую систему, пытается включить в себя всех индивидуумов, без различий в гражданстве, половой принадлежности, материальной обеспеченности, расовой и этнической специфике. Она опирается на теорию «прав человека». Но и в этом случае ни рациональности выбора, ни значения индивидуальности, ни равенства влияния на принятие решений нет и в помине. Разумность одного человека гасится безумием другого, и сквозь все попытки «модернизировать» демократию снова и снова проявляется ее древняя извечная абсолютно архаическая и, в конечном счете, иррациональная сущность (что «рационального» есть в обращении к расплывчатому экстатическому «духу»?!). Только теперь через проекты всемирного

гражданского общества говорит не дух полиса, племени или народа, но некая иная, «обобщенная», «общечеловеческая» сущность, которую христианская традиция склонна трактовать как «князя мира сего». А нечленораздельное бормотание планетарных масс берутся толковать все те же жреческие коллегии, выступающие сегодня под масками поборников «открытого общества» или «глобализации». И можно догадаться, кому они на самом деле служат.

«Профиль» № 27 (535)

Михаил Юрьев

КОНТУРЫ ПОСТДЕМОКРАТИИ

Сегодня существует полная ясность в вопросе о том, почему и для чего в XVII–XIX веках одновременно во многих центрах европейской цивилизации возникли демократии.

Это была реакция на череду кровопролитных революций и гражданских войн, имевших в основе кризис всего феодального мироустройства и мировоззрения.

Кризис проистекал из того, что, во-первых, люди в основном уже ушли от архаического отождествления индивидуума с родом, а это лишало легитимности династический принцип власти. А во-вторых, отечество в то время защищали уже призывные солдаты-простолюдины, а не воины из знати, что лишало легитимности господство всего феодального сословия. Демократия создавала новую легитимность, на основе представления, что народ и есть источник власти. Экономические же соображения, о которых пишут и марксисты, и либералы, тоже имели место, но существенно менее значимое°— опыт ПруССко-германского государства в XIX–XX веках и Китая в XX–XXI веках показывает, что экономическим лидером, притом на рыночных принципах, могут быть и вовсе недемократические страны.

Понятно и то, почему демократия повсеместно распространилась в XX веке. Ощущение того, что «кого выбрали, того и имеем, захотим° — перевыберем», успокаивало население и реально отвело угрозу революций, переводя политическую энергию масс в предвыборную борьбу (мы в России наблюдали это в 90-е годы). Власть, имеющая источником народ, концентрируется на устройстве жизни этого самого народа, больше ей заниматься нечем°— а это создает высокий уровень комфортности существования; это относится не только к материальной стороне, но и к правам и свободам личности. Общество потребления° — высшая и последняя стадия демократии° — создает оптимальные условия для развития бизнеса и еще более успокаивает народ. А поскольку выборы системно зависят от денег, то обладатели капиталов° — а при демократии они и есть элита° — легко могут влиять

на политику или даже активно в ней участвовать. Все это создает весьма привлекательный образ и для масс, и для элит.

К XXI веку стали понятны и ограничения демократии. Народ в целом (причем любой народ) имеет такое распределение интеллектуальных способностей, что осмысленный и даже просто адекватный выбор при всеобщем избирательном праве, увы, невозможен ° — поэтому у руля шоумены неизбежно вытесняют политиков и качество власти стремительно падает. Короткий срок, на который избирается власть, и господствующий в обществе потребления принцип «живи для себя» превращают ее носителей во временщиков, принципиально неспособных к постановке стратегических задач, а удлинение сроков при этом принципе жизни обязательно приведет к злоупотреблениям. Можно, конечно, превратить выборную власть в пустой фасад, а реальные решения принимать тайно (это и называется управляемой демократией), но это лишает ее главной основы ° — легитимности. И демократическая страна превращается в корабль, на котором есть капитан с командой, но нет штурмана: они успешно поддерживают корабль на плаву и даже не подпускают пиратов ° — но куда они плывут, никто не знает. А продолжаться это может, пока корабль в относительно спокойных водах, ° — не имея курса, он рано или поздно окажется там, где угрозы будут несовместимы с выживанием.

Похоже, что спокойные воды кончаются. И потому, что появился новый враг ° — радикальный ислам, ° — который хоть пока и слабее демократий, но с которыми они явно не справляются уже сейчас. Да и во внутренней политике есть, оказалось, такие проблемы, с которыми никак не получается справиться по-демократически, ° — в первую очередь это сосуществование разных этнических и религиозных общин. Так что нам сейчас кидаться в демократию, как в омут головой, ° — то же, что покупать на все деньги акции летом 1929 года, в канун Великой депрессии: как же, ведь рынок растет уже многие десятилетия подряд!

Чем же заменить демократию так, чтобы преодолеть ее главный дефект ° — принципиально неспособную к стратегии власть ° — и при этом сохранить хотя бы некоторые из ее преимуществ? Ответ очевиден: только разновидностью феодализма, пусть и на новом витке спирали. Потому что все виды государственного строя, которые

человечество прошло за свою историю, ° — это либо демократия, где источником власти считается народ, а элитой являются обладатели капиталов, либо феодализм, где источник власти трансцендентен, а в высшую элиту входят по заслугам перед страной или верой. Все остальное малосущественно и определяет лишь разновидности того или другого, хотя само слово «феодализм» взято чисто условно.

Это значит, что у государства появится смысл существования, не сводимый к выживанию. Источник власти будет лежать в государственной идеологии (лучше всего религиозной ° — лишь она истинно трансцендентна), и ею будут ограничиваться плюрализм и мультикультурность. Носителем же власти будет служилое сословие, как бы оно ни называлось, и элементы демократии будут только внутри его. Но важно сделать так, чтобы оно было не наследственным, а абсолютно открытым, а отсутствие политических свобод у масс сочеталось с полной свободой частной жизни и экономической деятельности. Такого «неофеодализма» никогда не бывало, и построить его ° — историческая миссия, достойная нашего народа. Тем более что такая попытка уже была, хотя и не вполне удачная, ° — советский строй был не чем иным, как реставрацией феодализма после капиталистического периода, закончившегося Февральской революцией. И только так мы можем примириться со своим советским прошлым: не хаять его и не восхищаться им, а считать его лишь ступенью, не первой и не последней, в продолжающемся восхождении.

«Профиль» № 27 (535)

Дмитрий Куликов

«РАЗВИТАЯ ДЕМОКРАТИЯ» КАК ОТВЕТ НА «РАЗВИТОЙ СОЦИАЛИЗМ»

Тема «демократичности» России является одним из «гвоздей» политического дискурса последних нескольких лет, как в риторике современных политиков, так и в материалах политической публицистики и СМИ в целом.

ИЗ ЖИЗНИ ИДЕЙ

Демократичность стала якобы критерием уровня цивилизованности стран и народов и одновременно степени их варварства. Эти критерии являются средством управления варварским миром со стороны «цивилизованного человечества». У вас «не в порядке» с демократией? «Тогда мы идем к вам». Как такое может происходить? Разобраться в этом возможно лишь помня и понимая историю XX века. Скажу жестче: разобраться в этом и понять, что происходит, можно лишь имея осознанный опыт жизни в СССР.

В последнем десятилетии XX и первом десятилетии XXI века США определились со своей исторической и цивилизационной миссией: «Америке предначертано распространить на весь мир американскую либеральную демократию». Ни больше ни меньше. Именно принятие американской формы демократии будет (по их мнению) для всего человечества несомненным «счастьем» и приведет все народы к благосостоянию и успеху.

Вам это ничего не напоминает, читатель?

Мы с вами живем в стране, правящий класс которой на протяжении 70 лет продвигал по миру социализм и коммунизм в версии СССР как безусловное благо для всех жителей Земли и как самое высшее достижение человеческой цивилизации. Навязывание

своего политического строя (его экспорт) есть мощнейший механизм экспансии и установления господства в других странах.

Мы отказались от этого, поняв всю глупость, несостоятельность и преступность данной идеи. Но нет ничего удивительного в том, что эта идея овладела правящим классом и в значительной степени народом США, только вместо «коммунизма» вписали «либеральная американская демократия». Дело в том, что сама сегодняшняя конструкция «либеральной демократии» проектировалась и строилась как конкурентный ответ советскому коммунизму и советской «народной демократии».

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Товарищ Сталин еще в 1936 году сообщил советскому народу, что социализм в СССР в целом построен. Не будем сейчас вдаваться в суть построенного социализма (я ни в коем случае не являюсь его поклонником), но остановимся на некоторых его чертах, которые «продавались» на Запад как наши безусловные конкурентные преимущества. Реализованные СССР фактически, а не только формально расовое и национальное равенство, равенство полов, социальное равенство, формальное всеобщее равное и прямое избирательное право, бесплатная медицина и образование для всех граждан, отсутствие безработицы были предметом острой зависти для широких социальных слоев на Западе. Ничего сопоставимого в странах Запада не было и близко. До середины XX века в США в городских парках можно было обнаружить табличку «Неграм и собакам вход воспрещен». Избирательное право не было всеобщим. Демократия во многом оставалась цензовой. Великобритания продолжала оставаться крупнейшей империей, использующей для роста своего благосостояния интенсивную эксплуатацию колоний.

В 1945 году к довоенному «передовому имиджу» СССР добавилась слава победителей фашизма и освободителей Европы. Для всего мира было очевидно, что СССР и его общественно-политический строй сыграли определяющую роль в разгроме фашистской Германии. «Акции» СССР стали котируются среди населения на Западе так высоко, как никогда до этого и как никогда

после этого. Проблема высокой популярности СССР встала перед правящим классом США и Британии, что называется, «в полный рост».

Асимметричный ответ был найден. С одной стороны, СССР объявили войну (пусть и «холодную») и сделали главным врагом цивилизованного человечества на десятилетия. Это была борьба с имиджем победителей фашизма за счет формирования «новой угрозы» в лице самих победителей. А с другой стороны, были начаты преобразования, которые позволили бы говорить о большей свободе и равенстве на Западе, чем в СССР. Всеобщее избирательное право, защита меньшинств, расовая терпимость. Все это является сегодня частью либеральной демократии.

При этом следует понимать, что охота на «коммунистических ведъм» в США в середине прошлого века ни по целям, ни по результату практически не отличалась от идеологических гонений и политических преследований в позднем СССР.

С достижениями СССР в области социальной защиты должны были конкурировать проекты с рабочими названиями «Общество потребления» и «Социальное государство». Средний житель Запада должен был жить лучше, чем средний житель СССР. Западного человека научили жить в долг и вынудили отказаться от сбережений. Он должен был только потреблять, и это потребление должно было все время расти. Прямо как у Стругацких в «Понедельнике...» кадавр, созданный профессором Выбегалло.

Для тех, кто не в состоянии обслуживать свои кредиты (долги) всю свою жизнь, были созданы институты «европейского социализма». На сегодня и объемы потребительского кредита в США, и уровень социальных гарантий в Европе достигли критического предела. Дальше их можно только снижать.

Был проведен плановый и контролируемый «демонтаж» Британской колониальной империи. Прямую эксплуатацию ресурсов заменили на скрытую ° — через контроль над валютно-финансовой системой.

Таким образом, западный мир в 50–60-х годах прошлого века довольно успешно спроектировал и реализовал масштабные реформы в общественно-политической, экономической и социальной сферах.

Следует признать, что СССР в целом и его правящий класс в частности не смогли ответить адекватно на новый вызов в сфере социального проектирования, хозяйственно-экономического развития и развития общественно-политических структур и систем. Концепция построения коммунизма к 1980 году (Хрущев) и концепция построения «развитого социализма» (Брежнев) оказались неконкурентоспособны. Мы на самом деле ничего не проектировали и ничего не развивали. Мы не проектировали развитие нашего общества и государства. Мы занимались фиктивно-демонстративной имитационной активностью в этой сфере. В конце века за это пришлось дорого заплатить.

ЧТО БУДЕТ?

Более 15 лет тому назад исчезла с карты мира страна под названием СССР, в конкуренции с которой и только благодаря ее наличию (страны и конкуренции) на Западе были построены и современная американская либеральная демократия, и современный евросоциализм. Историческая роль и значение нашей страны заключаются в том, что мы своим величайшим социальным экспериментом (1917–1990) создали конкурентные условия для интенсивного развития всей европейской цивилизации. Это безусловный факт. Если бы не нужно было конкурировать с СССР, в США до сих пор была бы официально закреплена расовая дискриминация и не было бы в Европе никаких социальных государств и развитой системы социальных гарантий. Почему эту историческую роль России никто не обсуждает и не исследует?

Ответ прост:

1) если признать этот факт и сделать его общественно значимым, то трудно будет разрабатывать и реализовывать проекты сворачивания демократии и социализма на Западе, уже не нужные ввиду отсутствия конкуренции с СССР, ради которой они и создавались. Начало сворачивания демократических и социальных «завоеваний» мы видим уже сегодня, хотя они и объясняются различными благовидными предложениями (например, войной и требованием экономической конкурентоспособности);

2) если признать этот факт, то тогда придется признать и то, что Запад сегодня находится в положении позднего СССР. Ничего не развивает и ничего не проектирует в сфере социальных и общественно-политических отношений. Экономика США уже в кризисе. Несмотря на это, американцы в самом деле верят в то, что «американская демократия» есть высшая и последняя стадия развития человечества. Ну точно как наш «коммунизм».

Сегодня на Западе (прежде всего в США) немыслима сама постановка вопроса о том, что общественно-политический проект середины прошлого века исчерпал себя, что он содержит ошибки и недостатки. Игнорируется элементарная логика: если закончил свое существование проект, с которым мы конкурировали, то нужно создавать новый свой (хотя наш и победил), иначе проиграем на следующем шаге.

Если следовать исторической логике, то нужно признать, что конструкция западной либеральной демократии на пороге серьезного кризиса, который непременно наступает вслед за любой остановкой процессов развития. Нам это понятно и почти очевидно после жизни в СССР, а американцам пока нет. Нам нужно воспользоваться нашим историческим преимуществом.

ЧТО ДЕЛАТЬ НАМ?

Нам нужно по-настоящему серьезно отнестись к задаче нового социального и общественно-политического проектирования. Нет никакого смысла воспроизводить у себя «проектные конструкции» предыдущего поколения. И дело не в том, что «догоняющее развитие» — слабый ход. Ведь нам предлагают копировать то, что было создано для конкуренции с нами в прошлом, и то, что на сегодня само приближается к кризису или уже находится в нем. Нам необходимо разобраться в своей собственной истории XX века и наконец понять и учесть то, что мы не поняли и не учли тогда, при прошлом проектировании. Приступая к общественно-политическому проектированию, мы должны полностью использовать весь опыт европейской цивилизации. Мы должны использовать его критически. Если Западу удастся «впарить» нам свою модель, мы заведомо встанем

на кризисный путь и передадим управление развитием в чужие руки. Весь опыт 90-х указывает нам на то, что некритический импорт демократизации ведет к разрушению страны и установлению внешнего управления. Мы должны четко понимать, что демократия до сих пор есть проект и проблема европейской философско-гуманитарной мысли и ни у кого во всей европейской цивилизации нет заведомо правильных решений. Это понимание ° — первый шаг к началу собственного правильного проектирования...

«Профиль» № 27 (535)

Владимир Рудаков

ПУТИН И ДЕМОКРАТИЯ

«За время пребывания Владимира Путина в Кремле демократии в России стало гораздо меньше», ° — утверждают критики президента. «Демократии при Путине меньше не стало, просто она стала иной -более суверенной», ° — отвечают критикам апологеты. «В России демократии не было и нет, и Путин здесь ни при чем ° — такая страна», ° — уверены третьи.

ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Что и говорить, с приходом к власти Владимира Путина Кремль предпринял целый ряд шагов, которые вполне могут быть квалифицированы как «зажим демократии в России». Между тем «зажим демократии» как таковой вряд ли являлся целью путинского президентства. Для Путина, что бы ни говорили, с первых его дней в Кремле именно отсутствие управляемости (а вовсе не избыток демократии) являлось проблемой номер один. Понятно, что там, где «избыток демократии» мешал повышению управляемости, чем-то приходилось жертвовать...

Будучи убежденным государственнымником, Путин взял курс прежде всего на создание эффективной (в его представлении) системы управления. Ставка при этом была сделана на бюрократию и госаппарат, поскольку иных институтов (мощных партий и общественных организаций, сильного местного самоуправления, честной судебной системы и пр.), на которые можно было бы положиться, просто не существовало (нет и сейчас). В историографии такой метод называют «революциями сверху»: их движущей силой традиционно выступает «просвещенная бюрократия» (в смысле ° — более просвещенная по сравнению с основной массой бюрократов)...

Нужно быть справедливым: «демократия по-русски» и до Путина была далека от идеала. Чтобы не вдаваться в нудное перечисление ее изъянов, можно назвать главный из них ° — отсутствие интереса к

политике (даже еще шире ° — к любым коллективным действиям) у широких слоев населения. А с точки зрения управленческой логики глупо доверять выбор вектора развития ядерной державы людям, не умеющим толком договориться между собой о том, кто должен отвечать за чистоту в лифте и сколько собирать денег на домофон. Демократический выбор вектора в 90-е годы не мог не обескураживать, в том числе и продвинутую часть электората. Еще бы: в фаворитах избирательных гонок ходили то ЛДПР 93-го года разлива, то КПРФ разлива 95-го года, то полуживой Ельцин, еще за полгода до выборов 96-го ° — самый непопулярный политик страны. Народный выбор то и дело приходилось корректировать.

В результате к концу 90-х у «просвещенной» части госаппарата стало складываться представление о том, что институты и процедуры, традиционно именуемые демократическими, вовсе не самоценны. Их реальная «цена» связана исключительно с тем, в какой степени они помогают (или мешают на данном этапе) реализовывать основные функции государства.

Логика Путина, насколько ее можно реконструировать на сегодняшний день, была такова: сначала отстроить управленческую вертикаль (с неуправляемой системой невозможно работать и просто опасно иметь дело), затем с ее помощью и если понадобится достроить недостающие демократические элементы российской государственности (те же партии, судебную систему и т.д.). Естественно, немалую роль в выборе последовательности и тональности действий власти сыграла конкретная политическая конъюнктура.

Вероятно, в этом контексте и стоит рассматривать основные новации путинского правления.

ЦЕНТР И РЕГИОНЫ

Переформатирование федеративных отношений в большой степени стало ответом центра на усилившиеся в конце 90-х притязания региональной бюрократии на федеральную власть. Провозгласив курс на «сохранение единства страны», Путин действительно занялся выстраиванием вертикали власти «от Москвы до самых до окраин».

В середине 2000 года Кремль инициировал реформу Совета Федерации: сидевших в верхней палате глав субъектов РФ заменили на «представителей» региональной власти. В итоге СФ перестал быть органом политического влияния регионов на центр, переключившись исключительно на одобрение принятых Думой законов. Почти одновременно с этим была создана система федеральных округов во главе с полпредами президента, фактически осуществляющими контроль за ситуацией на местах, а также механизм ответственности губернаторов за неисполнение решений федерального центра.

Следующий этап реформирования отношений центра и регионов связан с отменой прямых губернаторских выборов. Решение об этом было обнародовано вслед за трагедией в Беслане^о — осенью 2004 года, хотя напрямую с ней связано не было: отмену выборов начали готовить задолго до теракта.

Еще один элемент реформирования^о — изменение порядка формирования (с параллельным расширением полномочий) региональных парламентов. Выборы в местные ЗакСобрания получили мощную партийную составляющую (от 50% до 100% ЗакСов формируется по партспискам). Вместе с этим именно ЗакСам было доверено «наделять полномочиями» выдвинутых президентом кандидатов в главы регионов.

В итоге ставшая было критической для центра в последний период ельцинского президентства власть региональных элит (и стоящих за ними финансово-промышленных групп) оказалась под жестким контролем.

Представители ФПГ отнюдь не потеряли интереса к регионам, но теперь центр получил возможность самостоятельно решать, «кто из них более матери-истории ценен». Что касается граждан, в одночасье лишившихся возможности избирать глав регионов, то они, похоже, не сильно расстроились. С одной стороны, сказала усталость^о — использование черного пиара ставленниками одних ФПГ против других к тому моменту давно уже стало «визитной карточкой» региональных предвыборных баталий, с другой^о — убежденность в том, что «Путин плохого (в данном случае губернатора) не посоветует».

«Партизация» региональных выборов стала частью не только действий по корректировке отношений центра и регионов, но и элементом создаваемой новой партийной системы.

К концу 90-х многопартийная система, сформировавшаяся после отмены монополии КПСС на власть, переживала очевидный кризис. Партии перестали быть «приводными ремнями» демократии (даже если когда-то таковыми и были). По сравнению с началом 90-х население стало гораздо аполитичнее, партии ° — кулуарнее («их влияние часто не распространяется за пределы Садового кольца», ° — говорили про значительную их часть). И самое главное: партии, за отсутствием реальной связи с массами, все активнее становились рычагами олигархического влияния на власть, в том числе и путем неприкрытого думского лоббизма.

Приступив к «равноудалению олигархов», Путин одновременно инициировал реформу партийной системы.

Процесс был запущен летом 2001-го с принятием закона о политпартиях, фактически делавшего партии (и только те из них, которые соответствуют установленным в законе жестким критериям, в том числе по численности членов: сначала не менее 10 тыс., ныне ° — не менее 50 тыс.) единственными субъектами избирательного процесса.

Происшедшая одновременно с отменой губернаторских выборов отмена выборов в Госдуму по одномандатным округам (2004 год) стала важным этапом формирования так называемой крупнопартийной системы, в пользу создания которой неоднократно высказывался Путин. Теперь (реально ° — с декабря 2007 года) Дума должна состоять только из партийных депутатов.

Произведенные вслед за этим корректировки выборного законодательства (повышение думского «проходного» порога с 5% до 7%, запрет на участие в выборах избирательных блоков, фактическое введение «императивного мандата», не дающего возможности партийным депутатам голосовать вопреки решениям партийных органов, и т.д.) лишь отшлифовали систему.

Изменившиеся правила партийной игры привели к фактическому исчезновению карликовых партий, ликвидации «бизнеса на партстроительстве» (когда под выборы создаются партматрицы с целью дальнейшей перепродажи) и прямого олигархического влияния

на партийные массы, а также к укрупнению оставшихся на плаву партийных структур. И хотя шансом «объединиться, чтобы выжить» воспользовались далеко не все субъекты партийной системы, процесс, что называется, пошел. Самый яркий пример ° — «Справедливая Россия», вобравшая в себя группу мелких партий и теперь (не без благословения из Кремля) всерьез претендующая на часть мест в Думе. А для этого весьма больно пощипывающая любимое детище Кремля ° — «Единую Россию».

Двух-трех-четырепартийная система представляется ее создателям весьма эффективной. Причем не только с точки зрения управления политическим процессом как таковым (а это для Кремля по-прежнему одна из приоритетных задач), но и в плане создания действующей и стабильной парт-системы, в рамках которой контроль над парламентом по очереди переходит от одной влиятельной партии к другой. Таким образом, рассуждают в Кремле, выборы в Думу из «судьбоносного выбора пути развития России» становятся рутинным определением приоритетов социально-экономического развития. «Чтобы было как в Америке», как выразился один «партстроительный» чиновник. В шутку, разумеется.

ПРОЦЕДУРА ПРЕЖДЕ ВСЕГО

Предпринятое затем изменение выборной процедуры, собственно, и предназначалось для того, чтобы все-таки «было не как в Америке». После серии происшедших при поддержке Запада «цветных революций» Кремль всерьез обеспокоился возможностью экспорта «оранжевых технологий» в Россию. Лежащие в основе технологии «перехвата власти» методы (среди них создание «своей» оппозиции, вывод на улицу возмущенных, преимущественно молодежных, масс, оспаривание итогов выборов и др.), по мысли кремлевских политтехнологов, должны были оказаться по определению неприменимы к России. Стоит ли удивляться, что именно в этот период возник термин «суверенная демократия»...

Одновременно с выстраиванием партийной системы была отстроена выборная процедура (ведь демократия, как известно, это прежде всего процедура).

Во-первых, было создано и ежегодно шлифуется антиэкстремистское законодательство (экстремизм в России и без «оранжевых» угроз серьезная проблема): участникам выборного процесса — реальным и потенциальным — были обозначены рамки допустимого политического поведения. Во-вторых, были внесены поправки в избирательное законодательство (отмена графы «против всех» и порога явки избирателей), серьезно затрудняющие возможности для манипуляций процедурой и итогами выборов со стороны «побежденного меньшинства». Отныне можно сколько угодно призывать к бойкоту «нечестных выборов» и к голосованию против всех неугодных кандидатов — практического значения это иметь не будет.

ЧЕТВЕРТАЯ ВЛАСТЬ

«Средства массовой информации, особенно телеканалы, чрезвычайно эффективные с политической точки зрения, Путин поставил на службу государству, вырвав их из рук олигархов» — упрощенно действия Кремля вполне укладываются в эту не раз озвученную кремлевскими чиновниками шаблонную схему. «Равноудаление олигархов» по определению не могло не сопровождаться «равноприближением» к власти главного (помимо денег, разумеется) олигархического ресурса влияния — телевидения.

А поскольку процесс «собираания каналов» протекал одновременно с контртеррористической операцией на Северном Кавказе, характерные для военного времени элементы «фильтрации базара» не могли не отразиться на содержании поставляемой телеканалами информации.

Тем более что ТВ стало важным проводником «государственной точки зрения» на события в стране и мире.

КРЫША И ПУСТОТА

Подведем некоторые итоги. Модель демократии, построенная в России при Путине, очевидно, по-прежнему далека от совершенства. И

вовсе не потому, что в основных своих чертах она не похожа на те или иные западные образцы (последние ни образцами для нас, ни тем более «совершенствами» не являются). И даже не в силу того, что кто-то (сам Путин или «плохие бояре») эту демократию зажимает: субъективный фактор в истории всегда имеет место быть, но он не решающий.

Главная ° — содержательная ° — причина в другом: демократия в России по-прежнему напоминает здание, которое начали строить с крыши. Возможно, потому, что сама по себе демократизация середины 80-х ° — начала 90-х годов стала следствием не столько социальной активности «снизу», сколько порождением очередной «революции сверху» ° — взятого горбачевской «просвещенной бюрократией» курса на «демократизацию советского общества», «гласность» и «перестройку». В перестроечной эйфории, когда, собственно, и началось возведение этой замысловатой для России конструкции, о фундаменте и стенах как-то не подумали (не успели?), а потом и вовсе времени не оказалось.

Теперь обрушить уже имеющуюся «крышу», чтобы одним махом избавиться от нависшей (в буквальном смысле) проблемы, не просто жалко, это не просто «два шага назад» ° — это еще и весьма и весьма травмоопасно. Слишком большая и слишком «запущенная» страна, чтобы гадать на ромашке ° — «завалит или не завалит».

Между тем «фундамента» (например, в виде тяги людей к реальному самоуправлению) и «стен» (скажем, в виде мощных муниципалитетов, зависимых от граждан местных СМИ и общественных комитетов в защиту двора от точечной застройки) по-прежнему нет или они только начинают возникать. До тех пор пока ситуация такова, на месте отсутствующих «несущих конструкций» неизбежно будут возникать «опоры-временки», сконструированные «просвещенной» (или не очень ° — какой есть) бюрократией. Либо в надежде на то, что когда-нибудь на их месте возникнет что-нибудь настоящее. Либо ° — просто для того, чтобы конструкция раньше времени не рухнула...

Впрочем, как говорят детские психологи, если ребенку не доверять что-то делать самостоятельно, он никогда ничему не научится. Правда, продолжают психологи, поначалу доверять нужно

дозированно: так, чтобы дитя, не дай бог, не свернуло себе шею. Так и живем: бережем шею...

«Профиль» № 27 (535)

Дмитрий Миндич, Евгений Верлин **С ЧЕГО СОБИРАЕТСЯ РОДИНА**

Все чаще горячие головы, причастные с госпиару, молвят: и Крым не по праву Украине отошел, и Южная Осетия «тяготееет» к России, и Грузия как государство «нежизнеспособно». Кажется, границы в рамках СНГ вот-вот начнут трещать по швам, да и само дитя Беловежской Пуши вряд ли долго протянет. Громких заявлений много, а серьезных прогнозов развития постсоветского пространства° — ни одного.

А кто, собственно, может гарантировать, что и наши, российские, границы, и границы сопредельных государств-навек? И «Профиль» решил пофантазировать...

РОССИЯ-2020

Сохранится ли Россия через 15 лет в нынешних границах? Об отрицательном ответе на этот вопрос даже страшно подумать, хотя многие высшие лица государства не боятся открыто говорить, что сохранение суверенитета и территориальной целостности страны ° — главный вызов обозримого будущего.

Мы считаем, что утрата Россией своих территорий возможна лишь в результате некоего тотального социально-экономического коллапса. В этом случае распад вряд ли ограничился бы отдельными «кусками» ° — Южные Курилы, Чечня или Калининград. Хотя, не дай бог, случись такой коллапс, возможны всякие «варианты». В кратко- и среднесрочной перспективе на политическом горизонте пока, слава богу, не просматривается каких-либо осязаемых угроз, способных привести к такому катаклизму. Тем не менее есть ряд тревожащих факторов, которые, если дать им развиваться по нарастающей, могут составить угрозы. Есть и «мины замедленного действия», они могут «рвануть» при неблагоприятных условиях.

Во-первых, это так называемые спорные (или могущие оказаться таковыми) территории, появление которых в составе РФ было

обусловлено послевоенными геополитическими изменениями. Попадание этих регионов в «группу риска» обусловлено в первую очередь наличием внешних сил, заинтересованных в изменении status quo. Эти силы могут ждать своего часа, усмотрев, скажем, в экономическом ослаблении России шанс для территориального реванша. Главным образом речь может идти о Калининградской области (бывшая Восточная Пруссия) и Южных Курилах (так называемые «северные территории» Японии). Среди важнейших проблем России в этих регионах ° — их социально-экономическое неблагополучие: в случае его нарастания при одновременном ослаблении федерального центра возможно появление инициатив по поводу автономизации или даже присоединения к другой стране.

Во-вторых, это Сибирь и Дальний Восток. Природа слабости России на этих территориях иная. Не претензии других государств (реальных или потенциальных) и не «эксклюзивное» положение на карте («с краю»), а экономическая пока неготовность России адекватно (то есть в соответствии с объективными требованиями XXI века) «переварить» имеющиеся у нее пространства, с одной стороны, и объективная способность других стран (в первую очередь Китая) сделать это за нее ° — с другой.

Цифры неумолимы: 40 млн. россиян, проживающих на территории Сибирского и Дальневосточного федеральных округов (из 144 млн., населяющих Россию), ° — и почти 1,5 млрд. китайцев (из них только вдоль границы с РФ живет больше, чем на всей территории нашей необъятной Родины). До 2020 года «устойчивое демографическое неравновесие» на российско-китайской границе вряд ли перерастет фактически в глобальный пересмотр границ (Китай никогда не торопится формализовать то, чего еще нет: до тех пор, пока население по нашу сторону границы не станет более китайским, Пекин вопрос о новом разграничении не поставит). В-третьих, это территории более или менее компактного проживания представителей неправославных вероисповеданий, в первую очередь мусульман. В этом отношении традиционно проблемными считаются Башкирия и Татарстан. Хотя опыт «обретения независимости» Чечней в 90-е годы охладил горячие головы в этих республиках. Поэтому нарастание напряженности здесь может актуализироваться лишь как часть масштабного «исламского взрыва», который в этом случае охватит и

республики Северного Кавказа. По большому счету, этот сценарий возможен лишь при условии, что Россию удастся втянуть в масштабную войну на Кавказе, которая будет восприниматься исключительно как религиозная война, война православных русских против мусульман, и наоборот.

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ-2020

Северный Кавказ всегда был (и остается сейчас) наиболее проблемной точкой на карте России. Список угроз, способных дестабилизировать ситуацию в регионе, известен. Он широк, как нигде: фантастические даже по российским меркам масштабы коррупции, клановая организация политической и экономической жизни, безработица (по данным полпредства в ЮФО, кроме некоторых районов Дагестана и Владикавказа только на зарегистрированном рынке труда на одну вакансию в северокавказских республиках приходится не менее 7 претендентов), разваленная социальная сфера. Воспроизводящая себя бедность, маргинализация широких слоев населения — питательный бульон для распространения радикальной исламистской идеологии и пополнения рядов террористического подполья, ответом на деятельность которого стал системный беспредел правоохранительных органов. Картину дополняют традиционные кавказские болячки — многочисленные тлеющие этнические конфликты и остро стоящий в ряде республик земельный вопрос. Во что все это может вылиться через 15 лет?

«Правила игры на Кавказе будут определяться в Москве, давать какие-либо прогнозы развития ситуации в регионе трудно, — считает заведомо межнациональных отношений Института политического и военного анализа Сергей Марке донов. — Общий тренд таков, что на благоприятный сценарий стоит рассчитывать лишь при одном условии — федеральный центр сможет формулировать и проводить внятную политику, которая приведет к усилению присутствия в регионе российского государства (а не интересов отдельных групп коррумпированной федеральной бюрократии) и социализации населения северокавказских республик».

В рамках инерционного сценария ожидать скорого взрыва на Северном Кавказе, видимо, не приходится. Внезапный масштабный кризис в одной из этих республик могут вызвать разве что неуклюжие попытки федерального центра одним махом решить проблемы, которые на Северном Кавказе в принципе не имеют простого решения (например, Москва решит насильно вернуть ингушских беженцев в Пригородный район), а также война в Абхазии и Южной Осетии, в которую с большой степенью вероятности окажутся втянутыми сразу несколько республик Северного Кавказа.

Допустим, форс-мажора все же удалось избежать, и Москва продолжает действовать по принципу «лучше ничего не трогать руками», ее политика на Северном Кавказе сводится к финансовым вливаниям в местные бюджеты, административному раздуванию периодических локальных кризисов и жесткой силовой борьбе с террористами. Предположим также, что финансовые и административные возможности Москвы в 15 ближайших лет по меньшей мере не сократятся.

Благодаря масштабным бюджетным вливаниям, а также имеющимся паллиативам в виде развитой теневой экономики и экономическим связям с «большой» Россией, северокавказские республики продолжают в этом случае медленно сползать к более масштабному социально-политическому кризису. Причем это сползание вовсе не обязательно будет сопровождаться ростом сепаратистских настроений. Первая и вторая чеченские войны, «прелести» дудаевско-масхадовской Ичкерии стали для элиты и общества северокавказских республик сильной прививкой от политического сепаратизма. Следует учитывать и то, что жители северокавказских республик привыкли видеть себя гражданами России, считая эту страну своей.

Удерживать ситуацию от быстрого обвала помогут усилия федерального центра по поддержанию стабильности «в ручном режиме». «Кадыровская модель» управления может быть распространена и на другие республики. Однако эта модель не дает гарантий вечной лояльности к центру, ни тем более гарантий интеграции такой территории (живущей по законам главенствующей «банды») в экономику и общество России. Также есть угроза, что ведущаяся неадекватно жестокими методами борьба с экстремистским

подпольем даст обратный результат. Ответное усиление ставки на «рамзанизацию» республик СК, на поддержку автократических режимов может на какое-то время «заморозить» ситуацию, создав условия для ее выправления в отдаленной перспективе на основе укрепления местной экономики и бюджетных вливаний из центра. Однако сама по себе порочная клановая модель экономических и социальных отношений при этом окажется законсервированной надолго.

Затяжная экономическая депрессия на Северном Кавказе, растущий разрыв между уровнем жизни местного населения на фоне русских областей могут спровоцировать стихийную массовую миграцию в центральные районы России, что вызовет там ответный всплеск ксенофобских настроений. В этом случае кавказцы могут оказаться экономически и социально изолированными от «большой» российской жизни, из-за чего регион потеряет имеющиеся у него сегодня даже немногочисленные шансы на социализацию в российском обществе. В этом случае радикальный исламизм, не имеющий пока на Кавказе внятной политической программы, может оформиться в мощную политическую силу.

Впрочем, наибольшую опасность для мира в регионе будет представлять как раз протест системный. Установление в северокавказских республиках жестких авторитарных режимов^о — их Москва будет вынуждена поддерживать^о — неизбежно приведет к возникновению обиженных группировок в местных элитах, которые, опираясь на недовольство населения, могут запустить процесс «стихийной демократизации» Северного Кавказа, аналогичной той, что происходила здесь в начале 90-х годов.

УКРАИНА-2020

«Украина, скорее всего, на долгие годы будет оставаться слабой, возможен даже ее развал на несколько частей, но все-таки это маловероятно»^о — таков типичный ответ опрошенных «Профилем» российских экспертов на вопрос: «Что будет с Украиной и ее территориальной целостностью в 2020 году?» Никто из наших собеседников не осмелился с твердой убежденностью заявить, что на

территории Украины случится настоящий военный конфликт, который приведет к отколу от нее сепаратистских анклавов, тяготеющих к той же России.

По мнению замдиректора Института СНГ Владимира Жарихина, говорить об Украине 2020 года невозможно в отрыве от того, как она будет позиционирована по отношению к России. А в среднесрочной перспективе важным фактором на Украине станет возрастающая привлекательность России: «Наша растущая привлекательность определяется тем ощущением, что наши люди живут лучше».

Способна ли Россия предложить привлекательный модернизационный проект для Украины? «Нет, — отвечает Жарихин, — не может. Как трудно нам предложить Украине и по-настоящему экономически выгодное сотрудничество. Кооперация возможна разве что в энергетической отрасли, например в области атомной энергетики. Ну а модернизационный проект какой мы им сможем предложить? Мы сначала должны понять, чего сами хотим для себя...»

Сценарий первый: Украина распадается (хотя и без большой крови), при этом восток и Крым входят в российскую зону влияния (условно — единое экономическое пространство). Это, впрочем, не даст моментального процветания. Развитие энергоемких производств на Украине (в опоре на субсидируемые в рамках ЕЭП энергоносители), признал Жарихин, — тоже тупиковый путь. «Я лично за то, чтобы цены на газ для всех были рыночные, но чтобы при этом помощь союзникам была обусловлена встречными обязательствами, например чтобы в ответ закупалась российская техника».

Вся проблема в том, подчеркивает Жарихин, что крайние варианты для Украины — целиком «уйти» на Запад или полностью интегрироваться в Россию — не проходят. «Ни в ЕЭП Украина целиком не войдет, ни в Евросоюзе ее в цельном виде принять не готовы. Да и цивилизационные предпочтения слишком разнятся: Львов мечтает стать милым, тихим городком Европы, а Донецк хочет в Россию».

По мнению председателя президиума СВОП Сергея Караганова и научного руководителя Центра исследований постиндустриального общества Владислава Иноземцева, самые неблагоприятные последствия для Украины могут наступить в результате ее поспешного вступления в НАТО.

Караганов: «Расширение НАТО на Украину приведет к резкой поляризации политических сил в этой стране и дальнейшему охлаждению отношений с Россией со всеми вытекающими последствиями в плане сохранения ее территориальной целостности. Если же этого не произойдет, то мы будем жить в дружбе, и вероятность раскола резко уменьшится».

«Вступление в НАТО на правах протеже США и роль нового санитарного кордона на границах с Россией — путь в тупик», — убежден Иноземцев. Оптимальная перспектива для Украины, по мнению ученого, — объявление нейтралитета, активизация усилий по интеграции с ЕС и обретение статуса связующего звена между Европой и Россией. Что же касается военной угрозы для Украины со стороны России, то она полностью отсутствует. При этом, считает Иноземцев, Россия вовсе не подарок для Украины в экономическом отношении: именно хозяйственная ориентированность на Россию угрожает украинской стабильности.

Такой же точки зрения придерживается и Владимир Жарихин. Создание «санитарного пояса» между Россией и Европой, в том числе посредством расширения НАТО, замечает он, это политика не Европы, а Америки. И эта политика объективно препятствует нормальным энергетическим потокам через ту же территорию Украины. Не было бы такой перспективы, уверен Жарихин, не возник бы и «обходной» проект СЕГ, по крайней мере, в том его контексте, в котором он начал реализовываться.

Не склонны большинство российских экспертов драматизировать и ситуацию в Крыму. В оптимистическом варианте (если не произойдет раскола Украины) Крым, скорее всего, останется украинским, считает Сергей Караганов. «А как же Севастополь после 2017 года? А как будет развиваться ситуация с крымскими татарами?» — спрашиваем его. Ответ: «А Севастополь России в военном отношении не нужен. Крымские татары — это будет украинская проблема».

«Рост крымско-татарского фактора — вот та угроза, которая должна сплотить русских и украинцев», — убежден Жарихин. — Ну и Турция этот фактор будет стараться использовать. НАТО же к тому времени может маргинализироваться, из альянса выйдут Германия,

Франция и Италия, а останутся в основном страны Центральной и Восточной Европы».

По Приднестровью мнения также оказались неоднозначными. Проблема, уверен Караганов, решится в ближайшие два-три года. Приднестровье на правах субъекта с высокой степенью автономии останется в составе Молдавии.

С таким прогнозом не согласен Жарихин: «Приднестровье, скорее всего, добьется признания со стороны мирового сообщества. А Румыния присоединит Молдову. Какой тут фактор сыграет главную роль? Не этнический, конечно. Главный фактор — это предприятия Приднестровья, ориентированные на Россию, на российский военно-промышленный комплекс».

БЕЛОРУССИЯ-2020

Геополитическое положение Белоруссии может измениться уже в пять-десять ближайших лет. Кстати, в 2020 году Лукашенко исполнится 76 лет.

Итоги последних президентских выборов не признали на Западе, который развернул активное наступление на режим Лукашенко. Возможно, в отношении Белоруссии уже запущен сценарий «демократической революции». Рано или поздно он будет реализован, если в игру не включится «третья сила». Таковой является Россия. Внутри российской элиты все настойчивее звучат призывы к усилению интеграционной роли РФ на пространстве бывшего СССР. В этой риторике присоединение Белоруссии из «электорального аншлюса», цель которого легитимное сохранение власти действующим президентом РФ после 2008 года, перерастает в часть более широкого и самодостаточного геополитического проекта. В условиях нарастающей в Белоруссии «оранжевой» угрозы и внутри российской, и внутри белорусской власти вполне может возникнуть новый «запрос на интеграцию».

В обозримой перспективе Белоруссию ждет выбор между западным трендом и российским, третьего не дано. В битве за Белоруссию Россия имеет более высокие шансы. Хотя бы потому, что перед белорусской элитой неизбежно будет маячить «опыт Украины»,

где в 2004-м «уходящий» режим Кучмы вынужден был идти на компромисс с прозападной частью элиты и в результате проиграл. В последнем случае лично Лукашенко и его близким ничего хорошего не светит. По словам руководителя департамента стран СНГ Центра политических технологий Сергея Михеева, «если Лукашенко будет нужна преемственность, то без поддержки России ему обеспечить ее будет очень сложно».

Россия может не захотеть портить отношения с Западом из-за Белоруссии и не станет брать на себя полноту ответственности за то, что будет происходить там после Лукашенко. В тактическом плане половинчатость подходов Москвы может привести к «разброду и шатаниям», возможно, более серьезным, чем на Украине, спустя год-два после «оранжевой революции». В долгосрочной перспективе отказ от жесткой конфронтации с Западом из-за Лукашенко может сыграть на укрепление позиций России в Минске. В условиях нарастания проблем внутри РБ и невозможности справиться с нарастающим экономическим и политическим кризисом допустим вариант, когда белорусская элита при поддержке населения пойдет на тот или иной вариант «аншлюса». И Россия все-таки прирастет Белоруссией.

ГРУЗИЯ, АБХАЗИЯ И ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ-2020

Существенную роль в этом треугольнике по-прежнему будут играть четыре основных игрока. Во-первых, США, для которых влияние на Кавказе ° — ключ к главному потенциальному театру военных действий ° — Большому Ближнему Востоку и богатому нефтью Каспию, а также рычаг сдерживания растущих амбиций России. Во-вторых, Россия, рассматривающая регион как свое «мягкое подбрюшье». В-третьих, сами непризнанные республики, отстаивающие свой суверенитет. И, наконец, Грузия, для которой решение осетинской и абхазской проблемы имеет огромное внутривнутриполитическое значение.

Мирное разрешение абхазской и осетинской проблемы возможно лишь в случае, если непризнанные республики, равно как и Грузия, а может быть, и Армения, станут частью российского интеграционного

проекта. Хотя сегодня такой вариант выглядит совершенно фантастично.

Что же касается силового сценария, то он вероятен лишь с точки зрения общей непредсказуемости нынешнего тбилисского режима. Попытки взять реванш за поражения 1992 года будут означать катастрофу как для самой Грузии (ее победа маловероятна), так и для России, поскольку в конфликт, как и 14 лет назад, будет втянута западная часть российского Северного Кавказа.

Наиболее вероятен, на наш взгляд, сценарий превращения осетино-грузинского и осетино-абхазского противостояния в перманентный конфликт, наподобие палестино-израильского. И такой вариант устроит почти всех.

Сценарий международного признания суверенитета Южной Осетии и Абхазии вряд ли устроит Россию. В этом случае она рискует получить на южных границах еще две маленькие Грузии. Очевидно, что для укрепления обретенного суверенитета Сухуми и Цхинвали придется лавировать между главными геополитическими силами в регионе — Россией и США. Поэтому от клятв в вечной дружбе они могут быстро скатиться к антироссийской риторике, если им за это заплатят в долларах.

Россия не заинтересована и в присоединении Южной Осетии и Абхазии, поскольку в этом случае она потеряет действенный рычаг влияния на Тбилиси, с которым по эффективности не могут сравниться ни вино, ни «Боржоми». Вместо этого она получит еще два депрессивных кавказских региона, к тому же с сильно криминализированной экономикой и компактно проживающим грузинским меньшинством.

В свою очередь, для Сухуми и Цхинвали вхождение в состав РФ будет означать утрату статуса важных игроков в региональной политике и превращение в 89-й и 90-й субъекты Федерации, по уровню экономического развития находящиеся где-то между Чукоткой и Ингушетией.

Определенные дивиденды от сохранения существующего положения вещей получит и Тбилиси. Абхазский и осетинский факторы в российско-грузинском противостоянии — это важная часть грузинского государственного проекта. Хотя судьба самого проекта до конца, видимо, не определена.

Попытки Грузии «обмануть географию» и вырваться из сферы влияния России не обязательно обречены на провал. Однако реализация такого сценария возможна лишь при условии, что США на длительный срок возьмут на себя содержание стратегически важного партнера, чья территориальная целостность будет при этом постоянно находиться под угрозой. Помимо вышеназванных у Тбилиси имеются проблемы с армянским и азербайджанским меньшинствами, сванами, аджарцами и даже мингрелами, которые формально являются составной частью титульной нации. Впрочем, как и в случае с Россией, утрата проблемных территорий возможна лишь при условии коллапса грузинского государства в целом.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ-2020

Когда пять лет назад рассекретили доклад Национального совета США по разведке «Тенденции глобального развития к 2015 году», эксперты обратили внимание на многовариантность развития как *для* России, так и *для* большей части постсоветского пространства. Наиболее категоричным был прогноз для Центральной Азии: говорилось о нарастании нестабильности, связанной с нерешенностью социальных, экологических, религиозных и межэтнических проблем. Одной из базовых проблем называлась усугубляющаяся нехватка воды, вызванная экстенсивной практикой ее использования для орошения, а также загрязнением подземных вод. Этот фон усугублялся высокой рождаемостью, перенаселенностью (речь о Чуйской и Ферганской долинах), низким образовательным уровнем населения, слабой системой здравоохранения.

Все эти факторы сохранились и сегодня, вряд ли они сойдут на нет к 2020 году. Исключением станет разве что Казахстан, чье динамичное экономическое развитие, диверсификация экономики внушают оптимизм.

Регион останется ареной соперничества за контроль над энергоресурсами со стороны России, Китая, Индии, Ирана, а также США и, возможно, Турции. Наш прогноз: к 2020 году в ЦА может появиться пара «протекторатов» Китая. С большой вероятностью это будут Киргизия и Узбекистан. Посадив у власти лояльные режимы и

«нависнув» над соседями, китайцы попытаются предотвратить в Центральной Азии: а) приход к власти исламистов (это заразительно и опасно для Синьцзяна); б) вестернизацию с перспективой появления «мягких» авторитарных режимов типа назарбаевского (с большой перспективой попадания их в орбиту Запада).

Туркменистан попадет в орбиту влияния российско-иранского «энергетического союза». К 2020 году Иран останется, по большому счету, ведущим, если не единственным, союзником России в Евразии. Прочие «союзники» будут дружить с нами и «любить» Россию, скорее, в режиме вынужденной необходимости.

Туркмения без Ниязова станет центром возрастающей политической активности. Сценарии развития ситуации там могут варьироваться от исламской революции (ей посодействует этнически близкий Иран) до авторитарной демократии по типу азербайджанской. Власть Ашхабада должна будет шире допустить иностранные добывающие компании в страну и определиться с выбором, куда продавать газ: на запад, восток, север или, возможно, тянуть трубопровод в южном направлении. Однако южный маршрут может оказаться реальным лишь при условии достижения глобального консенсуса между российско-иранским «газовым ОПЕК» и Западом во главе с США. Мы исходим из того, что иранский режим к тому времени станет менее теократическим и более «вменяемым», что окажет благотворное влияние и на режим в Туркменистане. Тем более что к этому времени проекты «Север— Юг», прежде всего ТРАСЕКА, будут уже задействованы, а значит, все основные мировые игроки получают дополнительные стимулы активно участвовать в обеспечении стабильности в Каспийском регионе.

Таджикистан, скорее всего, останется зоной перманентной напряженности. Внедрение здесь американцами в политическую практику демократических процедур лишь обеспечит доступ к власти исламистам. Это даст предлог китайцам, получив на то мандат ШОС и действуя в интересах оказавшегося в эмиграции «законного правительства», ввести на территорию Таджикистана «ограниченный контингент Народно-освободительной армии Китая».

Контингенты НОАК к тому времени могут быть также размещены в Узбекистане и Киргизии. Их целью станет, в частности, охрана нефте- и газопроводов, доставляющих углеводороды из Каспийского

региона на территорию КНР, железнодорожной магистрали Синьцзян° — Ташкент, а также китайских диаспор, численность которых в регионе к тому времени будет измеряться сотнями тысяч человек.

Важной региональной державой станет и Казахстан. Элита этой страны будет чувствовать перманентную угрозу со стороны растущего китайского влияния, посему Казахстан с большой вероятностью станет к тому времени членом политической организации НАТО или в иных формах заручится гарантиями своей безопасности со стороны Запада.

Сергей Караганов: «В этом регионе, если он не получит каких-либо международных гарантий, есть очень большая вероятность перекройки границ. Это относится прежде всего к Узбекистану, созданному в свое время, как известно, из отдельных областей. В тяжелом положении находится и Киргизия. Китай же, на мой взгляд, будет действовать более тонко, опираясь преимущественно на экономические рычаги наращивания своего присутствия и влияние через многосторонние организации сотрудничества типа ШОС».

Судьбы региона, в том числе его возможные территориальные перекройки, будут в решающей степени зависеть от того, насколько успешным станет переход от семейственно-клановой системы правления к более демократичной. Стабильность региона, защищенность от скатывания в исламизм и этнические войны все-таки зависят от устойчивого развития «роевропейской» бюрократии, а не от общей социальной либерализации по типу украинской. Если начинается революция и группы власти не найдут точки соприкосновения, вползание в исламизм будет очень реальным вариантом и для Туркмении, и для Таджикистана, и, конечно, для Узбекистана.

Этим странам очень трудно прыгнуть сразу к парламентаризму европейского и даже российского типа. Нужна переходная ступень, а значит, лидеры типа и калибра Нурсултана Назарбаева. Если здесь в 2013 году (когда истекнут полномочия Назарбаева) все пройдет без потрясений, Казахстан с высокой долей вероятности сумеет удержать регион в узде° — как за счет своего «цивилизационного» примера, так и посредством своего растущего политического и экономического влияния.

По поводу СНГ у нас один прогноз: к 2020 году эта нежизнеспособная организация, ненужная уже никому из ее членов, прекратит свое существование. Произойдет это мирно и скучно.

В подготовке материала принимал участие Александр Караваев.

«Профиль» № 24 (485)

Александр Невзоров

ТРЕТИЙ СРОК

Последнее время я начинаю сомневаться в здравом уме нашего президента. С каждым днем это сомнение крепнет и крепнет. Дело в том, что если он считает, что свою работу сделал и может быть отпущен, то там действительно, я бы сказал, проблемы с сознанием.

Дело в том, что он свою работу еще не доделал. Может быть, он мечтает устроиться учителем дзюдо в какую-нибудь спортивную школу и, как страшный сон, забыть всех этих фрадковых, всех этих есиных-лесиных, касьяновых и прочее, прочее, прочее... И вообще полностью абстрагироваться или уйти в буддийский монастырь. Но никакого морального права на это он не имеет. Если сейчас, основываясь на принципиальности, все-таки совершит этот возмутительный поступок, то есть не останется на третий срок, то мы будем вынуждены вспомнить и точно охарактеризовать, что же такое принципиальность. Принципиальность (открываем специальный толковый словарь) ° — это готовность войти в конфликт со здравым смыслом, с безопасностью, с выгодой и необходимостью многих людей ради словесных фигур и фразеологии. Вот что такое принципиальность. Если вот это дичайшее качество под названием принципиальность будет проявлено, то у меня сомнений уже, честно говоря, в поврежденности его рассудка не останется. Дело в том, что этот человек свою работу еще не закончил. Если он пойдет на поводу у так называемой принципиальности, то подаст, конечно, великолепный пример множеству россиян. Хирурги, которые не доделали операцию, могут спокойно, ссылаясь на то, что у них закончилось рабочее время, покидать операционную, а больной с воткнутыми в него скальпелями, с распахнутой брюшиной, истекающий кровью, может лежать дальше. А этот хирург будет говорить: «Вы знаете, я не имею права лишать другого хирурга права на работу». Пожарные, не затушив пожара, будут сворачивать шланги и говорить: «Ребята, сейчас ° — другая смена. Мы никакого права не имеем ущемлять права наших товарищей, которые тоже хотят немножечко тушить пожар». И будут уезжать. А другим пожарным еще нужно переодеваться, нацеплять

каска, готовить карманы и топоры. Я уже не говорю про водопроводчиков, которые будут благополучно оставлять хлещущие краны, ссылаясь на то, что другие водопроводчики, которые придут после них, тоже имеют право на труд. Вот эта ахиня о том, что кто-то другой имеет тоже право на труд президента, ° — это, конечно, дичь и чушь абсолютнейшая, притом что возникает нравственно двусмысленная и некрасивая ситуация. Если наш президент, как говорит моя теща, «чистенький и спортивный», собирается в учителя дзюдо, в спортшколу и абсолютно оставляет политику, то это ° — одна история. Если президент собирается оставаться в политике и, пользуясь огромным авторитетом, рулить судьбой государства, то есть не бросит нас, то на хрена это лицемерие с уходом? Тогда уж надо оставаться и стоять во весь рост, потому что вот кто у нас ° — Президент Президентыч, то это только он, и других в общем-то не надо. Если будет изобретен какой-то третий, совершенно иезуитский и нелепый способ остаться у власти и вроде бы от нее уйти, то при чем тогда эта дурацкая принципиальность, на которую он ссылается для того, чтобы уйти? Ситуация мне абсолютно непонятная, как непонятна она всем. Не то чтобы мы ощущали боль осиротения. Но, в переводе с кремлевского языка на русский, предполагать, что страна находится сейчас в нормальном состоянии, ° — это, извините, безумие. Страна не находится в нормальном состоянии, и только на кремлевском языке, упиваясь какими-то дурацкими цифрами про ВВП, приток инвестиций и прочую чепуху, можно делать оптимистические выводы. На самом деле можно понюхать пассажиров маршрутки в Ленинградской области на протяжении сорока минут. Причем даже не придется специально обнюхивать. Можно сесть на свободное сиденье и, тем не менее, получить все эти запаховые ощущения от жизни в России. И выводы, которые можно сделать из гаммы этих удивительных запаховых ощущений, все расскажут о жизни в России. У нас далеко не так все налажено, как кажется из Кремля. У нас далеко не так все стабилизировалось, как мерещится в Кремле. Только по Кремлю бегают безумный призрак стабилизации России и пугает секретарш в приемных Медведева или Суркова. Живет он только в Кремле, и на ночь его запирает комендант в специальном помещении. А с утра выпускают побегать по коридорам, воодушевить чиновников. Больше он нигде не ходит. За пределы ворот Спасской башни призрак

стабилизации ни разу не показывал носа. Короче, никакой стабилизации нет. Есть очень шаткое равновесие, хрупкое и чертовски уязвимое. И понятно, что смена президента, который не доделал свою работу, это равновесие полностью нарушит. Притом что, как бы ни были смешны и убоги враги России, не надо их недооценивать. У них достаточно много злобы, азарта, жажды славы и жажды обогащения, чтобы всерьез побороться за власть в России. Вроде бы и наплевать, пусть поборются, но бороться-то они будут, бегая по нашим с вами косточкам. Опять. А если даже не по нашим косточкам, то по косточкам нашей так называемой экономики, которая тоже есть потрясающее кремлевское фэнтези, но ничего общего с действительностью не имеющее. Более того, чтобы прекратить все эти разговоры о третьем сроке, необходимо сразу принципиально и жестко оговорить четвертый срок, а возможно, и пятый. Я говорю совершенно серьезно. Нужно не руководствоваться какой-то дурью под названием Конституция, которой цена° — две копейки. Тоже мне сонет Шекспира. Можно и переписать. Надо было, мы эту Конституцию спокойненько расстреляли из танков. А тут вот вокруг нее бегаем, цацкаемся и косички ей заплетаем, и пытаемся тщательным образом гладить ее по голове. Да плевать на Конституцию! Нужен Путин. Нужен в качестве президента. Нужен на третий срок, а может быть, на четвертый. Справится за третий срок° — отпустим в учителя дзюдо. Отпустим, пусть идет, пусть забудет, как нас зовут, пусть выучит язык папуасов, сменит цвет кожи и пол и скроется в джунглях. Пусть идет, куда хочет, но сделав работу. До этого момента разговор о его уходе и о том, что президентом будет кто-то другой, ° — это просто разговор сумасшедших. Я отказываюсь его поддерживать.

«Профиль» № 29 (537)

Александр Невзоров

ЕДИНЫЕ УШИ РОССИИ

Как я знаю, на одном предприятии Ленобласти, специализирующемся на пошиве мягкой игрушки, размещен очень важный заказ. Из специального, очень ноского и качественного ворсистого материала изготавливается около 4000 пар ослиных ушей серовато-песчаного цвета с «легким начесом вверх по ворсу».

Изделие так и артикуловано: «Уши ослиные, стоячие, ворсистые» — ЕР». Уши имеют жесткий проволочный каркас, связующую перемычку того же материала и завязки, закрепляющие их под подбородком и удерживающие на голове в вертикальном положении. Это — новая, обязательная к ношению форма «Единой России». К ослиным ушам рекомендованы костюмы того же цвета. Но костюмами партийцы обязаны обзаводиться сами, а вот уши будут выдаваться в ячейках, на партсобраниях и в будущей парламентской фракции. Уши будут обязательны для ношения на заседаниях Госдумы, на официальных и государственных мероприятиях, митингах, шествиях, демонстрациях. Может показаться, что затея с ушами — некий «перебор», но только на первый взгляд. Это очень выстраданное, разумное и красивое решение. «Единая Россия», равнодушно глядящая на уход Путина с поста президента России или просто допустившая этот уход, осознает необходимость пожизненного и коллективного ношения ослиных ушей с завязочками под подбородком. Впрочем, все это лирика. Сейчас складывается обворожительная ситуация. Наконец-то мы получаем то, что нам нужно: демократию без демократов. Результатом выборов могла бы быть вполне симпатичная, но строго формальная демократия, вызванная не социальной или нравственной потребностью России в демократии, а только политической общеевропейской модой, просто потому, что авторитаризм сейчас «не носят». Новая избирательная система могла бы покончить в России с позором реальной демократии и застраховать нас всех от того, что снова среди дымящихся развалин страны будут шнырять голодные и тупые динозавры «народовластия», как это уже бывало на нашей памяти.

Вообще, сейчас время очень здоровых тенденций. Когда Путин в который раз демонстрирует непреклонность в вопросе ухода с поста президента, он, наверное, думает, что демонстрирует демократию во всей ее красе и блеске. Он ошибается. На самом деле в этой непреклонности явно просвечивает обыкновенный фараонизм и самая вульгарная сакрализация самой обыкновенной чиновничьей должности. Власть ° — это, оказывается, нечто священное. Сугубо фараоническое. Это не ответственность, не инструмент спасения или регулировки отечества в сложную минуту, нет. Это ° — митра, жезлы Верхнего и Нижнего царств, гнусавые жреческие хоры и гарантия качественной мумификации. Это то, что нужно «вовремя и благоговейно» передать. Так в состоянии сильного алкогольного опьянения написал старик Озирис в Книге Мертвых (гл. 4, ст. 81 п. 1 и п. 3, издание 2003 года).

Умора, конечно. А специально возвращенная нашим фараоном повышенной принципиальности каста («Единая Россия») будет тупо и угрюмо глядеть на «процесс передачи», понимая, что скоро и ее живьем замуруют в очередной ритуальной пирамиде. А уж умные они или нет, цвет они отечества или нет, ° — разберутся скарабеи и черви. На вкус. Конечно, кое у кого есть робкая преступная надежда, что преемник будет не совсем идиотом. Но! Ситуация требует как раз обратного. Чем более он будет не идиотом ° — тем хуже для России. Больше бы хотелось, конечно, что-нибудь дауновидное, с развешенными под подбородком слюнями, мутноглазое, немое, не слезающее с большой резиновой спецзаказной Барби. А еще лучше радиоуправляемое. Было бы чудесно. Новый Глава Администрации Президента ° — Владимир Путин ° — с утра дарит новому президенту новую коробку с пазлами и травкой, что нужно ° — подписывает, сам водя рукой слюноносца, а потом властителя надолго запирают, но по ночам разрешают грызть рубиновую звезду со Спасской башни, чтобы правитель мог иногда чувствовать вкус власти. Боюсь, это неосуществимо. Путин был лишен необходимости поступать в соответствии с требованиями и традициями мировой истории власти, приговаривающей правителя к аннуляции живого предшественника. Предшественник был настолько дряхл и едва виден под торчащей щетиной китайских целительных игл, что ему можно было позволить тихую старость.

Путин, сошедший с престола, остается Путиным. Архисильной, ядерной фигурой. Фигурой номер один. Любой преемник будет обречен рано или поздно «развернуть орудия» в его сторону. Такова логика власти и истории. По-другому еще не было никогда и ни у кого, не надо обманываться. Можно, конечно, напустить гигантскую лужищу розовых политкорректных слюней и в ней попускать кораблики° — «стабилизация», «демократизация», «единство». Но это игры для совсем слабоумных, никогда не бравших в руки даже учебника истории. Преемник же, вероятно, и своей рукой навсегда затворит каменные двери в пирамиду, в которой будет вынужден замуровать ослоухую касту нынешних стабилизаторов России. Касту, которая так и не поняла, что ее историческая задача не чванничать, не голосовать, не пустословить° — а удержать Путина у власти. Любой ценой. Но они, кажется, не понимают.

В связи с этим у меня есть идея. Под Парижем, в конюшнях принца Конде, живет поразительных вокальных данных осел породы пуату. Я могу договориться с владельцем, господином Бьяноме, чтобы он два раза в неделю принимал группы из «Единой России» для обучения их ослиному крику у лучшего исполнителя в этом жанре. В замуровке, в пирамиде, в вечной черноте будет повеселее. На первых порах, пока не подползут скарабеи.

«Профиль» № 32 (540)

Александр Невзоров **ГОРШОК ГАЙДАРА**

Будем откровенны. Он был сер. Он и так был невыносимо сер, наш депутатский корпус, но сейчас так называемый парламентаризм в России входит в прекрасную стадию полного, абсолютного осерения.

Поначалу было забавно. Было заметно, что есть одна лишь профессия, которая не требует ни особого призвания, ни даже простой к себе склонности. Будем откровенны (тут я и сам зарделся), это ° — профессия депутата. Какое-то время иллюзию жизни в парламенте создавали накладные груди Марычева, лысина Шандыбина и редкие, но все же драки. Но скукожились груди и потускнела лысина, дерутся все реже и декоративнее и с очень характерной для полной бессмыслицы деловитостью дефилируют по желтым полированным рядам российской Думы неотличимые друг от друга партийные серокостюмцы. Когда «Единая Россия» только родилась, ее «мама» Сурков ломал в тревоге пальцы, выглядывая одновременно из-за всех колонн Думы. «Единая Россия» производила прекрасное впечатление. Сразу было понятно, что перед нами боевые роботы президента, которые перед заседаниями вынимаются из футляров, смазываются и по одному выпускаются в зал. Роботы функционировали, кстати, недурно. Если случались сбои, то тут же выключались камеры и по рядам неся Сурков с масленкой. Этого не видел телезритель, но ему и не следовало знать всей анатомии политических процессов ° — его это могло отвлечь от заучивания преимуществ прокладок перед чипсами. В общем, что-то происходило. Еще блистал Жириновский, Митрофанов был на пару центнеров стройнее, с председательского места важно тряс серыми брылами Селезнев, летали графины, Березовский таки сдавал «корочки», а Абрамович не сдавал... Дума скучнела, но еще теплилась. Впрочем, и тогда было заметно, что к законотворчеству она почему-то ни малейшего отношения не имеет.

Было понятно, что натужно и тупо в каких-то неведомых кремлевско-министерско-политологических недрах создаются тексты, от скуки и бессмысленности коих самообесточивались или переходили в «спящий» режим даже принтеры, на которых они размножались для

разноса по залу. Эти тексты назывались законами. Как и все порожденное государством, это было бессмысленно, но неизбежно.

Госдума откровенно летаргировала, производя лишь процедуры ритуального ворошения бумаг и состязаясь в мощи и продолжительности зевков. Парламентаризм, в его бенджамино-дизраэлевском смысле, в ипостаси блистательного ораторства, в измерении, когда талантливое решение, не раздавленное девятьюстами ягодицами заседающих, не кастрированное и не перепачканное поправками, превращалось бы в закон, так и не родился. Причина проста и понятна. Сейчас мы можем говорить об этом открыто, так как теперь уже так называемый парламентаризм России точно не грозит. Лоббирование, мощное и крепко обогатительное, строго индивидуальное, успех которого напрямую бы зависел от веса и блеска парламентария, так и не расцвело. Несчастный, прелестный, абсолютно европейский цветок коррупционного лоббизма умер в горшке Гайдара.

Тот, как вы помните, будучи крайне застенчивым товарищем, очень застенчиво доставил волшебный цветочек из Европы на думскую землю и столь же застенчиво пытался присунуть его в думский молодой гумус. Ему не хватило упорства, элементарных познаний в садоводстве, а может быть, он просто боялся милиции. И что обидно ° — плодородный слоишко-то был в то время. Депкорпус был представлен настолько индивидуализированными монстрами и безумцами, настолько яростными негодьями и жадинами, что что-то у нас могло и получиться. Но все было утоплено в глупой моде на честность. Оно и понятно, честность не требует усилий. Лоббизм не прижился, парламентаризм не состоялся. Следовательно, единственный двигатель, который приводит в настоящее движение механизмы подлинного законотворчества, так и не был никогда включен. Лишенные масштабных корыстных мотивов депутаты теряли вкус к общественному благоустройству, к речам, ораторскому блеску и интригам.

За слово «козел» били, за плескания водой или плевков спящему за шиворот тоже. А вот за 1546-ю поправку к закону о пчеловодстве, к примеру, не били. И за 542-ю поправку к какому-нибудь другому закону киллеров не нанимали. Это было тревожным симптомом, но

госвласть не реагировала. Поэтому депутат вырождался на глазах. И его можно понять.

Мелкий, убогонький лоббизмик, копеечный, цвел, конечно, но был по силам любому, даже самому тупому и неизвестному из депутатов. Разумеется, произносились все ритуальные словеса, некое внешнее сходство с парламентом периодически, что называется, проскакивало, но не более. О благих намерениях я вообще не упоминаю, так как хорошо известно, какая организация ими вымощена.

Сейчас о горшке Гайдара никто даже не вспоминает. Сейчас (и давно) Дума° — нуднейшее госучреждение, где теряют ориентацию в пространстве даже мухи, тупо перелетая из одного приоткрытого в полусне рта в другой. Грядущие перемены, корневое переименование принципов думствования° — это, по сути, что-то вроде чернобыльского саркофага, где партийный шеренговый принцип намертво накроет наконец бетонным колпаком и мух, и легкие побои, и память о грудях Марычева, и тот маленький волшебный корешок, что когда-то был спасен из горшка Гайдара. Говорят, он, завернутый в полиэтилен, надежно запрятан в кашпо одного из глупых думских фикусов. Кажется, на втором этаже.

«Профиль» № 36 (544)

Александр Невзоров

ПАЛЕЦ ПРЕЗИДЕНТА

Вот уж в чем Россию никак нельзя обвинить, так это во вкусовой разборчивости. Известно, что наша матушка-родина с особым удовольствием, с редкой маниакальностью пожирает своих детей. Причем, будем уж до конца откровенны, именно сыны отечества и составляют основной рацион нашей очаровательной старушки (милой матушки).

Однако дети избираются совершенно не по принципу вкусовых качеств, калорийности или иных гастрономических достоинств, а просто по принципу «кто поближе» к главе, то есть непосредственно к государственной пасти. Воздыхать и сокрушаться по этому поводу бессмысленно, традиция укоренившаяся, стойкая, являющаяся неременной частью национальной истории и культуры. Меня, правда, всегда удивляло не то, что Россия пожирает этих своих детей, а то, что ее после этого не рвет фонтаном. Ведь все мы, если разобраться, детишки-то еще те!

Но нынче у нашей родины парадный, званный, торжественный обед. Нынче матушка Россия лакомится свежей генералытинкой. Начались большие разборки спецслужб. Тесно генералам.

А все отчего? Слишком много русские производства делают нынче лампасной ленты и уж чересчур много вышивают золотой канителью погон.

Вот и довышивались. Понятно, что всю эту лампасно-золотошвейную товарную массу надо обеспечить потребителем, то есть генералами. Вот и штампуют их, чтобы поддержать отечественного производителя лампасной ленты. Благородно. Как известно, мы по производству этой самой ленты опережаем все европейские страны. Можно гордиться. Однако есть тут одно «но»... Известно из истории, что доведенная до критического объема генеральская масса неизбежно приступает к самоликвидации. Кажется, наконец-то приступила.

Народонаселение смотрит на такие процедуры очень оптимистично, надо сказать. Отчасти потому, что все эти скандалы

развлекают. Но и радуют тоже.

Правда, радуют по причине полной наивности. Народ опять верит, свято и до последнего верит, что пойдет цепная реакция и силовики друг друга перестреляют, пересажают, взаимоарестуют ° — до последнего, самого маленького и незаметного генералишки. И никакого «силового» начальства в России просто не останется. Можно будет вздохнуть, ощутив себя практически в Царствии Небесном. Святая, чисто русская наивность.

Та же мировая история, к сожалению, свидетельствует, что в самых жутких спецслужбианских катаклизмах, когда, казалось бы, гибнут или садятся все, пара завалященьких генеральцев как-то выживает и уже прямо на руинах своих ведомств приступает к размножению. А через годик генеральская популяция в России не просто восстанавливается в полном объеме, но еще и разрастается.

Причины нынешней генеральской самопожираловки, в которую включились на данный момент уже почти все ведомства, ° — чисто зоологические, то есть к благу отечества отношение, как всегда, имеющие «самое прямое». Умилительны формулировки взаимообвинений. Например, про «прослушивание телефонных разговоров». С таким же успехом можно русских хозяйшек обвинить в натирании свеклы для салата. Да еще и статью за это ввести. Но при этом, грохоча ложкой, требовать свекольного «салату».

«Прослушка» ° — это ж святое дело. Необходимое и непереносимое. А как еще, спрашивается, узнать, о чем говорят во вражеском лагере? Вон, на любой войне грохнуть курьера, забрать депешу, вскрыть и прочесть ° — обычный подвиг, за это ордена давали! Перед строем. Правда, чуть удручает отсталость. Полстраны, узнав формулировочку, мрачно скислилось. «Простая прослушка»... Да, грустновато. Опять неандертальщина.

Ведь есть же «аськи», которые можно ломать, красть и читать. Есть «мыло», которое можно потрошить просто или затеисто, с любовными подбираниями паролей. Есть закрытые сайты, которые грех не хакнуть...

Однако будем надеяться, что «прослушка» ° — это просто привычный термин, что решили не конкретизировать обвинения, а на самом деле все обстоит нормально и наши спецгенералы начинают

трудовой день с распечатки всех вражеских «асек» и эсэмэсок, а не просто с вульгарного просмотра «прослушек».

В общем, все хорошо. Спецслужбы выписывают ордера друг на друга, навинчивают глушители и готовят наркоту для подброса оппонентам. Прокуратура пьет яйца, чтобы звонче разносились тексты «предъяв». Пресса, чавкая, раздирает эту историю, ожидая первые спецтрупы, веселя и обнадеживая страну.

Немного настораживает то, что мы пока не видим палец президента. И более того, не знаем, какой именно палец будет явлен России и миру в результате всей этой истории.

Хорошо, если это будет большой палец, который нормально повернется вверх или вниз, указуя, по традиции всех кровавых цирков, кому жить, а кому жить хуже.

Но вдруг это будет°— страшно подумать°— палец средний?

Нормальный средний палец человека, смертельно уставшего от нас и от всего этого маразма.

«Профиль» № 39 (547)

Михаил Леонтьев

ПОЛУМНОГОПАРТИЙНАЯ СИСТЕМА

Предсказуемость результатов выборов не свидетельствует об их антидемократичности, как не свидетельствует и об обратном. Пятидесятипроцентный «потолок», который предрекают социологи так называемой партии власти, никак не свидетельствует о давлении на избирателя и пресловутом отсутствии выбора.

При этом тот факт, что почти все социологические опросы показывают практически одинаковые результаты, с одной стороны, свидетельствует об адекватности волеизъявления, с другой ° — фактически исключает возможность фальсификации его результатов.

«Партия власти» ° — «Единая Россия» ° — идеологически более или менее определилась как партия консервативной модернизации, что, вполне естественно, включает в себя некие социальные и либеральные мотивы, которые в консервативной традиции друг другу вовсе не противоречат. «Единая Россия» ° — это, по сути, партия нынешнего президентского курса в том виде, в котором он сегодня осуществляется на практике. В этом ее и сильная, и слабая сторона.

«Справедливая Россия» призвана, насколько это можно наблюдать, объединять левую социальную составляющую путинского большинства. Собственно, это очень традиционная для нашего национального сознания тема: справедливый царь как укорот против зарвавшихся вельмож. Успех «Справедливой России» за рамками предсказываемых ей скромных проходных процентов определяется ее способностью отгрызть электорат у традиционных левых. Здесь есть один серьезный душеприказчик ° — коммунисты. Это партия брендоносителей, и бренд этот будет работать, пока он сохраняет хоть какую-либо привлекательность по сравнению с реальным текущим состоянием государства, хотя бы мифологическую (поскольку мифология ° — важнейшая составная часть публичной демократии). Однако Компартия не только не стремится к власти, что очевидно. Создается впечатление, что нынешние коммунисты вообще больше

всего опасаются оказаться в ситуации, когда им придется хоть за что-то отвечать. Такая позиция, мягко говоря, деморализует избирателей. «Эсеры», напротив, азартно заточены на принадлежность к власти, собирая под это все, что плохо лежит. Это напоминает советский ЦСКА, но, к сожалению, второго состава.

Легендарная ЛДПР вообще не является политической партией. Это явление совершенно другого жанра, вроде цирка в опере. Невозможно представить себе избирателя, не находящегося в состоянии помешательства, который ожидал бы от ЛДПР выполнения каких-либо предвыборных обещаний. Традиционно голосование за ЛДПР — это плевок в избирательную урну. Однако есть впечатление, что такая форма протестного поведения за последнее время стала чрезмерно гламурной. Отсюда и главные опасности для этой шоу-программы.

Так называемые демократические партии (считающиеся «демократическими» по явному недоразумению, поскольку именно демократию в прямом смысле — как власть большинства — они более всего ненавидят и сильнее всего от нее страдают) на самом деле типичные партии меньшинств. В чем, собственно, и заключается их общая проблема. СПС уверенными шагами движется к восстановлению своего ограниченного представительства, взяв на вооружение популиста Бакова и сделав ставку на людей, страдающих политической амнезией, — ставка рискованная, но, как показывает практика, к сожалению, по состоянию здоровья нашего электората вполне реальная. Проблемы «Яблока» носят характер inferнальный. На самом деле люди, которые пихали «Яблоко» к объединению с СПС, не замечали того факта, что «Яблоко» — интеллигентская альтернатива СПС и его цинизму во всех смыслах. Проблема в том, что у нынешнего «Яблока» нет не только материальной базы, но и электоральной, что, в общем, практически одно и то же. В отличие, кстати, от СПС, где место резвой команды олигархов и проамериканских чиновников кое-как заняла маленькая компания РАО ЕЭС, обеспечивающая не только матчасть, но и достаточно вменяемый политический контроль. «Яблоко» — партия одного лидера, Григория Явлинского, сохранившего во всех бурях незапятнанными политические одежды и все более напоминающего неуловимого ковбоя Джо из известного анекдота. Дополнительное горе в том, что за его

спиной собрался неуправляемый и, думаем, презираемый им балаган маргиналов, отказаться от которых Явлинский не может. Потому что никого другого просто нет. История «Яблока» ° — это история трагикомической агонии советской интеллигенции, подавляющая часть которой переходит в категорию так называемых бюджетников, а бюджетники ориентированы совсем на иные ценности.

Достаточно ясный и четкий мировоззренческий расклад позволяет считать зарождающуюся российскую партийную систему политической ° — в отличие от американской и большинства европейских имитаций политики как таковой. То, что эта нынешняя партийная система несовершенна, ° — банальность. Возможно, она останется такой надолго, и слава Богу. Именно это определяет ее место несколько в стороне от реальной политической власти.

«Профиль» № 32 (540)

Михаил Леонтьев

РАЗРУХА В ГОЛОВАХ

Мифология управляет людьми в значительно большей степени, чем обоснованные реалии. Тем более когда мифы становятся инструментом информационной войны, обеспеченной мощными ресурсами.

На фоне избирательного цикла, в который вступает Россия, мы принуждены увидеть весь набор классических мифов, свидетельствующих о родовой ущербности России. Один из самых распространенных — миф о якобы проклятии ресурсного богатства.

Здесь хотелось бы заметить такую вещь: современная мифология очень любит использовать статистику. Однако это не проблема статистики, а проблема пресловутых «статистов». Сама по себе статистика достаточно точная и методологически четкая наука, где существуют ясные критерии репрезентативности. Политические жулики, систематически манипулирующие псевдостатистикой, никакого отношения к этим критериям не имеют и эксплуатируют один из самых банальных мифов: помните — «есть ложь, грубая ложь и статистика». Это все равно что вам под видом русского литературного языка подсовывали матерную брань в исполнении нерусскоязычного иностранца. Наш автор упоминает пресловутую фоменковщину. Хотелось бы привести более актуальный пример — это илларионовщина, когда бывший советник президента порол откровенную чушь, основываясь на безграмотных и к тому же подтасованных статистических рядах и никогда не удосуживаясь научным, то есть логическим, обоснованием выявленных «закономерностей». Дело в том, что статистическая корреляция — это метод выявления степени взаимосвязи внешне никак не связанных между собой явлений. Выявлять зависимость между явлениями, имеющими очевидную логическую связь, глупо и методологически безграмотно: как, например, устанавливать связь между ударом в глаз и появлением синяка. С другой стороны, выявление высокой степени корреляции (опять же при корректном применении метода) между явлениями, внешне совершенно независимыми друг от друга, — ну,

например, возникновением прыщей при повышении влажности° — это прикладной методологический прием, интересный как повод для дальнейшего научного осмысления. Общая наша проблема в том, что в современной экономике роль аналитиков выполняют не ученые, выявляющие причинный смысл событий, а биржевые спекулянты. Основной посыл которых: будет так, потому что так было 150 раз в подобных случаях. А самое поганое случается в 151-й раз, и кто бы мог подумать?! Даже слово такое придумали° — «эконометрика»... Что касается нашей статьи: автор приводит примеры стран, показавших выдающиеся результаты и не обладавших нормативным уровнем современной либеральной демократии, ° — Корея, Тайвань, можно добавить Китай и Сингапур... На самом деле можно назвать две страны, показавшие в XX веке безусловно самые высокие темпы экономического роста. Вы будете смеяться, но это сталинский Советский Союз и гитлеровская Германия... И при чем здесь «ресурсное проклятие»?

Есть вполне живой очевидный пример: Россия Ельцина и Россия Путина. Дело не в Ельцине и Путине. Очевидно, что количество ресурсов в России при Ельцине никак не уменьшилось по сравнению с советским периодом и опять же таки не выросло при Путине. Конечно, поправилась конъюнктура, но не это главное. Главное ° — если вы разрушаете все какие-никакие институты государства, то у вас почему-то возникают проблемы с экономическим развитием. А если вы их кое-как восстанавливаете, то у вас эти проблемы некоторым образом смягчаются. Как заметил булгаковский персонаж: «Разруха не в сортирах, разруха в головах».

«Профиль» № 34(542)

Михаил Леонтьев

ДЕМОКРАТИЯ КАК ИМИТАЦИЯ НАРОДОВЛАСТИЯ

В потоке демагогии на тему о всемирном торжестве демократии, об отступлении России от демократических принципов не находится места и времени определиться в том, что такое на самом деле пресловутая «демократия» и какое она касательство имеет к собственно реальному народовластию. Так вот. Мы, кажется, нашли самое место и самое время.

Все, что здесь изложено, не претендует на открытие или озарение. Это все вещи вполне банальные, то есть от этого не перестающие быть очевидным фактом. Существует только две жизнеспособные (совместимые с жизнью общества) формы реального существования «демократии». Либо демократия цензовая ° — то есть реальная демократия для избранных. Либо демократия «управляемая» ° — то есть имитация демократии для всех. Вся современная либеральная демократия есть демократия управляемая. И не может быть никакой иной. «Неуправляемая демократия» ° — это охлократия: террор и хаос, быстро переходящие в зверский тоталитаризм.

Дело в том, что всеобщая ° — прямая, равная... ° — демократия подразумевает формальное равенство совершенно неравных индивидов. Ни в профессиональном, ни в интеллектуальном, ни в имущественном плане, ни с точки зрения мотивации ответственности. Голос дегенерата-алкоголика равен голосу профессора-интеллектуала и т.д. Такое формальное равенство, будь оно реализовано, ° — это как если бы в акционерном обществе одинаковым голосом обладали мельчайшие миноритарии и владелец контрольного пакета. Или на ученом совете ° — профессор и студент-недоучка. Такая система просто не могла бы функционировать. Поэтому механизм реальной демократии ° — это всегда механизм компенсации формального равенства.

Исторически демократия ° — то есть форма правления, где власть избирается гражданами, имеющими определенные права, ° — родилась

как демократия цензовая, демократия для избранных. В классической античной демократии граждане ° — это воины, имеющие свое постоянное место в строю (в фаланге, в легионах Рима). Гражданин ° — тот, кто обязан в любой момент отдать жизнь за страну. Это, по сути, обмен прав на жизнь. Именно эта связь есть незыблемая основа неотъемлемости прав. Вся последующая эволюция «демократии» ° — процесс разрыва этой связи вплоть до полного ее исчезновения. То есть нынешние политические права (не путать с правами человека вообще) не основаны ни на чем. И, таким образом, принципиально отъемлемы.

Процесс разрыва проходил в несколько этапов. «Право в обмен на жизнь» рассосалось с появлением наемного войска. Право трансформировалось в привилегию, а жизнь ° — в деньги. Современный парламентаризм родился как участие налогоплательщиков в принятии решений относительно судьбы их налогов. Чтобы объявить войну, королю нужно было согласие налогоплательщиков эту войну оплатить.

«Модельная» американская демократия «отцов-основателей» в начале XIX века допускала к выборам 12% взрослого населения. Разнообразные имущественные цензы в пересчете превышали нынешний миллион долларов. То есть, по сути, это и была «элита». Один из «отцов-основателей», Александр Гамильтон, называл народ «великим чудовищем». И сами они рассматривали демократию в первую очередь как инструмент обуздания этого «чудовища».

Расширение круга допущенных к демократии стало возможным при некотором сокращении имущественного и образовательного разрыва (что не стоит преувеличивать, впрочем), но главное ° — при совершенствовании различных рычагов управления общественным сознанием и политическими институтами. То есть параллельно расширению демократии выстраивались компенсаторные механизмы. То, что называется «многопартийной системой», «независимой прессой», «свободными выборами», ° — инструменты контроля над теми же самыми партиями, прессой и выборами. Причем эти инструменты постоянно совершенствуются. Самый действенный инструмент ° — финансовый. Никто, кроме существующей экономической и политической элиты, не обладает возможностью

содержать партии, независимые СМИ и финансировать избирательные кампании.

На первом этапе° — в «политическом модерне»° — эти механизмы действовали, но со скрежетом и срывами, обозначенными социальными, национальными движениями, протестами, революциями, жестким и открытым мировоззренческим противостоянием на уровне политики. «Модерн»° — большая половина XX века ° — это время, когда «народные массы» принимали непосредственное участие в политическом процессе. Часто говорится, что фашисты и коммунисты «манипулируют сознанием, обращаясь к низменным инстинктам масс». Это, безусловно, верно. Так же, как и верно то, что сами массы° — хотя бы в таком «отманипулированном» виде° — необходимы тем и другим в политическом процессе. На них, как минимум, обращают внимание. С этой точки зрения фашизм и коммунизм есть высшие и последние формы развития народной, «массовой демократии».

В условиях современной демократии, когда компенсаторные механизмы волеизъявления доведены до совершенства, эти «массы» из политического процесса удаляются полностью. А сам процесс превращается в имитацию борьбы, когда основные политические партии мировоззренчески неотличимы друг от друга ° — во всяком случае, с точки зрения пресловутого избирателя. Наивысшего совершенства система достигла в «модельной» американской демократии, где даже профессиональные эксперты затрудняются обозначить отличия между основными политическими партиями. На суд избирателя все более выносятся вопросы, не имеющие никакого отношения к выработке реальной стратегии, реальным политическим интересам и вызовам. А избиратель полностью отдается проблемам защиты прав животных, растений, национальных и сексуальных меньшинств.

Политическая элита полностью мировоззренчески консолидирована, и это мировоззрение ° — ценности, мифологемы, образцы поведения ° — внедряется в массовое сознание с помощью современных информационных технологий общества потребления. Если можно заставить разумного человека непрерывно менять модели автомобилей, телефонов, галстуков, памперсов и прокладок, отдавая за это реальные деньги, то заставить потреблять ценности и мифы

бесплатно и с удовольствием ° — во много раз проще. Современная либеральная демократия ° — по сути, механизм господства элит, основным инструментом которого является практически тоталитарная медиакратия. Системная оппозиция в этих условиях ° — удобная форма переливания из пустого в порожнее, она практически неотличима от системной «позиции». Внесистемные оппозиционеры не просто допускаются, они даже культивируются ° — как экзотические твари, в специально отведенных местах, где и должны обитать маргиналы.

Забавно, кстати, что у нас в России системную оппозицию принято презирать, обвинять в «пособничестве Кремлю». «Настоящей оппозицией» у нас считаются только те, кто обвиняет власть как минимум в преступлениях против человечности и призывает к свержению ее ° — в идеале насильственным путем. На самом деле ничего, может быть, в том плохого и нет. Ну, симулякр. Ну, власть элит. Тем не менее современная либеральная демократия оказывается способной решать многие задачи ° — от поддержания социальной стабильности до определения национальной стратегии. Правда, в определенных ей отведенных пределах (см. статью Дмитрия Куликова и статью Михаила Юрьева).

Проблема в том, что предпосылкой безопасного, не смертельного для страны существования либеральной демократии является лояльность этих самых элит собственной стране. Это проблема, которая перед странами традиционной западной либеральной демократии никогда не стояла. И проблема, которая перед Россией стояла всегда как самая острая. Это хроническая, рецидивная измена элиты собственной стране. Исторический анализ этого феномена ° — предмет отдельного рассмотрения. Можно только напомнить, что именно предательство элит ° — основное содержание всех трех русских Смут: 1611-го, 1917-го и 1990-х годов. А доставшаяся нам (или сформировавшаяся) после краха Союза элита ° — суть посткатастрофная, мародерская и компрадорская. Не хочу сказать ничего плохого персонально, но по основному типу это люди, присвоившие себе имущество ими же прибитой страны, чье существование и обогащение не признается легитимным местным населением, и поэтому ищущие легитимации, убежища и спасения у вероятного противника. Если бы известные рычаги господства этой либеральной элиты не были чудесным образом у нее изъяты, она бы

страну уж точно уконтрапупила. Исключительно в интересах собственной безопасности.

На самом деле наша «суверенная демократия»^о — это ни в коем случае не какой-то особый вид механизма управления. «Суверенная демократия» отличается только тем, что она суверенная. То есть суверенитет мы рассматриваем как предпосылку демократии, поскольку без суверенитета никакой демократии и вообще «кратии» быть не может. Это пионерское самоуправление, которое просто не является политической системой.

Попытка навязать стране по правилам и под диктовку формальную либеральную демократию, не дав ей выстроить тех самых компенсаторных механизмов^о — не только постоянных, но и хотя бы временных,^о — имеет целью деградацию и дегенерацию государства, которое автоматически теряет качества суверенного субъекта и даже просто способность к самоуправлению (поскольку самостоятельно неспособно решить даже задачу компенсации формального равенства).

«Профиль» № 27 (535)

Выходные данные

ПРОЕКТ «РОССИЯ»

ВОЗРОЖДЕНИЕ

КРЕПОСТЬ «РОССИЯ»

Москва

«ЯУЗА-ПРЕСС»

2008

ББК 66

Л 47

Оформление серии художника *С. Силина*

Леонтьев М., Невзоров А. и др.

Л 47 Крепость «Россия». — М.: Яуза, Эксмо, 2008. — 320 с. —
(Проект «Россия». Возрождение).

ISBN 978-5-699-25740-9

Наша страна — неприступная крепость! Если только ее не сдаст
без боя «внутренний враг».

У нас великое будущее! Если власть наконец распрощается с ненавистным народу «либерализмом».

Русское экономическое чудо не за горами! Если перестать оглядываться на Запад и вернуться к былому «красному проекту».

Новый проект знаменитого журналиста и телеведущего Михаила Леонтьева!

Новые статьи Александра Невзорова!

Бескомпромиссная критика прежнего курса и прокладка нового.

Подлинная свобода слова ° — без намордника «либеральной» цензуры.

Всем, для кого Россия° — наша Родина, а не «эта страна».

Патриоты, объединяйтесь!

Вы искали национальную идею? Вот она!

ББК 66

ISBN 978-5-699-25740-9

© ООО «Национальная служба мониторинга», 2008

© ООО «Издательство «Яуза», 2008

© ООО «Издательство «Эксмо», 2008

Copyright

Михаил Леонтьев, Александр Невзоров и др.

КРЕПОСТЬ «РОССИЯ»

Издано в авторской редакции

Художественный редактор *П. Волков*

Технический редактор *В. Кулагина*

Компьютерная верстка *С. Кладов*

Корректор *Е. Холявченко*

ООО «Издательство «Яуза» 109507, Москва, Самаркандский б-р,
д. 15

Для корреспонденции: 127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5
Тел.: (495) 745-58-23

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-
21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: fnfo@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо»;

ООО «ТД «Эксмо». 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г.
Видное, Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: receptlon@eksmo-eale.ru

*По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными
оптовыми покупателями обращаться в ООО «Дип покет» E-mail:
foreignseller@eksmo-sale.ru*

*International Sales: International wholesale customers should contact
«Deep Pocket» Pvt. Ltd. for their orders. foreignseller@eksmo-sale.ru*

*По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в
специальном оформлении, обращаться в ООО «Форум»: тел. 411-73-
58 доб. 2598. E-mail: vipzakaz@eksmo.ru*

*Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими
товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»: Компания «Канц-
Эксмо»: 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87
(многоканальный), e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru*

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей: В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е. Тел. (812) 365-46-03/04. В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70. В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46. В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70. В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 268-83-59/60. В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а. Тел. (343) 378-49-45. В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044)501-91-19. Во Львове: ТП ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Буэкова, д. 2. Тел./факс: (032) 245-00-19. В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым» ул. Киевская, д. 153. Тел./факс (0652) 22-90-03,54-32-99.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и канцтоварами «Канц-Эксмо»: 117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76. 127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 780-58-34.

Подписано в печать 13.05.2008.

Формат 84x108 ¹/₃₂. Гарнитура «Школьная». Печать офсетная.

Бумага тип. Усл. печ. л. 16,8. Доп. тираж 5100 экз.

Заказ № 2667.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат». 143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

---

notes

Примечания

Бердяев Н.А. Душа России. М., 1990. С. 12.

Мандельштам О. Сочинения. М., 1990. Т. 2. С. 155.

Brandes G. Impressions of Russia. N.Y., 1889, p. 23–24, 25.

Два взгляда из-за рубежа. М., 1990. С. 69.

Цит. по: *Шаповалов В.Ф.* Россияведение. М., 2001. С. 139.

Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М., 1994. С. 300.

Менделеев Д.И. К познанию России. С.-Пб., 1907. С. 111–112.

Пушкин в русской философской критике. М., 1990. С. 3.

Русская идея. М., 1992. С. 51.

Розанов В.В. Сумерки просвещения. М., 1992. С. 526.

Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 56–57.

Федотов Г.П. Письма о русской культуре.

Соловьев С.М...Общедоступные чтения о русской истории. М., 1992. С. 191.

Русская философия собственности. С.-Пб., 1993. С. 335.

Haslam J. Russia's seat at the table: a place denied or a place delayed?
«International Affairs», № 1, 1998, p. 122.

Billington. Op. cit., p. 545.

Федотов Г.П. Лицо России/Свободные голоса. Петроград, 1918.
С. 17–18.

По данным масштабного социологического исследования «Самоидентификация россиян в начале XXI века» (руководители И. Клямкин и Т. Кутковец), подобные воззрения в России исповедуют менее 7% населения страны. Главный вывод исследования формулируется так: «В современной России реформаторский потенциал общества значительно превышает реформаторский потенциал элит... Модернизация блокируется не менталитетом населения, а российской элитой, не готовой и не способной управлять свободными людьми. Стремясь компенсировать эту свою неспособность, она реанимирует старые мифы о русском народе».

Данный текст, в сокращенном виде опубликованный в «Комсомольской правде» 27 апреля 2005 года, представляет, по сути, авторскую компиляцию идей и концепций широкого круга авторов «Главной темы» (в частности, С. Лопатникова, В. Найшуля, А. Уткина, С. Кургиняна, С. Чернышева, М. Юрьева и Е. Холмогорова, которому, собственно, и принадлежит тезис «реставрация будущего России»). Этот текст ° — попытка в предельно мягкой форме сформулировать общую программу, построенную на некоем видении результата и задач на ближайшее будущее. Как мне представляется, эти тезисы ° — настолько общие, что близки к консенсусным для всех, кто считает, что страна должна предпринять какие-то усилия, чтобы выжить. И все существенные возражения лежат за рамками этого консенсуса.